

Шёпот чернильных волн

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2014

Выражаем благодарность за финансовую помощь: администрации Усть-Камчатского муниципального района; администрации Ключевского сельского поселения; президенту Усть-Камчатской ассоциации рыбопромышленников, депутату Законодательного собрания Камчатского края Копылову Андрею Алексеевичу, а также всем тем, кто принял участие в подготовке и выпуске книги.

Составители: З. Н. Елисеева, Ж. А. Германович

На обложке – картина камчатского художника Александра Мешкова
«Крестовская сухая речка»

В книге использованы работы художников: А. П. Мешкова, К. Д. Саушкиной, П. А. Кириченко, О. Г. Бловацкой, А. Зарецкой, П. Фоминой

Уважаемые читатели!

Перед вами книга «Шёпот чернильных волн» – сборник стихотворений поэтов, судьба которых так или иначе связана с судьбой живописного селения Камчатки – посёлком Ключи.

Она издана в память об удивительном человеке, почётном жителе Усть-Камчатского района Елисеевой Зинаиде Николаевне. Долгие годы она кропотливо собирала материал о земляках-поэтах, вела переписку с авторами, поддерживала связь и проводила встречи как с состоявшимися литераторами, так и с теми, кто только в начале своего творческого пути. Её жизни не хватило завершить этот многолетний труд, не суждено было увидеть долгожданный сборник – воистину антологию произведений ключевских поэтов, каждое стихотворение которого пронизано размышлениями и переживаниями людей, любовью и верностью нашему краю – Камчатке, нашей малой родине – маленькой точке на полуострове с названием Ключи.

Мы все вместе, объединив усилия, исполнили свой нравственный долг перед светлой памятью Зинаиды Николаевны. Её образ останется в наших сердцах и в этом прекрасном издании.

*С уважением С. Л. ТРОЦ,
глава Ключевского сельского поселения,
председатель Собрания депутатов
Ключевского сельского поселения*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Дорогой читатель, ты держишь в руках поэтический сборник «Шёпот чернильных волн», вместивший в себя произведения наших талантливых земляков. Тех, кто родился у подножия величайшего вулкана Евразии – Ключевской сопки, а также тех, кто волею провидения неразрывно связан с судьбой одного из старейших селений Камчатки – посёлком Ключи. Своим появлением на свет он обязан Зинаиде Николаевне Елисеевой, человеку с доброй и ранимой душой, тонко ощущавшей красоту литературного Слова. Более сорока лет она служила людям посредством книги. Прошла путь от библиотекаря до директора Ключевской библиотеки. Вела большую краеведческую работу, собирала исторические сведения о Ключах и его удивительных жителях. Являлась редактором-составителем следующих изданий, вышедших в свет по её инициативе: сборник стихов А. Р. Носкова «Я люблю эту землю!», фотоальбом о ветеранах Великой Отечественной войны п. Ключи «Их знают. Их помнят. Ими гордятся», книга о земляках «Здесь Родины твоей начало» (к 270-летию посёлка Ключи). В последний год своей жизни работала над материалами книги о земляках-поэтах, которую также планировала издать. Но судьба распорядилась иначе...

Благие замыслы не могут исчезнуть бесследно, всегда найдутся люди, которые по велению души и сердца исполнят возвышенные мечты всех тех, кого, к сожалению, нет рядом с нами. Так поступили и сотрудники Ключевской библиотеки, посчитав своим долгом воплотить в жизнь задуманное З. Н. Елисеевой. Так родился поэтический сборник, всех авторов которого объединяет наша малая родина. А пульсирующие из земли ключи близ посёлка – неисчерпаемый источник вдохновения, подобный священному Кастальскому источнику на горе Парнас в Греции. Об этом писал и поэт Иннокентий Солодунов в своём письме Зинаиде Николаевне: «Ключи мне не раз снились во сне, спрашивается: почему такая навязчивость во сне и наяву к Ключам? Что я там забыл? Не задумываясь, отвечаю: забыл свою юность, ту первозданную страну, заставившую влюбиться в себя. Камчатка, Ключи для меня есть и будут неповторимым обаянием, талисманом вдохновения и памяти». Не слу-

чайно слово «род», «родной», «Родина» и «родник» имеют общий корень, символизируя связь людей с теми местами, где их корни, где источник их рода, где всё то, что наполняло и наполняет их жизнь смыслом, где всё самое дорогое сердцу.

Дорой читатель, пред тобой океан зашифрованных строк, предлагаю тебе немного побыть поэтом, проникнуться воспоминаниями, переживаниями, размышлениями, вложенными в поэтические строки; воссоздать в своём воображении моменты жизни, созданные авторами стихотворений, и пережить всю связанную с ними гамму чувств. Они ждут тебя на разговор от сердца к сердцу...

С уважением, Ж. А. ГЕРМАНОВИЧ

Александр НОСКОВ

Мелодия серебряной струны

Носков Александр Родионович (1921–1988). Родился 29 февраля 1921 года в Курганской области. На Камчатку в посёлок Ключи приехал с родителями в 16 лет и сразу устроился на работу в Ключевской деревообрабатывающий комбинат (ЛПХ). Начинал с рабочего. В 1940 году был призван в ряды Красной армии в Хабаровский край, откуда попал на фронт и воевал с марта 1943 по август 1944 года. Участвовал во многих боевых операциях. Перенёс три ранения, после чего был комиссован и направлен в Сталинград на военный завод. В 1946 году вернулся в Ключи, продолжил работу в Ключевском ЛПХ. В послевоенные годы публиковался в районной газете «Тихий океан» (позднее «Ленинский путь»), «Камчатской правде», работал внештатным корреспондентом в этих газетах. В 1976 г. вышел на пенсию, но продолжал работать в Ключевском спортзале, Доме культуры «Лесник», где вёл шахматные кружки для детей и взрослых. А. Р. Носков имел много наград, звание ветерана Великой Отечественной войны, работал председателем Совета ветеранов.

Робкие шаги в ящичном цехе, где работал Александр Родионович, его служба в армии, военные годы и послевоенная жизнь в Ключах, работа в газетах внештатным корреспондентом, счастливая семейная жизнь – все вехи своего жизненного пути он отразил в стихах. Александр Носков был поэтической натурой, тонко чувствовал окружающую красоту, живописно описывал удивительную природу Камчатки и её не менее удивительных людей. О людях труда Носков писал в каждой газетной статье, раскрывая их горячие сердца и благородные порывы.

вы. Много стихотворений посвятил он Великой Отечественной войне, она жила в глубине его сознания, а ранения часто напоминали о себе, не давая забыть то время, когда он с винтовкой наперевес бросался в атаку.

В 2009 году вышла в свет книга А. Р. Носкова «Я люблю эту землю!» (Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс», редактор-составитель З. Н. Елисеева). В книгу ветерана Великой Отечественной войны и лесоперерабатывающей промышленности, изданную по инициативе людей, знавших и ценивших творчество автора, включены публикации в Усть-Камчатской районной газете «Ленинский путь» об истории Ключевского ДОК, его людях. В издание вошли также подборка стихотворений о войне и природе горячо любимого автором родного края, воспоминания земляков об А. Р. Носкове.

Я однажды встану спозаранку,
Выйду в поле зорьку поглядеть
И под нежную мелодию тальянки
Тихо так попробую запеть.

Пусть меха гармоники задышат,
Клавиши забрызжут белизной.
Голос мой под купольною крышей
Пусть звучит серебряной струной.

КАК В СКАЗКЕ

Как будто в сказке, всё для нас отлажено –
Природа так доверчиво проста...
Не только небо, и травинка даже
Достойна вышепробного холста!

Среди вулканов прячется долина,
Течёт широкая красавица-река.
За ней бегут черёмухи, рябины,
Покрывшие крутые берега.

Стихиями изрезанные горы
От первых дней, родившиеся близь,
Заглядывают в синие озёра,
Взметнув папахы в солнечную высь!

А там, вдали, где не смолкая море
В затишье томном лижет берега,
И по утрам малиновые зори
Расцветивают ярко облака...

Мне в этот миг доверчиво и кратко,
Как на свиданье, хочется сказать:
«Ты очень привлекательна, Камчатка,
И добрая, как ласковая мать».

ТОЛБАЧИК

На много вёрст в округе территорию
Засыпало из кратера золой.
Учёный мир свою «лабораторию»
Впервые видит мощною такой!

Горит земля от движущейся лавы,
Смешались с дымом пепел и вода!
И люди – словно в битве переправу –
Огонь штурмуют и идут сюда.

Познать земли великое начало
И миру дать рождённый минерал!
Гудит в ушах и чуточку качает,
И пахнут серой камни и металл.

Рассеиваясь, шлёпается бисером
Толбачинская магма на поля,
А мы глядим на кадры телевизора,
Как полыхает пламенем земля!

СИНИЦА

Я с давних пор мой край люблю.
Здесь всё красиво: лес и горы,
Обрыв, где с удочкой стою,
И по утрам – с полнеба зори!

Люблю укромный уголок,
Где воздух свеж и пахнет сладко.
Вблизи с поставленной палаткой
Зарницей вспыхнул костерок

И разгорается, не тухнет.
В противовес домашней кухне
На лоне варится уха –
Как здесь приятно отдыхать!

Ко мне в компанию синица,
Присев на ветку: «Чик-чирик».
Пусть ненадолго. Пусть на миг.
А мне на месте не сидится.

И я восторженно гляжу,
Сейчас синице покажу:
Ни гнев и ни своё коварство,
А редкое природы царство!

Синица, бестия, смеётся
Таёжным голосом своим.
Я чувствую, сейчас взовьётся.
Ну что ж, вспорхнула, поглядим!

НОЧНАЯ ТИШИНА

Луна висит непрошено.
Вокруг – не шелохнёт.
Белеет, припорошенный,
На речке звонкий лёд.

И звёзды, как попало,
По небу разбрелись.
К чему-то сразу стали
Огромными. Зажглись.

В мерцанье утонула
Ночная тишина.
Черёмуха уснула
Под утро у окна.

ПУСТЫРЬ, А НЕ УЛОВЫ

В рюкзаке – нехитрая поклажа:
Лески, блёсны, черви да крючки.
Я сегодня еду на Куражье
Навестить глухие островки.

Возле них пустырь, а не уловы
(хоть сиди неделю напролёт).
Но желанье побывать там снова
Каждый раз настойчиво зовёт.

Если в жизни следовать порядку –
На рыбалке нужен котелок.
От дождя и сырости – палатка.
И, конечно, рядом – костерок.

Без него любому рыболову
(сколько на погоду ни молись),
Как невесте праздник без обновы –
На речной косе не обойтись.

И ещё – не буду суетиться,
Выйду на стремнину, не на мель –
Подцеплю на удочку «царицу»
С красными лампасами – форель.

Но не эта рыба, а гольчишки
Изредка вдоль берега юлят.
Я, как тот безудержный мальчишка,
Дёргаю за леску невпопад.

И гляжу внимательно и зорко –
Не нырнёт ли в воду поплавок.
Видно, зря на солнечном пригорке
Для ухи готовил костерок.

Речка еле движется – течёт.
Солнце по-мартеновски печёт!
И сомлел от зноя бережок,
У костра хлопочет мой дружок...

Достаю со снедью узелок,
Погружаю в ложку котелок,
Улыбаюсь другу: «Неплоха,
Получилась царская уха!»

СРЕДИ БЕРЁЗ

В тот момент, когда светлеет
Край небесный по утрам
И дыханьем свежим веет
Ранней осени пора, –

Хорошо такой порою
Быть на речке и в лесу
И берёзовой корою
Прибавлять огня костру!

Огибать тропой недлинной
Пестроты душистый клин.
Захлебнись мгновеньем дивным!
Трогай маковки рябин.

И броди себе неслышим,
Будто в сказке – невидим.
Над тобой – цветная крыша,
Чаша синяя вдали!

Подойди к осине яркой
И заметь: среди берёз
Разрумянилась боярка,
Вся колючая до слёз!

ЩЕБЕТ ПТАХИ

Если жизнью не изнежен
И из тела выгнал лень,
Значит, ты способен свежий
Бодро встретить новый день.

Вместо утренней зарядки
Меж домами, через двор,
С лёгким сердцем, без оглядки
Устремись во весь опор.

Пробеги тропой лесною
И на всём своём пути,
Как ручья напев весною,
Щебет птахи ощути.

Ощути дыханье лета,
Утра розовый восток!
Солнцем вспыхнул у кювета
Распустившийся цветок!

От него чудесный запах!
И в душе такая прыть –
Мёд цветка и щебет птахи
Ни за что не позабыть!

РОСИНКА

В траве затерялась росинка
И ярко на солнце горит!
А мне показалось – Россия
На всех языках говорит:

О небе безоблачном, птицах,
О мирных полях и лугах.
О том, как родная столица
Воспета в народных стихах.

Горит, словно солнце, росинка
И душу мою веселит.
И кажется – рядом Россия
На всех языках говорит.

А небо и синее горы –
Как будто рукой достаю.
Здесь тихие, светлые зори
Рябиною красной встают.

Не тухнет, сверкает росинка,
Как пламя, на солнце горит!
А рядом со мною Россия
На всех языках говорит!

ЧЕРЁМУХЕ – 17 ЛЕТ

Черёмуха у светлого окна
Стояла, мыслей розовых полна.
Раскинула по саду белый цвет –
Черёмухе всего семнадцать лет.

К ней тополь расфуфыренный в упор
Склонился и пустился в разговор:
«Черёмуха, скажи мне, не тая,
Не ты ли будешь, о судьба, моя?»

Черёмуха, смущённая, в ответ:
«Мне клён по сердцу больше, а ты – нет.
Приветлив он, красив и молодой,
А ты покрыт шершавою корой».

Глаза потухли. Веки опустив,
Мой тополь не на шутку загрустил.
Пушинки наземь с плеч он стал кидать
И тяжело, по-старчески, вздыхать.

Желания счастливого полна,
Черёмуха стояла у окна
И сыпала по саду белый цвет –
Черёмухе всего семнадцать лет.

НЕ ЗАЗНАВАЙСЯ

Вскарабкавшись на старого Гнедка
Мальчишка вздумал с ветром спорить:
Тянул поводья, громко понукал,
Но конь ни с места, он был хворый.

Потом Гнедко шагнул и загрустил –
В глазах мальчишки засверкали искры,
А в голове мелькнула мысль:
«Не шлёпнусь ли от тряски быстрой?»

И в этот миг невидимой рукой
Его подбросило и – в яму!
Успел он только крикнуть: «Ой!»
И вымолвить чуть слышно: «Мама!»

А конь стоял, глядел на седока
И говорил глазами: «Поднимайся,
Ты слишком мал и не смыслён пока,
А вырастишь – не зазнавайся!»

ПАМЯТИ ДРУГА

Летели лебеди, кричали...
А мы с тобой стояли в стороне,
Смотрели вслед им и молчали,
Забывшись, будто в сладком сне.

Беспечные, мы восхищались долго
И летом их, и криком в синеве
И думали: «Там, где-нибудь за Волгой,
Есть родичи у этих лебедей...»

Цветок, огнём ласкающим и пышным,
Горел у ног. А рядом, под водой, –
Черёмуха с рябиною неслышно,
Притихшие, шептались меж собой...

Лишь поутру, когда проснулась
Заря, а с нею – человеческий гул.
Весть, словно гром, на нас свалилась:
Рыбак, наш парень – утонул...

Николаю Николкину

Мой «Як» висит. Под ним леса и горы.
Вдали видна воды солёной гладь.
А к ней примкнул Руси восточный город,
Родившийся столетия назад.

Над ним горят малиновые зори.
Плывут, сверкая ярко, облака.
И лижет берег ласковое море
Приплывшею волной издалека...

Ни прежних троп. Ни журавля-колодца.
Кругом асфальт. Кварталы. Высота!
И улица с названьем полководца
Заслуживает кисти и холста!

Иду по ней и радуюсь не только
Большим домам и краске голубой –
Здесь с давних пор живёт мой друг Николкин,
Обугленный жестокою войной...

Вот тот подъезд, вот коврик возле двери.
Рука, скользя, ложится на звонок.
Всем существом взволнованным не верю,
Что дверь откроет русский паренёк.

С которым в давнем юношестве вместе
В одной из школ листали буквари
И тайным образом, мечтая о невестах,
По лужам запускали корабли.

*Однополчанину, участнику
Курской битвы Ф. Д. Дубровину*

С тобой, дружище, жили мы недаром –
По всей Европе полыхал наш шелк!
А помнишь, как приехали в Хабаровск,
В 181-й гаубичный полк?

В лесу прохладном догорала осень
И день стоял безветренный, не хмур,
И с вышины полуденная просинь
Гляделась строго в батюшку-Амур.

Потом – учения. До пота. Ежедневно.
Вели «бои» с утра и допоздна.
Для нас с тобой тогда была последней
Хабаровская мирная весна.

Горнист в «поход» однажды спозаранку
На всю казарму выдал «пирог».
И мы, на ноги намотав портянки,
Засунули их миглом в сапоги.

И вот он фронт. С окопами. Центральный.
Как муравейник – Курская дуга.
Нам предстоит огнём прицельно-дальним
К родной столице не пустить врага!

С разрывом бомб смешался гул орудий,
Дугу окутал смрад и чёрный дым.
И враг тот день вовеки не забудет!
И путь закажет правнукам своим.

А тех, кто в Праге, Будапеште, Вене
Или в Берлине голову сложил,
Кто беззаветно предан был и верен,
И до победы нашей не дожил,

Почтим их память у Огня молчаньем,
Со скорбью в сердце тихо постоим.
А за отвагу их и подвиги – признание
Навеки многократно воздадим!

УЧАСТНИКАМ ТРУДОВОГО ФРОНТА

И фронт, и тыл – понятия едины.
Надёжный тыл – успеха жди в бою!
Не только бомбами, патронами и минами
В те дни снабжали Родину свою.

Вы хлеб растили, добывали рыбу,
Строчили ватники и тёплое бельё.
А мы в ответ солдатское «спасибо»
Вам с фронта слали скромное своё.

Вы вместе с нами в грозную атаку
Бежали и ползли через снега,
И в схватке у большого тракта
Громили ненавистного врага!

Давным-давно. Но это с нами было.
Сейчас те ужасы досматриваем в снах.
Спасибо Родине, что помнит, не забыла
О дочерях своих и сыновьях.

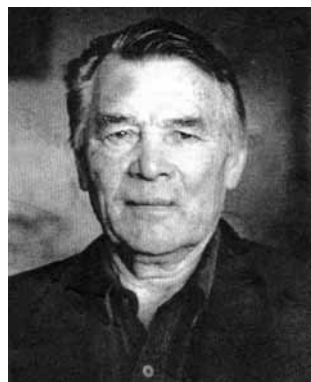
ИЗ ГАЗЕТЫ

Тот вечер, помнится, был тёплым и душистым,
На гладь воды легла косая тень.
Лишь неба край барашками пушистый
Ещё цеплялся за прошедший день.

Ночная смена шумными станками
Тряслась из окон близко у реки.
А в темноте, сверкая огоньками,
У здания проснулись светляки.

Потом пахнуло свежеею прохладой,
Звезда на небе яркая зажглась.
Мой незнакомец оказался рядом:
«Я из газеты. Здравствуйте. Мамась».

Мы говорили больше о погоде,
О чьих-то славных, гордых именах.
А на спустившемся на сопки небосводе
Звезда уже горела не одна.

Леонард ГРЕЧЕНИН

Нет! Весь я не умру...

Греченин Леонард Афиногенович (1932–2009). Родился 24 февраля 1932 года в селе Нижне-Камчатске. С 1937 по 1962 год проживал в Ключах. В 1963 году переехал с семьёй в Елизовский район, а с 1967 года жил в г. Петропавловске-Камчатском. Из пятидесяти лет трудового стажа одиннадцать лет посвятил науке в системе гидрометеослужбы в Ключах, двадцать пять – партийной работе, в основном в трудовых коллективах, остальные годы проработал в управлении домостроительным производством.

Леонард Афиногенович любил Камчатку, её людей. Был талантливым человеком, увлечённой натурой. Всю свою жизнь изучал и познавал историю родной земли. Тонко подмечал прелести нашего края, не переставая удивляться всем явлениям природы. В газете «Абориген Камчатки» за 2005–2006 годы опубликовал свою повесть-воспоминание «Откровение», рассказывающую о жизни посёлка Ключи в 30–60-х годах 20 века. При жизни издал сборник стихов «И потянут гуси караван...» (Петропавловск-Камчатский: Холдинговая компания «Новая книга», 2007).

ИЗДАТЕЛЮ

«Нет! Весь я не умру»...
Мой сборник на Камчатке
Меня переживёт и долго будет жить!
Вот только кто его бы напечатал?
А надо-то всего сто тысяч положить!

НА ПРИРОДЕ

Я себя вспоминаю в избушке,
Что стоит на увале лесном,
Как лежу на цветастой подушке,
Упиваясь безоблачным сном.

Всё мне, брат, в этом мире по нраву,
Всё меня убажает вокруг!
Очевидно по высшему праву
Попадёт сюда каждый не вдруг.

Лишь тому, кто с Природою дружен,
Кто с Природой примерно на «Ты»,
Проводник в это царство не нужен,
Чтоб реальностью стали мечты...

Покупаться в родоновых ваннах,
Да уж в этом и чудо в одном –
По своим исцелительным данным
Равных нет им на шаре земном.

Побродить по замшелым увалам,
Где кедрач островками растёт,
Где брусники бывает навалом,
Где глухарь свою песню поёт.

И подняться потом ещё выше,
Чтоб увидеть просторы вокруг,
И запеть, чтобы песню услышал
Самый близкий да истинный друг.

И ПОТЯНУТ ГУСИ КАРАВАНОМ...

Скоро осень желтым покрывалом
Землю неостывшую покроет,
И потянут гуси караваном,
Оглашая грустью всё земное.

В этом крике горечь расставанья
С родиной бесчисленных озёр,

С краев брачных дней и гнездованья,
Речек быстрых и тенистых гор.

Я и сам, как будто в этой стае,
И грущу, прощаюсь, и страдаю...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Шиповник ярче покраснел,
Рябина маком запылала,
А лес... как будто погрузнел,
И мне немножко грустно стало.

КИПРЕЙ

Кипрей – камчатская сирень –
Обочины дорог венчает!
Кого лишь обуяла лень,
Сей прелести не замечает.

НА ЕЛОВКЕ

Тальник пестрит в запрудах,
Встемнел ольховый бор,
Стоит, как в изумруде,
Еловый косогор!

БЕРЕГИТЕ ЛЕС!

Люблю побыть до обалдения
С Природою наедине!
Уж не за то ли с ней общенье,
Она ключ к песне дарит мне?!

Уж скоро тридцать лет охочусь,
Не ради выгоду извлечь,
В ином году хватает ночи,
Чтоб на год вновь себя зажечь!

Прекрасна на Камчатке Осень
Зеркальным отблеском озёр,
Просторами вокруг них покосов,
А Лес! Он сам Гипнотизер!

В своём пестрящем многоцветье –
Воображенья чаша он!
Я счастлив тем, что видел это,
Когда в воде он отражён,

Когда над ним в лазурном поле
Спят кучевые облака,
И, белизною с ними споря,
Вулканы смотрят свысока!

Коль хочешь быть на «Ты» с охотой,
Занятие это «стоит свеч»!
Так не страшись «седьмого пота»
В своём стремленье Лес беречь!

ТАЁЖНИКУ

«Одинок! – пожалеет проезжий, –
День и ночь до конца ты один!..»
Одинок не лесник, а всё «те же»,
Из шпаны, а лесник – Господин!

Господин в благороднейшем смысле,
В окруженье невиданных чар,
Он не знает, что значит завистлив
И не сделает в спину удар.

А наставница в этом Природа!
Наша с вами кормящая Мать!
Если б все её в мире народы,
Как таёжник, могли уважать!

ЛЮДИ! НЕ ГОНИТЕ СЧАСТЬЕ ПРОЧЬ

Тороплюсь, поскольку скажем честно:
Мне б прожить до первых петухов,
Я хочу пропеть Вам эту песню
На мотив Есенинских стихов.

Это было тихой летней ночью
За рекой, где тёплые пески,
Поломал я аленький цветочек,
Падал он, роняя лепестки...

Как сейчас я помню губы эти.
Обжигаясь, страстно целовал,
Ты была прекрасней всех на свете,
Я тебя любимой называл...

Жизнь прошла, и ничего не хочется,
Как нежна была к нам эта ночь!
Только счастье больше не воротится.
Люди! Не гоните счастье прочь.

А когда кому-то станет грустно,
Тот её споёт уж без меня
О своей любимой с добрым чувством,
Уходящим, в прошлое маня...

*Памяти Харчина**

«Поднимайся, народ! –
Обратился он к аборигенам. –
Час пришёл, чтобы землю свою защитить
От бандитов казацких, от срама и плена,
Иначе потомки нас просто
Не смогут простить.

Чую я, что-то порохов всюду запахло...
Без потерь просто так

**Федор Харчин – предводитель восстания аборигенов в 1731 году.*

нам её не сберечь,
Но сидеть и смотреть, как она
От разбойников чахнет,
Лучше стойко, друзья, защищая её, умереть!

Только мы им до дому укажем дорожку,
Только мы превратим всех бандитов во прах!
Да! Я мачеху-Русь не жалею
ни капли, ни крошки,
Если сеет она нищету, мародерство и страх.

Поднимайся, народ! Час пришёл!»

Памяти защитников
Петропавловска-Камчатского

Сто пятьдесят годов тому,
Как Петропавловск стойко
Стоял в осаде и дыму
Под флагами Завойко.

Представлю с Вами славный бой,
Как правнук за прадеда,
Который жертвовал собой,
Чтоб одержать победу.

«Хорунжий Савинский, собой, –
В тот час Завойко молвил, –
У мыса ты завяжешь бой,
Ну, до победы полной!

Гаврилов натиск на тебя
Ослабит батареей,
Ну, береги, сынок, себя,
Я на тебя надеюсь».

И прадед, получив приказ,
Доверьем обличённый,
При ополчении тотчас
Собрал отряд сплочённый.

«Кто не желает умирать? –
Спросил он с виду строго. –
Того не будем мы карать,
Им скатертью дорога...»

Но слабых духом не нашлось
Средь местных и служивых,
Да так у нас уж повелось –
Не думать «быть бы живу».

«Сигнальный первым примет бой,
И оттого как дружно
Мы город защитим собой,
И помирать не нужно!

Теперь лопаты да ломы –
Несите всё, что гоже,
Укрепим оборону мы,
Коль наступать не можем».

«Однако оторопбэрот –
Мэдвадя бил полвэка,
А нонцевшо наоборот,
Бить надо цэловека?»

«Какой же это человек? –
Казак ему темяшит. –
Ты под пятой у них навек
Забудешь про Дуняшу».

Так и судачили они,
Пока не запалили,
Из пушек вырвались огни,
И в церкви зазвонили.

«Заокеанским господам!»
«По нечестивым бандам!»
«Беречь патроны! По рядам!» –
Передалась команда.

На выстрел пушек корабли
Приблизились в тумане,

На батарее слышно: «Пли!
Держитесь, бусурмане!»

Ну, молодцы Гавриловцы!
Горит корабль врага!
Пушай теперь плывут «пловцы»,
Их встретят берега!

Но рано нам торжествовать:
Противник слишком грозен,
Видать, умеет воевать
Да и числом умножен.

Спустил все шлюпки с кораблей,
Десант в три эшелона,
И по всему, видать, скорей
Достичь желает склона.

Осилим, если на себя
Десяток каждый примет
И «приласкает» голубят,
Пока нам мушка зрима.

...Решили шлюпки подпустить
Как только можно ближе,
И каждый верит: Бог простит,
Затеяли не мы же!

А берег тут же замолчал,
Как будто вовсе вымер.
Враг маневрировать начал,
Пустил завесу дыма...

Нам надо первых две «волны»
Не допустить на камни —
Стрелять прицельно мы сильны,
А третью встретим славно!

...Не счесть врагов, что бухту вод
Поощряли кровью,
Казался красным небосвод
На миг, кто вскинет бровью.

И вот настал тот страшный миг,
Когда одна немога,
Чтоб встретившийся вражий лик
Штыком убрать с дороги.

Ура-а-а! Ура-а-а! В единый гул
Переросла атака,
И опьянел, как в тот загул,
От крови забияка!

Теперь ничто уж нипочём:
Коли! Руби! Уродуй!
Да подбирай своих плечом,
Кто оступился с ходу!

Никто не слышал ничего
(враньё, что «слышны стоны»),
В глазах лишь враг! Убей его!
Пока не срезан оным.

Не счесть атак, похоже очень
Камчатка надобна врагам,
Её богатства, между прочим,
Известны были всем богам...

...Настал в защите перевес!
Враг показал нам свою спину,
И было чудом из чудес
Нам совладать с такой машиной!

Навечно стал заказан путь
Иным любителям наживы.
Да! Такова Камчатки суть,
Пока мои камчатцы живы!

...Достойно в блеске эполет
С победного момента
Носил наш прадед сорок лет
Свой орден Анны с лентой,

Который был вручён за бой,
За мужество, отвагу.

Не раз водил он за собой
На смерть и честь ватагу!

Все сорок лет он – командир
Бессменный гарнизона!
Берёг он с честью свой мундир
По воинским законам.

Четыре сына возрастил,
И Фёдор стал военным.
Он в Усть-Камчатске службу чтил,
Был приставом степенным.

Да жаль, что деда своего
Нам не пришлось увидеть,
Лишь фотографию его
Храним в семейном виде.

Где мама с братьями её,
Дед с саблей в эполетах,
Медалей на груди литьё –
Усердия примета!

Потомков всех не перечсть –
Их в городе за сорок!
И все приумножают честь,
Коль от героев скоро.

...Почтим же память тех, кто встал
За Петропавловск грудью!
И пусть на этот пьедестал
Дорога вечной будет!!!

СОН

Я заснул, и вот что мне приснилось,
Между прочим словно наяву,
Будто наша власть переменилась,
И я снова в лодке наплаву!

Камчадалы снова рыбу ловят,
А закон ловить им запретил.
Первый раз без злобы и зловонья
Рыбинспектор мимо прокатил,

Чтоб поймать того, кто топил,
Выдрав, словно зверь, её икру...
Кто же разбудить меня торопит,
И кому мой сон не по нутру?

Я читал на Съезде эти строки,
Не жалели земляки ладош,
Но в своих чиновничьих пороках
Власть не уступила ни на грош.

Не хотят, чтоб я увидел снова,
Как когда-то, в юные года,
На полнейшей праведной основе
В реках мы тянули невода.

Или сеткой по Камчатке сплавом,
Между прочим кто и где хотел,
Не страшась инспекторской облавы,
Были с рыбкой, «чтоб я похудел».

А теперь я в городе известном,
Нет давно села, где был рождён.
Говорят, что требовать нечестно,
Рыбу мне, которой обделён.

Говорят, что я живу счастливо,
Как в раю, да только за «чертой».
И ловлю... на туалетном сливе,
Я же не бандит и не крутой...

В городе – питайся всем, чем хочешь,
Только, брат, смотри не отравись.
Власть послушать? – Только захохочешь,
Лучше от такого сна проснись.

Я б вернулся с радостью великой
К берегам родной моей реки,

До ста лет бы на природе дикой
Прожил оскорблениям вопреки,

Где в вершинах Радуга с Маимлей
До Нижне-Камчатска вширь и вспять
Пращура навеки было имя,
Родовая есть на то печать.

Я вскопал бы огород у речки,
Где веками шеломайник рос,
Две козы держал бы, две овечки,
На зиму готовил дикорос,

Рыбку б заготовил, что полезней:
Закоптил тещу и балычок.
Уберёт бы нас от всех болезней
Наш трудолюбивый родничок.

Ставил бы капканы на пушного,
Уток бы на озере стрелял
И по старой памяти я снова
Обо всём стихи бы сочинял.

Рисовал пейзажи бы с натуры,
Идолов из глины бы лепил
И напевы собирал в попури,
Чтоб баян мне эту песню лил...

Пригласил бы к этой полной чаше
В гости камчадалов-горожан,
Убедиться: у кого же краше
Жизнь у северян или южан?

А теперь скажи мне, кто счастливей:
Я или тот юный камчадал?
Не нужны мне яблоки и сливы,
Никогда без них я не страдал.

А без рыбки (только не горбуши.
Пусть горбушу есть «япона мать»)
Не могу и дня прожить. Послушай!
Что же тут ещё не понимать!

Снись, не снись, о тех угодах деда
Мне мечты несбыточной не унять.

Но куда ж я с города поеду,
Если Власть не хочет нас понять?

А придётся поздно или рано!
Битые решимости полны,
Триста лет болели наши раны,
Мы теперь как никогда сильны!

ДУМЦЫ

В столовой от пуза нажрутся,
Чтоб в Думе поспать, попер...еть,
От нечего делать – дерутся –
Энергию некуда деть...

ЧТО ПОДЕЛАЕШЬ?

Гордый я да нищ до срама,
И богатым не бывать,
Потому что меня мама
Не учила... воровать.

Памяти С. А. Есенина

Он весь как светлый день весенний,
И васильки во ржи горят...
Пусть о тебе, Сергей Есенин,
Тысячелетья говорят!

Пусть о тебе слагают песни,
Деревня Храмом пусть стоит,
Тебя родившая в безвестье,
Несчастной Родины пиит.

В молве тебя убило время –
Знакомо нам «спасенья нет»*.
Доколь же гении, как бремя,
России будут застить свет?!

* М. Ю. Лермонтов, «На смерть поэта».

Доколь печаль и грусть в берёзах
И на заброшенных полях?
Видать, не отольются слёзы
О гениях и тополях...

*Памяти моей мамы –
Екатерины Фёдоровны*

Прости меня, что занятой был самым,
Причиной был твоих седых волос,
Прости меня за огорченья, Мама,
Что испытать тебе по жизни довелось.

Не помню я, чтоб ты сердилась
Иль голос повышала на детей...
Ты вся всегда улыбкою светила
От нами тебе посланных вестей.

Ты и теперь, как солнце, всех нас греешь,
Любовью материнскою пылая,
...Так почему мы искренне жалеем
Родную Маму лишь когда теряем?

ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР

Стучит косоротая в двери,
Скривила ехидную пасть,
А я в эту близость не верю,
Как впрочем, в любую напасть.

Мне жизни движенье дороже,
А смерть – чаще слабых удел,
Пусть корчит она свою рожу,
Пока не наступит... предел.

Тогда откажусь я спокойно,
Не вспомню «соломинки» суть –
От радостной жизни покойно
Отправлюсь в назначенный путь.

Иннокентий СОЛОДУНОВ

Печаль моя светла

Солодунов Иннокентий Александрович (1925–2009). Родился 12 ноября 1925 года на Вологодчине, в небольшой деревеньке Слёзы. В январе 1943 года его призвали в армию и сразу на фронт. Участвовал во многих боях, был награждён медалью «За отвагу», орденом Великой Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной звезды, юбилейными медалями.

В 1947 году Солодунов волею судьбы приезжает в с. Ключи вместе со своим полком на строительство двух аэродромов: в Ключах и в Козыревске. После Камчатки жизнь в Москве, работа в Метрострое, учёба в Московском институте культуры. После института в течение пяти лет работал на полярном архипелаге Шпицберген директором Дома культуры. Возвратившись в Москву, до самой пенсии трудился в фирме «Миг» им. А. Микояна.

При жизни Иннокентием Александровичем было издано четыре сборника стихотворений и прозы. Поэтический сборник «Точка зрения» (2008) был издан автором под псевдонимом Александр Кешин.

О своей любви к Камчатке, Ключам Солодунов писал: «Ключи мне не раз снились во сне, спрашивается: почему такая навязчивость во сне и наяву к Ключам? Что я там забыл? Не задумываясь, отвечаю: забыл свою юность, ту первозданную страну, заставившую влюбиться в себя. Камчатка, Ключи для меня есть и будут неповторимым обаянием, талисманом вдохновения и памяти. Вот моё ощущение или видение Вашего замечательного края: представьте себе хрустальную, очень

дорогую вазу на обширном столе России. Хрустальная ваза – это Камчатка, а роза с каплями утренней росы в этой вазе – это Ключи!»

КАК ХИЛЫЙ РУЧЕЁК...

Вот это да, пьянею от стиха,
Когда слагать его я начинаю.
Сижу, блаженствую, течёт строка,
Как хилый ручеёк, издалика –
Я мир страстей с любовью обнажаю.
Ко мне на пир стекаются слова,
Застолье без чинов – какое наслажденье
Шуметь и спорить! Кругом голова,
И каждый раз я пьяный от волненья!
Бушуют страсти, словно дождь в окне,
И мысли льются стройно и нестройно –
Слагаю стих. Вина не надо мне!
И без того как будто пьян вполне,
В безмерном чувстве радостно и вольно!

Камчатка – слово музыкальное –
То «до» мажорная струна;
Как чья-то восточка желанная
Запала в душу мне она!

Давно, романтик вдохновенный,
Я венчан в юности с тобой.
И был тебе по дружбе верный,
Хотя и ветренен порой.

Сейчас ты вспомнилась, далёкая,
За прошлым временем, как сон:
Голубоглазо-сероокая,
Со взглядом чувственных матрон.

Твои леса, века стоящие,
Потухших сопок кратера,
Вершины пихт на небо зрящие,
Медведи, словно унтера.

Невеста древнего вулкана
Смышленно улеглась меж скал:
Обвила ноги Великана,
Служа ему за пьедестал.

Но вдруг вильнула разом к морю,
То разливаясь, то сужаясь.
На всём пути, с собою споря,
Рекой Камчаткой назвалась.

Так разошлись они, не споря:
Он изваянием застыл;
Она взхлёб влюбилась в море
И там оставила свой пыл!

*Отрывок из поэмы
«Камчатский пленник»*

Камчатка – не страна изгоев.
Там люди, каждый на счету.
Её все жители – герои,
И презирают суету.

У нас двенадцать, день в разгаре.
Там за полночь другого дня.
Всё это подлинные дали,
На всю Вселенную возня.

Там Ключевской вулкан курится
Нерукотворною трубой.
Бывает, как раздухарится,
Покажет нрав свой вековой.

Нагроможденье снежных гор,
Созданье мощного уклада,
Шивелуч, названный с тех пор,
Для жизни явная преграда.

Долина гейзеров, она
Для края яркая примета.
Природой тоже создана,
Жемчужина на белом свете.

ЕСТЬ СЛОВО...

Есть слово «Шивелуч»,
Вулканом зовётся.
Он там, на Камчатке,
Бывает встряхнётся.
И долго раскаты
Его громовые
Рождают угрозы,
Совсем не пустые.
Исчадие ада
То божье создание,
Задуманный, видно,
Живым в назиданье.
Так пепел и сажа
Всё небо покроют.
А там, в Преисподней,
Как черти завоют.

КОРЯЧКЕ

Добро пожаловать, корячка.
(Мои покои обрела).
Твоя чернявая головка
Очаровательно мила.

Ценю твоё расположение,
Смотрю в раскосые глаза.
В них черпаю я вдохновенье,
Перекрестясь на образа.

К чему таиться от народа:
Ты – это я, я – это ты.
Меж нами полная свобода,
Где нет ревнивой суеты.

ПОСВЯЩЕНИЕ З. Н. ЕЛИСЕЕВОЙ

Мы очень вежливы и милы,
А дальность дальняя не в счёт.
Камчатка ближе, чем Курилы:
Один всего лишь перелёт.

Плывёшь в воздушном океане,
И бездна всюду не страшит...
Вы убедились в этом сами.
Весьма шикарный колорит.

Земли просторы необъятны
(Шестая часть её у нас).
И Вам и мне считать приятно,
Что встретимся в который раз.

На том, шестом её привале
Дальневосточной стороны,
Мы славно, кажется, живали –
Без тёщи стряпали блины.

Горжусь такому приношенью
Далёкой юности моей.
Примите наше восхищенье
От ваших дружеских затей.

ПОЛНОЛУНИЕ

Посвящается Л. Е. Неведомской

Какая дикая луна!
С нахальной рожей полнолуныя.
Там на бескрайности она
Поёт и пляшет от безумья!

Но притягательна она –
Колдунья: на большой дороге,
В ночи, балдеющей от сна;
Твои глаза остужно строги.

С тобой едва ли поиграешь!
Всё прячешь что-то за спиной.
Но простаков порой пленяешь
Своей бездушной красотой!

Любови нет в тебе, а горе –
Оно обходит стороной.
Ты – вечный стражник поневоле
В своей стихии родовой.

Вот, заневестившись, бледнеешь,
Накрывшись облачком – фатой.
Но всё одна, хоть всем владеешь
И целый мир перед тобой!

В ДОРОГЕ

Морозуха рвётся в хаты,
Как разбойники во зле.
Студный дым, что хлопья ваты,
Оседает на земле.

Вот бабахнул задубелый,
Присмирел от страха вяз.
Вороной заиндевелый
Тащит розвальней упряжь.

Через поле, прямо к лесу,
В сказку зимнего добра:
Черти, слышно, куролесят,
Ищут кладь серебра.

Всхлип полозьев. В шубах белых
Ели хмуристо глядят,
Пара зайцев одурелых
В чащу скрыться норовят.

Дрогнул хрустко сук ольховый,
Сыплет снегом березняк.
Затаился лес суровый,
Ощетинился лозняк.

Звёзды меркнут, убывая.
Сквозь деревья – лик луны.

Мельтешит, как бы играя,
Тень горбатой сатаны.

Дальний вой пугливо долог,
Слышен в темени густой.
Сиротливо дремлет сколок*
У дороги столбовой.

Путь недальний, иль далёкий,
Что гадать, какой резон.
Этот путник одинокий
В смутну дрёму погружен.

ВЕНЧАЕТСЯ С НЕЙ

Осина, берёза да ёлка,
И там же ольховая рать.
Родимая с детства сторонка,
Тебя перестал узнавать.

Вдвоём с неоглядною далью,
Где небо венчается с ней,
Глядим с превеликой печалью
В безлюдье забытых полей.

Все та же земля и уголья,
Названья пустых деревень.
Разливы реки в половодье
Приводят в тоскливую сень.

И вроде на что нам такое?
Куда-то стремимся, шумим...
Поля без посевов изгой,
Их тяжкий покой погрешим.

Ещё тишина гробовая
Над этим укором земли.
За храмом забытым, взмывая,
Куда-то зовут журавли.

* Сколок – группа деревьев на отшибе леса или среди поля.

ЖИВУ, ТАЯСЯ ОТ ЛЮДЕЙ

Живу, таясь от людей,
Кропя над скудными стихами,
Я самоед, я чародей
С давно прокисшими мозгами.

С огромным кузовом забот,
Обременённый грузом быта,
Я не вписался в поворот
Обобществлённого корыта.

Мы были молоды тогда,
С пустыми дырками в кармане:
В мечтаньях брали города,
Распоряжаясь данью сами.

Потешный кончился поход
На раздираемом пространстве.
Теперь другой круговорот
В заметно одичалом трансе.

Храню тебя, как талисман,
Россия – властелина мира.
Когда величественный сан
Вознёс тебя над павшим Римом.

Зачем познался я с тобой,
Моя поэзия шальная.
Прощай довольство и покой,
Видать, страна моя такая.

ИСПОВЕДЬ ТУРКА

Жестокий век!
Ни равенства, ни братства.
Куда идёшь? Скажи мне, человек?
В растоптанной свободе – САМОВЛАСТЬЕ,
Подбадривая, гонит нас и гнёт!
И слов сказать противу мы не смеем.
В обмане жить привыкли – всё сойдёт.

Руководящая – она нам всех роднее,
Зовёт на подвиги: «Вперёд, вперёд, вперёд!»
Куда вперёд, к концу или началу?
С одним концом бывает только кнут.
О, Родина, когда ж ты измельчала,
Что у тебя на плуте только плут?

РЕКВИЕМ

Анафему провозгласили вере,
Здесь сатанисты правят бал:
Без совести и чести изуверы,
Кому воздвигли пьедестал.

Торжествовать на сбитый крест,
Об лик святых гасить окурки.
Иконостас с священных мест
Громят идейные придурки.

Заглянем в прошлое, аминь.
Вот царские врата в златом сиянье.
Под куполом бледнеющая синь,
Где мать с младенцем в скромном постоянстве.

Переступите праведный порог
С сознанием чистых побуждений;
Где б всякий помолиться мог
За светлый ум грядущих поколений.

Я не крещусь в молитвенном поклоне.
Во мне саднит весь большевистский бред.
Что делать тем, загубленным в притоне,
Когда им в храме места нет.

Мы христиане в православье,
И нам завещано судьбой
Хранить святое достоянье
Под Вифлеемскою звездой.

Нет, я не гнался за чинами,
Мне дух начальственный претил.
Так, обходясь одними щами,
Я всё ж судьбу благодарил.

Я не просил ничьих советов.
На водку, чур, не занимал.
Был верен ленинским заветам,
Простите мне за идеал!

Я спал, как многие другие,
Дерьму служил, в дерьме и жил!
Зачем-то были молодые?
Зачем-то были полны сил?

Нет, я не гнался за чинами,
Мне дух начальственный претил.
Но обходясь одними щами,
Судьбу за что благодарил?

Я НЕ ГЕРОЙ ВОЙНЫ СВЯЩЕННОЙ

Я не герой войны священной,
Её я просто рядовой.
Как рядовой живу смиренно
С седой бывалой головой.

Страдал от холода и голода,
От ран, полученных в бою.
Мне умирать досталось смолоду,
Но выжил, выжил и пою.

Прошёл через огни и воды,
До медных труб не дотянул.
Зачем крикливые мне оды?
Я через них перешагнул.

Не мерю я шагами площадь
В колонне знатных стариков.

По мне – здоровья было б вдосталь
В толпе неизвестных стрелков.

С победой, что мы поимели,
Какие взяли барыши?
От коммунизма озверели
И гнули спины за гроши.

Потом рассыпались на части:
Одним – сюда, другим – туда.
И не осталось запчастей
От се победного труда.

Давно и след простыл той брани,
В крутом изломе мир иной.
Но в нём не меньше зла и дряни,
Чем в той эпохе грозовой.

ИТОГ

Успокойся, как видишь, приехали,
Под покровом родного крыльца.
Наша «крыша» пока не поехала,
Покоримся судьбе до конца.

Поживём, потаскаем дровишки
Да истопим-ка русскую печь.
Не плохи, значит, наши делишки,
Коли есть, что сварить да испечь.

Даже есть посушить где портянки,
Если худ оказался сапог.
Дождик бьётся о крышу из дранки,
Не пойду из тепла за порог.

За окошком увядшие розы:
Красовались недавно собой.
Лишь шипы обозначились строже
Бесполезной своей остротой.

Так и мы, постепенно сгорая,
Составляем частицу бытия;
Но приходит пора роковая,
И в ничто превращается «Я».

Всё пропелось сумбурно, тревожно,
Даже эха не слышно вдали.
Провожая себя безнадёжно,
Как с прощальным гудком корабли.

Снега, снега, снега России!
В мороз и оттепель снега.
В них, убеждён, такая сила,
Что не растают никогда!

Так запорошит, так завьюжит
В метельной нашей стороне;
Неиствуй, так черти тужат,
Справляя тризну сатане.

Напрасно, не ищи покоя
Своей мятущейся груди.
Как в этом омуте застоя
Всеобщих праздников не жди!

Всё остаётся неизменным.
Ещё нахальней те столпы.
Не верь призывам благородным
Пустой, обманчивой толпы!

И в этом грозном полумраке,
За шатким временем бредя,
Я не хочу ломиться в драке,
В безумстве память бередя.

Разочарованный и жалкий:
Без вдохновенья, без страстей,
Я просто человек уставший,
От равнодушия властей.

Снега, снега, снега России!
В мороз и оттепель снега,
Как будто в них такая сила,
Что не растают никогда!

РЕКВИЕМ

Моё сердце отстучало,
Кончен ритм благих минут!
Всё, что было, отзвучало,
Что прошло – уж не вернуть!

Благовеста голос давний
Душу мне не всколыхнёт.
Память дней моих печальных
То забвенье унесёт.

Я ушёл, как все уходят:
В мир извечной тишины,
Где усопших тени бродят,
Вороша былые сны!

Леонид БЛИНОВ

Тебе я посвящаю оду

Блинов Леонид Петрович (1945–2009). Родился 12 марта 1945 года в поселке Ключи Камчатской области. Учился в начальной школе № 4, затем в средней школе. После окончания 8-го класса работал в Ключевском сплавно-ремонтном рейде токарем. Параллельно учился в вечерней школе рабочей молодежи. В 1970 году окончил с красным дипломом Ленинградский политехнический институт. За отличную учебу и научную студенческую работу в лаборатории политехнического института был направлен на преподавательскую работу в Брянский институт транспортного машиностроения в качестве ассистента кафедры подъемно-транспортных машин. В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию и продолжил преподавание в этом же вузе. В сложное время перестройки ушел работать на производство главным инженером на одном из предприятий железнодорожного транспорта. После выхода на пенсию по возрасту вернулся к преподавательской деятельности в Санкт-Петербургском политехническом колледже, где и трудился по 2009 год. В сентябре 2009 года скоропостижно умер, оставив семью – жену, взрослую дочь и внуку.

В последний год своей жизни он отправил по электронной почте письмо на адрес Ключевской библиотеки: «...Где бы я ни был, где бы ни жил, всегда с восторгом и ностальгией вспоминаю свою Родину – поселок Ключи, Камчатку, её белоснежные снега, красивейшую природу (в те времена еще не тронутую цивилизацией), прозрачные реки и бескрайние водные просторы, её заснеженные вершины огнедышащих сопков и гор, и всё-всё остальное, что невозможно перечислить!!! А самое главное камчадалов – добрейших и хороших людей!»

ОДА О КАМЧАТСКОМ КРАЕ

Не мал наш край и не велик,
Лежит у моря, как лопатка.
Не остров и не материк –
Земля! С названием Камчатка!

Среди озер и горных рек,
И огнедышащих вулканов
Живет там вольно человек
В кругу снегов, дождей, туманов!

Река кристальной чистоты
Бежит от сопков белоснежных,
А горы дивной красоты
Глядят в разливы вод безбрежных!

В долинах, у остывших лав,
На мелководье нерестилиц,
За полосой высоких трав
Кордоны мишковых кормилиц!

О край, прекрасный, как любовь!
Тебе я посвящаю оду.
Как жаль, что мне не хватит слов,
Чтоб описать твою природу!

Мой край нехоженых дорог –
Он сердцу дорог бесконечно!
И если бы я только смог,
К нему вернулся бы, конечно!

Владимир БАКУЛИН

Без камчатки — не жизнь, опечатка

Бакулин Владимир Николаевич (1939–2012). Родился 3 сентября 1939 года на Кубани, в станице Петровской Черноерковского района. На Камчатку прибыл в возрасте полугода со своими родителями. Как родителям удалось добраться до Камчатки, никаких исторических данных у Владимира Николаевича не было. Поселилась семья в Усть-Камчатске, на РКЗ-66. В 1958 году Владимир окончил Ключевскую среднюю школу. В этом же году поступил в рыбный институт г. Владивостока, но уже в 1959 году прибыл к брату в Алма-Ату, устроился на стройку рабочим. В 1961 году поступил в Казанский политехнический институт на строительный факультет. В 1973 году получил второе высшее образование — окончил факультет журналистики в КазГУ.

Параллельно с учебой и работой Бакулин занимался классической борьбой в спортивном обществе «Локомотив». Был на соревнованиях в 18-ти городах мира. Неоднократный призёр чемпионатов СССР, чемпион Европы (1966), чемпион мира (1967), серебряный призёр олимпийских игр в Мехико (1968). Победитель восьми международных турниров, в том числе 2-кратный победитель турнира по борьбе имени Ивана Поддубного. Заслуженный мастер спорта СССР (1968). Работал тренером в спортивных обществах «Локомотив» и «Динамо». С 1979 по 1984 год заведовал кафедрой физкультуры в Алма-Атинском архитектурно-строительном институте. О своём пристрастии к спорту Владимир Николаевич рассказывал: «Каков же мой путь в спорт? В Ключах, в школе, я учился хорошо. Окончил школу с двумя четверками, остальные — пятёрки, но физкультуру и спорт я обожал. Посему, прибыв в

Алма-Ату, я через пять дней нашел секцию борьбы и стал в ней тренироваться. Сила, выносливость, благодаря камчатскому образу жизни, были. Осталось “нажать” на технику».

На Камчатку Владимир Бакулин приезжал постоянно с 1966 года по 1988 год. Был частым гостем в школе № 4, рассказывал ключевским ребятам о своих спортивных достижениях, встречался с друзьями детства и юности. Не мог он забыть Камчатку, в своих стихах часто возвращался к ней, воспевал милые сердцу Ключи. Автор поэтического сборника «Стихи» (2008).

Я сватаю слова и заключаю браки,
И чистый лист под ложе отвожу.
У женихов сверкают рифмы-фраки,
Невесты прячутся в метафору-фату.

Возводятся дворцы из афоризмов,
Под сводами которых зыбкий звук
Вдруг обретает крепость силлогизмов,
А парадоксы чертят тайны круг.

И день, и ночь, что пилигрим, настырно
Кочует смысл в пространстве между строк,
А на запрос души взаимно
Без промедленья отвечает слог.

И не боюсь я голоса невежды,
Его упрёки только веселят!
И смысла слоги крепкие одежды
Сполохи разума навеки сохраняют!

Лёгким бризом навеяны мысли
Неокрепших и зыбких строф,
И тяжелым канатом свисли
Окончания недобранных строк.

Неуклюжие робкие рифмы,
Будто палуба, валят с ног.
И не найдены жёсткие рифмы,
Чтобы стих закачаться смог

Кораблём, где командует слог,
Где метафоры тянутся в стропы.
И пьянит поэтический грог
Пассажиров на книжных широтах.

Неволит осень быть послушным
Дождям грибным и тучам скучным,
Обрядит в плащ и всучит зонт
Необъяснимый горизонт.

Асфальт, замученный прохожим,
Спешит обмыться в лужах. Схожи
Вчерашний день, вчерашний шаг
С сегодняшним и так и сяк.

Но сердцу будней постоянство
Родит в нём суетно упрямство.
В холодных струях дерзкий лоб,
Уже слепит стиха озноб.

И как ни странно, но весна
Дорогу в осени прожгла.
И скинут плащ, и брошен зонт
Под самый-самый горизонт.

День не спешит уйти на переплавку.
Вечерних зорь не пламенеет горн.
Но ночь уже оформила заявку,
Звезду подняв над пропастями гор.

Ночь не спешит, а тени всё длиннее,
Как сторожа, уходят на посты.
И тишина становится нежнее,
И ощутимей всплески темноты.

О человек, свидетель перемены
На грани смен лучей и слепоты.
Величественнее не придумать сцены,
Где режиссёр – природа, зритель – ты.

ПОЛЫНЬ

Ты не ярка, но как душиста,
Полынь заезженных дорог.
С собой нарву, и в домик чистый
Шагнёшь со мной через порог.

И снова в путь. А возвратившись,
На прежнем месте нахожу
Стеблей полыни сноп уснувший
С горшком разбитым на полу.

Но запах – эликсир скитаний –
Не предал память обо мне.
Неожиданность свиданий,
Как приступ в праздной суете.

Прости, стихия тишины,
За прошлый день и за сегодня:
Разбой чиним в твоих угодах,
Порой не ведая вины.

Прости за слов ненужных вьюгу,
Чем выстужался тёплый кров,
За умирающую кровь
И равнодушие друг к другу.

Никогда я не был так спокоен,
Хоть и сердца не равны толчки.
Как обретший раны в поле воин,
Мне не страшно падать на ножи.

Не теряю ненависти дикой
Я к базару глупости людской.
Не хочу, как стебель повилики,
Пробиваться в крепкий травостой.

А хочу служить я человеку:
Быть распахнут для беды любой
С первых дней родившегося века
В нашей жизни вовсе не простой.

В сомнительной тиши,
В свете луны бесстрастной
Наитие души
Становится опасным.
Сжигает мысли страх,
И медленно с дороги
Крадётся тени прах,
Чтоб овладеть порогом.
У плоти в суете
И смех, и плачь – что братья;
В зловещей пустоте
Весомы, как проклятья.
А слухи сквозняком
Сочатся во все щели.
Мы словно в ночь идём,
Не задаваясь целью.
И что же нас спасёт
От суеты напрасной?
И где тот Дон Кихот
В горении прекрасном?!

Память – пощада,
Память и месть.
Клич у народа:
«Совесть и честь».

Да, не скрываю, да, ропщу.
И сколь удачу не рашу,
Как не вздымаю в небо лом,
Я духом чист, но нищ мой дом.

У одиночества нет тени,
И это страшная пора:
В ней нет ни страсти, ни мгновений,
А родственник её – хандра.

ОДИНОЧЕСТВО

День кончился. Зари
Опущенные шторы.
Последние шаги,
Щелчки дверных запоров.

Соседний дом в огнях,
По окнам бродят тени,
И будто я в гостях
В обжитых мною стенах.

Сбежал куда-то стул,
Диван угрюм и тесен.
Испуганно моргнул
Торшер над стойкой кресел.

Рассерженным котом
На кухне газ шипит,
С невымытым лицом
Гора посуды спит.

И мне пора. Покой
С заботой перемешан.
Часы – мой часовой,
Режим их строг и взвешен.

По оптимальной мерке
Ночь кончилась. Заря.
Подняты к небу шторы,
И множатся шаги,
И щелкают запоры.

Застеклённый дождями асфальт
Небеса опрокинул под ноги.
Поживём хоть сегодня, как боги,
Усмирив на мгновение свой гвалт.

Да простим накопившую злость
Всем живущим в повёрнутом мире.
И равны будем все в этом пире,
Как обретшие жирную кость.

Только неба не будет для нас.
Облака проплывают над нами.
И промчавшись, дожди косяками
Промывают пространство для глаз.

Обнажится вновь серый асфальт
Тем обычным, чем значится в жизни
Для веселья, рожденья и тризны,
И опять недовольство и мат.

Лишь остатки застенчивых луж,
Как обрывки ненужной забавы,
Мёртвым всплеском напомнят: «Куда вы
Всё несётесь, как облако душ?»

Беги, бегун, земля с тобой летит
Кругами вечности в спиралях мироздания.
О, как ты с нею неразрывно слит
От пульса и до проблесков сознания.

Беги, бегун, как струи пенных рек,
Обгонишь время – честь тебе по праву!
У вечности ты – дерзости разбег,
Она найдёт всему достойную оправу.

Ни золото, ни звон пустых монет
Твоим рывкам не явятся помехой.
Всему хвalebному решительное: «Нет!»,
И честь сверкнёт на знамени успеха.

Смелей, быстрее. Пусть половодьем вен
Гудит усталость, силы вымывая.
Пройдут года и бронзовых колен
Коснётся взглядом молодость иная.

ПРЕДАННОСТЬ

Вильнуть хвостом и посмотреть в глаза,
Прижаться вдруг к хозяйскому колену
И заскулить – глаза пробьёт слеза.
И пёс простит и цепь, и жизнь подобно плену.

Пойдёт за ним, сбивая лапы в кровь,
Не рассуждая о собачьей доле,
От недругов оберегая кров
На поводке его капризной воли.

Ах, человек, бери пример у пса,
Признай поток любви неизбывный.
Понятно – это сделать без хвоста
Хоть трудно, но вполне взаимно.

В КРЫМУ

Платаны, платаны – широкие листья.
Сложила война из камней обелиски.
Не тёсаны грани, огонь не горит,
Здесь судьбы людские сходили с орбит.
Рука человека здесь строк не писала,
Но пулями судьбы расписаны в скалах.
Надолго, навечно изломы гранита,
Суровая повесть о жизнях зарытых.
Здесь ветер напоен матросскою мезью,
Хрипели от жажды прощальные песни,
А чайки лениво колышут крылом.
А где-то в Сибири дрожат под платком
Старушечьи плечи,
Для них каждый вечер
Надежда на встречу.

Я с Севера тоже, молчу, заморожен.
Родные платаны, нет памяти строже,
Чем эта. Застыли граниты седые,
Я знаю, что камни от боли немые.
И в ласковом море всем взорам открыто
Мне видится: ничто не забыто.
Покой безмятежно над миром парит,
Мы помним о горе, никто не забыт.

ОЖИДАНИЕ

Где доброта запрятана?
Может, в морщинах глубоких
Или в ладонях, где пятна
Смываются после работы.

В хлопотах любящей матери,
В поле ещё не спелом,
В хлебе на чистой скатерти
Ломтями в сиянии белом.

В шестивии утренней смены
К фабрикам, службам, заводам,
В вое пожарной сирены
Под дымным небесным сводом.

Лепится в шепоте страстном,
В лунном обманном сиянии –
Перечислять напрасно:
Она для меня в ожидании.

ПОЖАЛЕЙ

Пожалей меня улыбкой,
С губ усмешку прогони,
Чтобы в жизни моей зыбкой
Заиграли вдруг огни.

На реке моей запруды
И фарватер обмелел.

От печали по подруге
На висках седой прострел.

Не сумел сдержать поводья
Её яростных причуд.
И в бессонье ночь уводит
На страданья, как на суд.

Мне одно теперь осталось:
По весне проситься в клин
Журавлей, чтоб в плотной стае
Позабыл, что я один.

Какою жизнью живёшь
Двойной, тройной, десятизначной?
О ком ты память бережёшь
В своём пути неоднозначном?

Утра застенчивую дрожь,
Дней серую неторопливость
И сумерек прозрачных ложь
Воспринимаешь будто милость.

И не подвержена молве,
В согласье с миром проживаешь.
А свою память обо мне
Похоронила иль скрываешь?

Позволь надеяться на сон,
На абрис мысли неудачный:
Что твоего сердечка трон
Я занял постоянством мрачным.

Он заблудился где-то
Вечерний твой звонок.
Беспомощный и жалкий,
Как брошенный щенок.

И тычется в чужие
Квартиры поздний звон,
Но тих и безответен
Уснувший телефон.

Пойду к звонку навстречу
В сумятице шагов;
Я проведу весь вечер
Без нужных сердцу слов.

Пятно настольной лампы,
Рассвет прилип к окну.
Ни шороха, ни звука...
А я всё жду... и жду...

РОМАНС

Воспоминанья без причины
Заденут сердце и покой,
О страсти юности невинной
Напомнит выстрел холостой.

Как много было пережито:
Курганы клятв, озёра слёз.
А слёз доверчивую свиту
Воспринимаешь как курьёз.

Но в самой глубине сознания
Теплится нежность ко всему,
И молодости вскрик прощальный
Поднимет в чувствах остроту.

И снова видишь молодое,
Готов брести по целине.
Всё застарелое, болезненное
Уступит место новизне.

МЕЧТЫ

Отпусти моё сердце, печаль,
От меня отодвинься немного.

Предо мною прозрачная даль
И ступени родного порога.

Я, конечно, устал от путей
И набрался житейского шума.
В моих мыслях острее и острее
Зреет чётко настырная дума.

Бросить всё и уехать туда,
Где начало рассветов и зорей,
Где на пирсах скучают суда,
Забавляется волнами море!

Через устье навстречу реке
Понесёт меня бешеный катер.
И держась на упругой волне,
Мы проскочим капризный фарватер.

Обязательно выйдут навстречу
Друзья детства и школьной поры.
В покаянье своём я отвечу
За молчанье и лень души.

Предо мною прозрачная даль,
Предо мною родная Камчатка.
То, что брошу с отъездом, не жаль.
Без Камчатки – не жизнь, опечатка!

Как нелегко строку настроить на звучанье,
Прозрачным вылить смысл в капризную строфу.
В стихе отметив проблески сознания,
Пустить его на твёрдую тропу.

И замирая ждать: не рвётся ли дыханье
В словах, где слоги – рядовые рифм,
Напряжены процессом созиданья;
И не даёт ли сбоя строгий ритм.

И бумерангом стих, быть может, возвратится,
Весь искалеченный правилами судьбы.
Ну что ж, и в жизни так: кто плачет, кто смеётся –
Мы все заложники единственной тропы.

Элеонора ШТИЛЬНИКОВА

Моя сказка

Штильникова Элеонора Дмитриевна (1937–2012). Родилась 6 октября 1937 года в г. Благовещенске Амурской области. В 1960 году после окончания пединститута приехала на Камчатку. Учила детей русскому языку и литературе (в частности, в Козыревске и в Ключах). С 1997 года проживала в г. Партизанске Приморского края.

Впечатления от северной природы, от встреч с людьми и от неиссякаемого юмора камчадалов нашли отражение в её стихах. «...Если бы меня спросили, как у меня получаются стихи, я бы ответила, что сама не знаю. Знаю только одно: надо быть ближе к людям, больше знать жизнь, потому что лучше, чем даёт жизнь, сам не придумаешь. Я очень рада, если читателям нравятся мои стихи...»

Произведения Элеоноры Дмитриевны публиковались в газете «Абориген Камчатки», в литературно-музыкальном ежемесячнике Приморского края «Лукоморье», в городской газете «Вести» (г. Партизанск), в антологиях «Каждая строка о любви» (2000), «Разноцветие приморских талантов» (2002). Являлась участником литературного объединения «Родник» (г. Партизанск) и литературно-музыкального салона «Третья пятница» (г. Владивосток). При жизни издала сборник стихов «Над Камчаткой лебеди летели» и сборник рассказов «Мы – дети войны» (посвящённый 65-й годовщине победы в Великой Отечественной войне).

Я ВЕРНУЛАСЬ

В зале громко музыка звучала,
И веселье было здесь, и грусть,
Я на выпускном пообещала:
«Хоть уеду, но сюда вернусь».

Сколько лет промчалось – пролетело!
Пенсия и внуки у меня.
Но однажды страстно захотела
Навестить знакомые края.

Та поездка долго не забудется.
Нет родных, разъехались друзья,
Только в школе до сих пор всё трудится
Добрая наставница моя.

Но теперь уже не той девчонкой,
Что пришла впервые на урок.
Сколько в её жизни трелью звонкой
На работу школьный звал звонок!

Ниже ростом, говорит прищурясь,
Густо стали волосы седеть.
«Можно мне, – спросила я волнуясь, –
На уроке Вашем посидеть?»

Солнечные зайцы в окна ломятся,
Погулять на улицу зовут,
Но притихла на уроке вольница,
Дружно пишут, чёркают и трут.

И опять из детства что-то вспомнится.
Вот я с мелом у доски стою
И пишу. Мне кажется: я школьница.
Я вернулась в молодость свою!

ОТЧЕГО ПЛАКАЛ ДЕД ЕВГЕНИЙ

Раз пошли мы на гулянье,
Был осенний вечерок,
Только слышим причитанья,
Словно кто-то занемог.

Что такое? Что всё значит?
Что случилось у людей?
Отчего там кто-то плачет?
Мы на помощь поскорей.

И увидели картину:
Плачет старый камчадал.
Вещи он готовил в зиму,
В погреб всё, что мог, спускал.

Непонятные движенья,
И слегка дрожит рука.
«Что случилось, дядя Женья?» –
Мы спросили старика.

Оказалось, всё, что надо,
В погреб он уже спустил,
Даже три бутылки спирта,
Что от бабки утаил.

А когда он напоследок
Подвесной мотор спускал,
Не хватило сил у деда,
Так сломался коленвал.

Стали тут свои советы
Мы давать наперебой,
Но не слышали ответа,
Дед сидел, как неживой.

Наконец взглянул Евгений,
Рукавом глаза отёр,
Говорит с недоумением:
«Что вы всё: мотор, мотор?»

Со ступеньки приподнялся,
Слёзы льются, как вода:
«Ерунда – мотор сломался,
Спирт растёкся – вот беда!»

РАССКАЗ ОЛЕНЕВОДА КАМЧАТКИ

В оленном краю
Процветало село,
У самого берега
Было оно.

Красивое место,
И рыбы там много,
Да только к реке
Зарастает дорога.

Зачем же ты, ветер,
Так грозно шумишь?
Ты наши дома
Оставляешь без крыш.

Теперь вспоминаю я
Детство своё,
Тогда голосами
Звенело село.

Смотрел я кино
И с друзьями играл,
А кто, сидя дома,
О чём-то мечтал.

Осталось в развалинах
Детство моё,
Мечты оборвались,
Закрыли село.

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ОХОТНИК

В командировку из Москвы в Палану
Учёный прибыл. Вот он раз к Степану
Пришёл. Мол, так и так, возьми с собой, Кузьмич,
Хочу я поохотиться на дичь.

– А ты стрелять умеешь? – Да, стрелял.
– А бегать? – Да пока никто не обгонял.

– Ну что ж, заметил я давно берлогу,
Коль бегать можешь, соберись в дорогу.

Да только на охоте не плошай,
Что буду делать я, за мною повторяй.
Идут, беседуют. И вот они на месте.
Взялись за дело не спеша и вместе.

Когда ж подняли зверя из берлоги,
Охотникам такгодились ноги.
Помчал Степан. И гость не отстаёт.
Медведь за ними. Злитесь и ревёт.

Бежал-бежал учёный что есть сил,
Потом подумал и себя спросил:
– Зачем же от медведя так бегу,
Когда я застрелить его могу?

Он тут же снял ружьё и взвёл курок
И прямо в цель. Свалился мишка с ног.
Москвич ликует. Он от счастья пьян.
Но чем же недоволен так Степан?

В затылке чешет, хмурится, сопит
И вместо похвалы такое говорит:
– Умеешь бегать, так зачем стрелял?
Медведь бы сам в Палану прибежал.

Когда не знаешь, делать что, спроси.
Теперь бери медведя и неси.

ПОДРАЖАНИЕ ПАСТЕРНАКУ

Когда-то местные жители
Камчатки при заготовке лосося
Икру сушили на заборах, а потом
Скармливали её курам.

Шёл крупный кижуч в сентябре,
И утром росным
Забавы много детворе,
Работы – взрослым.

Ножи мелькали в их руках,
И то и дело
Икра висела в ястыках,
Икра висела.

Без устали работа шла
До самой ночи,
Пластины рыбы дотемна
Солили в бочки.

«Рыбалка нынче хороша». –
И парень ловкий
В одну из бочек не спеша
Бросал головки.

Чтоб баню жарче натопить,
Старик в зюйдвестке
Дровишек больше подложить
Велел невестке.

Вороны ждали требухи,
Им хвощ не нужен.
Сварила бабушка ухи
Тройной на ужин.

Уж вёдра чистые стоят,
Спит коромысло,
А на заборе в длинный ряд
Икра повисла.

Зимой картошку на жару
Отварят люди,
И будут плавиться в жиру
Брюшки на блюде.

Рыбалку станут вспоминать,
Свою охоту,
Как крякву им пришлось стрелять,
Чирков без счёту.

Шёл крупный кижуч в сентябре,
И то и дело
Икра висела на плетне,
Икра висела.

МЕДВЕЖОНОК

Медвежонка принесли из леса,
Напоили тёплым молоком
И, надев ошейник, под навесом,
Привязали к столбику чулком.

И пока хозяин строил будку,
Звякал цепью, ладил вертлюжок,
Понемногу осмелел Мишутка,
Сделал неуверенный шажок.

Хвост ершом, взвилась на крышу кошка,
И хотя имела много прав,
Испугалась бедная немножко,
Жителя лесного увидав.

Выскочил на солнце из сарая
Хрюкающий маленький нахал,
Новосёла явно презирая,
Его миску пятаком угнал.

И щенку, по прозвищу Лукашка,
Надоело лаять и визжать,
Стал носиться с радостной мордашкой,
Приглашая гостя поиграть.

А петух косил янтарным глазом,
Мысль являя ясную, как день:
«Наташили всякую заразу.
Ну зачем нам эта дребедень?»

Проворчал, мол, мне не до игрушек,
Это недостойно петуха.
И, создав хохлаток и пеструшек,
Прочь увёл подальше от греха.

Заглянули невзначай соседи,
Тему подходящую нашли,
Сдержанно спросили о медведе.
Школьники с учителем пришли.

Девочки конфетки доставали,
С мишкой делились пополам,
Мальчики солидно рассуждали,
Подражая взрослым мужикам.

Свечерело. Потускнели краски.
От волненья пробирает дрожь.
Смотрят в ночь обиженные глазки:
«Что ж ты, мама, к сыну не идёшь?»

Нет реки, и нет родного леса.
Все заснули, только ты не спишь,
До утра вздыхаешь под навесом.
Какова судьба твоя, малыш?

НЕ УБИВАЙ

Не убивай мою синюю птицу,
Символ надежды и яркой мечты.
Мне показалось, что сказочным принцем
В жизни моей появился вдруг ты.

Не говори мне ни слова упрёка,
Истину мыслей в душе затая
И собираясь куда-то далёко.
Я понимаю: принцесса не я.

Очередную сказав небылицу,
Ты уезжаешь. Ну что же – бывай.
Только подбитую синюю птицу,
Очень прошу тебя, не убивай.

ТЫ ГОВОРИЛ

Я хохотушкой была,
Душа открыта,
Но ты в ответ на все слова
Молчал сердито.

Тебя терзала маета,
И вот открылся.

И оказалось: я не та,
К кому стремился.

Ушёл погожим майским днём,
Забрав одежду,
На жизнь счастливую втроём
Убив надежду.

Поторопился дверь закрыть,
И стало тихо.
Мне предстояло пережить
Немало лиха.

В коляске безмятежно спал
Сынок Андрюшка,
Зайчонок рядышком лежал,
Его игрушка.

Мне было плохо и не раз,
Всё победила,
Сама и сына в первый класс
Я проводила.

Легко ли было одолеть
Жизнь с перекосом,
В глаза сыновние смотреть
С немym вопросом?

Когда по улице я шла,
Среди прохожих
Встречала часто на тебя
Таких похожих.

Давно увяли все цветы,
Снег на дороге,
Открылась дверь – внезапно ты
Встал на пороге.

Ты говорил, что одинок,
Порой не спится,
Что наш единственный сынок
Всё время снится.

Что ты живёшь, себя виня,
И день не светел,
Что женщину родней меня
Нигде не встретил.

Что жизнь, друг друга вновь любя,
Начнём сначала...
Я только слушала тебя
И всё молчала.

КАРТИНЫ ДЕТСТВА

Сибирь. Зима. И снегом двор завален.
Вечерний нарушая наш уют,
Тоскливо воют волки у развалин –
Охотники «волков» на фронте бьют.

Я помню: в свете крошечной коптилки
Мать с бабушкой гадают об отце,
Из тряпок с ватой сшитые ботинки
И волчий след за дверью на крыльце.

Весна. Почтарь письмо на подоконник
Кладёт. На фронте дядя, военврач.
И, получив солдатский треугольник,
Мы говорим все: «Бабушка, не плачь!»

Платок старинный, в стёганку одета,
Потоки слёз из бабушкиных глаз:
«Письмо пришло, но ведь за время это
Он мог уже погибнуть сотни раз».

Я не была в Освенциме проклятом,
На фронте я не проливала кровь,
Но как мы шли на митинг в сорок пятом,
Я очень часто вспоминаю вновь.

Как бабы, перенесши горя тонны,
Смеялись, пели, плакали навзрыд,
Шел с красным флагом впереди колонны
Единственный мужчина. Инвалид.

Мы – дети войн. Отцов не помним даже.
И у меня есть множество причин
Спросить у всех правителей: «Когда же
Научитесь вы, наконец, беречь мужчин?»

ИГРАЛ ОРКЕСТР

Сюда шли посмотреть на прибывших актёров,
И в зале не было уже свободных мест,
В честь городского праздника шахтёров
Играл на сцене духовой оркестр.

«Осенний сон». Я тихо уплываю
Под звуки музыки, что заполняют зал.
Я далеко. Я детство вспоминаю,
Наш неухоженный и старенький вокзал.

Там на перроне были сделаны подмости.
Отцов своих достойные сыны
Играли марши мальчики – подростки,
Встречая музыкой вернувшихся с войны.

Мальчишечий оркестр играл в тот раз про осень,
Когда к перрону поезд подходил.
Вдруг юный музыкант трубу отбросил
И что есть силы: «Батя!» – завопил.

Закинув за плечо солдатский сидор лихо,
Он не сводил с отца счастливых глаз,
А мы с подружками переживали тихо,
Что нам не повезло на этот раз.

Вот словно наяву идут машины, танки,
Хотя с тех пор немалый срок прошёл.
Под этот марш «Прощание славянки»
Мой сын на службу в армию ушёл.

Стояла в очереди как-то на неделе,
А впереди солдатик молодой.
Тихонько гладила рукав его шинели –
В такой шинели и сыночек мой.

Воспоминанья набегают в беспорядке,
Назад отсчитывают дни свои года.
Мы веселы, мы все на танцплощадке,
Оркестр играет вальсы здесь всегда.

И тополиный пух летит над головами,
И нам всего лишь по семнадцать лет,
Смеемся без причины все.
– Что с Вами?
Вы плачете? – спросил меня сосед.

Играл оркестр...

ХВАЛА ОГОРОДУ

Волосы редуют, увядает кожа.
На кого ты стала, милая, похожа?
Надо дачей срочно мне обзавестись,
Знай себе работай, только не ленись.

Буду есть я тыкву, буду есть морковь,
На лице румянец заиграет вновь.
Если ж недовольна кожей лица,
Буду делать маски с соком огурца.

Не страшна любая мне теперь болесть,
Потому что грядки с овощами есть.
Вишню и малину на базар снесу,
Сельдерей с петрушкой другу припасу.

Волосы с крапивой, с хмелем буду мыть,
Надо волосинку каждую хранить.
И теперь недаром с грядками вожусь.
Так, глядишь, на десять лет омоложусь.

ОДНАЖДЫ

Сколько тайн на белом свете!
Сколько в воздухе идей!
Начиталась, насмотрелась
И наслушалась людей.

Там тарелка пролетела,
Люди снежные прошли,
Отыскиали чьё-то тело,
На полях круги нашли.

А в калужской деревушке
Что на днях произошло!
Утверждали все старушки:
«Тут разбился НЛО.

Приземлился так неловко,
Не на все копыта встал».
Кто-то в Турции головку
Пеликану оторвал.

Как-то в телепередаче
Старичок нам рассказал:
«В корабле я это, значит,
С марсианами летал».

Вот помыла я посуду,
Уничтожила всю грязь,
С умным видом (врать не буду)
За Блаватскую* взялась.

Голова от знаний пухнет,
Что любого утомит.
Вдруг я слышу, как на кухне
Что-то хлопает, гремит.

Вот ещё. Погромче стуки.
Сердце замерло в груди.
Неизвестность – это муки,
Хочешь, нет ли, а – иди.

Барабашка б не обидел...
Ну, была уж не была.
Только кто б тогда увидел,
Как на подвиг я пошла!

Еле ноги волочила,
Потеряли речи дар.
Оказалось, что включила
И забыла... самовар.

МОЯ СКАЗКА

Нас с детства приучили к сказке...
И вот водили хоровод
Русалки, ведьмы, Синеглазки,
А на цепи мяукал кот.

Петух траву косил неплохо,
Лиса ходила по грибы,
И, сидя на метле, Солоха
Взлетала к звёздам из трубы.

Царевна квакала в болоте,
Баюн придворных усыплял,
А враль заядлый на охоте
В оленя вишнями стрелял.

Три молодца сходились в пляске,
И каждый весел и силён.
Так был героями из сказки
Весь мир девчонки населён.

Запутавшись в ночной рубашке,
С досады морща кнопку-нос,
Спешила к ёлочке кудряшка
Узнать, что Дед Мороз принёс.

И её казалось временами,
Когда смотрела из окна,
Вдали за Синими горами
Страна волшебная видна.

Там видел мудрый ворон с ёлки
Иван-царевича в лесу,
Елену вёз на сером волке,
Спасая девицу-красу.

Недолго витязь на распутье
Дорогу смелых выбирал
И с восклицанием: «Не будь я
Иваном!» – путь свой продолжал.

Перед врагами не робея,
Решив погибнуть или жить,

* Е. П. Блаватская (1831–1891) – философ, оккультно-мистический мыслитель XIX в.

В чертоги мрачные Кощея
Сумел дорогу проложить.

Воспламеняя наши души,
Защитники родной земли,
Собратья Муромца Илюша
С ним сообща на подвиг шли...

Со временем ушли в преданья
Волшебных сказок чудеса,
И лишь как предков назиданья
Звучат героев голоса.

Пропели гусяры им звонко,
И гусли гуси унесли.
Давно состарилась Алёнка,
И все козлята подросли.

Растаяла весной снегурка,
Ушла на пенсию Яга,
Пасётся где-то Сивка-Бурка,
Топча зелёные луга.

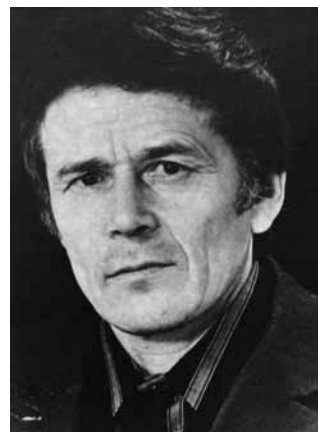
Померкли тайны Синих гор
И новогоднего гостинца,
Но почему-то до сих пор
Я верю в сказочного принца!

УМЕЙТЕ ГОВОРИТЬ

Когда уходит человек из жизни
И ничего поделать с тем нельзя,
Тогда сойдутся на печальной тризне
И скажут слово доброе друзья.

Эх, если бы он раньше это слышал:
«Заботливым, трудолюбивым был,
Ухожен огород, в порядке крыша», —
Тогда, наверняка, подольше б жил.

Не подвергайте близких укоризне,
Пусть только оступились те едва.
Умейте людям говорить при жизни
Хорошие и добрые слова.

Павел МИХАЙЛОВ

В моих глазах вершины белых сопок

Михайлов Павел Ксенофонтович родился 29 декабря 1928 года в семье камчатских крестьян в селении Ключи. Родители были членами колхоза «Вперёд». Отец Михайлов Ксенофонт Ксенофонтович 4 декабря 1937 года в возрасте 33 лет был убит на коллективной охоте. Мама Михайлова Анна Александровна скончалась в марте 1951 года.

Ключевскую среднюю школу им. И. Крылова закончил в июне 1947 года. В военные 1941–1944 годы летом трудился в колхозе, помогал маме зарабатывать трудовыми. Летом 1945–1946 годов работал на рыбоконсервном заводе в Усть-Камчатске и в засольном цехе Ключевского рыбокооператива (за рекой). Июль–октябрь 1947 года трудился нивелировщиком в изыскательной группе (из Петропавловска для лесокombината). С 29 октября 1947 до мая 1950 года работал сопровождающим на почте Ключевского отделения связи. С мая 1950 по октябрь 1953 года срочная служба в армии (город Благовещенск Амурской области). Декабрь 1953 – август 1954 года – стрелок ВОХР при 5-й ГРЭС (город Ленинград). В июне 1954 года закончил десятый класс ШРМ № 134 (получил второй аттестат зрелости). С сентября 1954 года учёба в ЛВМТ (Ленинградский Военно-механический техникум). В декабре 1956 года получил диплом радиотехника. Прибор для обнаружения радиоактивного излучения, изготовленный по теме дипломного проектирования, был представлен в 1958 году на юбилейной выставке приборных устройств, изготовленных учащимися средних учебных за-

ведений (техникумов и ПТУ города Ленинграда). В январе 1957 года был направлен в Московскую область, где на предприятии ЦНИИТОЧМАШ работал 54 года 8 месяцев (с 11.02.1957 по 31.10.2011 года). Здесь имел должности от техника до ведущего инженера-конструктора. В 1964 году закончил курсы ВЗПИ (Всесоюзного заочного политехнического института), получил диплом радиоинженера. Моя работа в ЦНИИТОЧМАШ отмечалась награждением медалями ВДНХ (1967 г., 1976 г., 1981 г., 1986 г., 1991 г.).

*Из письма Павла Михайлова,
21.09.2014.*

Село Ключи. Природы вид прекрасен,
Здесь ледяные горы, поросшие хребты,
И солнца луч почти погашен...
Ну, полюбуйся ты.

Там вдали виднеется Шивелуч,
Здесь река бежит,
Тут же сопка Ключевская
И не курит, и курит...

Михайлов Павел, 1945 г.

О творчестве

«С наукой стихотворения не знаком (не мог ямб от хорея отличить). В 8-м классе при домашнем задании “написать сочинение о Сталинградской битве” я изложил стихи. На перемене перед уроком литературы показал листок Володе Коренкову (сидели за одной партой). Начался урок. Он громко сказал: “А Михайлов написал стихотворение!” Но я не дал учителю прочесть, стеснялся.

В первых числах января 1945 года сочинил стихотворение “Село Ключи”. Оно было слишком длинное, на двух листах. То, что осталось в памяти, и есть теперь коротенькое “Село Ключи”.

При службе в Армии (1950–1953) стихами не занимался, ничего не рифмовал. Служба есть служба!»

*Из письма Павла Михайлова
22.09.2014*

Павел Ксенофонтович – автор поэтического сборника «В моих глазах вершины белых сопок» (Москва: Издательство «Славянская школа», 1994).

Я был рождён среди вулканов,
Под пеплом, в лаве у огня,
Кругом вода и волны океана
Мой полуостров мыли и меня.

В моих глазах вершины белых сопок,
Гремит в ушах проснувшийся вулкан,
И с юмором морских метеосводок
В груди бушует Тихий океан.

Где-то в сердце Камчатка стучит,
Лава жгучая бежит в жилах...
Не могу я покинуть Ключи
В каждодневных моих ностальгиях.

1968

Привет разлившимся протокам,
Селу и улице родной,
Хвощам, кипреям и осокам,
И даже пыли ключевской.

1966

РОДНОЕ

Куражье, Поперечка, Уловная,
Широкое, Чинекша, Гренадёр...
Вода в Ключах вулканно-ключевая,
А Млечный путь – божественный ковёр.

Конопленка, Икрянка и Новинка,
На Казачьем – гуси и чирки.
Над обрывом тополь и осинка,
Под обрывом чёрные пески.

Кандейка, Накша, Харчино, Еловка,
Двухюртинская и Атласов крест...
Я чувствую себя весьма неловко
В большой версте от этих чудных мест.

Черёмуха, харем и голубика,
Шикша, жимолость, рябина, черемша,
Княженика и малина, и брусника –
От названий замерла душа.

Хаёк – кета, горбуша, кунжа, кижуч,
Чавыча, нерка красная, голец,
Ещё добавлю хариус, микижу
И изойду на слюни. И капец.

1990

Говорят, верста в наш век стала короче,
Выпил рюмку в Сочи – закусил в Москве,
Если жизнь земная надоела очень,
Через пару суток будешь на Луне.

«Ту» всех серий, «Илы» и ракеты
Сократили километры в сотни раз,
Но без звона матушки-монеты
Не приблизятся ни Крым и ни Кавказ.

Знаю я, летает реактивный
Из Москвы на Тихий океан.
В край вулканов, в край лесной и рыбный
Не даёт лететь мне мой пустой карман.

Много лет вдали от родины витаю,
Сердце ноет в полнолуние неспроста.
Марсом я Камчатку называю,
Не короче стала для меня верста.

1960

ПОСЛАНИЕ А. П. ДУБРОВИНУ

Алексей Поликарпович, здравствуй!
Сядь к окну, эти строки прочти.
Я хотел бы по плотному насту
В этот день к твоей юрте прийти.

Это там, у истоков Маимли,
Где Шивелуч седой задремал,
Где не гордый олень часом зимним,
А отец мой от пули упал.

Онеметь бы от чистого неба,
От камчатских красот опьянеть
И у старой раскидистой вербы
На хребты и на сопки смотреть.

Да не слышать бы рокот моторов,
Тишины бы наслушаться всласть,
И от чувства любимых просторов
На родимую землю упасть

И обнять бы её, целовать бы,
Окропить бы счастливой слезой...
Но не видеть мне сказочной лавы,
Не напиться воды ключевой.

1985

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ДУБРОВИНУ

За тебя, дядя Лёня, я рад,
И тебя как никто понимаю,
Когда много сезонов подряд
Бродишь ты по таёжному краю.

На приманку берёшь горностая,
От капканов несёшь соболей...
Я «Столичной» стакан выпиваю
За дубровинский твой юбилей.

А придёт половодья пора,
Ты, профессор, откроешь путину,
Бросив сети в четыре утра
В позабытую мной уловину.

И пойдёт нерка красная густо,
И запахнет река чешуёй...
В твоём доме прекрасном закуска
Из котлет с молодой черемшой.

Приплывут и кета, и горбуша,
Красноточечный донный голец...
Почему я, Михайлов Павлушка,
Не живу там, где жил мой отец?

Приходилось мне в прошлую осень
Даже здесь, в Подмоскowie, слышать,
Что чавычу – царицу лососей –
Может только Дубровин поймать.

Ну а с кижучем, рыбой отличной,
У тебя на рыбалке – игра.
Я ещё опрокину «Столичной»,
Коль под рифму ложится «икра».

Будь здоровым на долгие леты,
Крепок будь, как кедрач на хребте.
Пусть сегодня под эти куплеты
Салютуют вулканы тебе.

1985

Я вот о чём теперь толкую,
Какой я, к черту, камчадал,
Когда и сопку Ключевскую
На Подмоскowie променял.

1993

Живу в гостинице «Центральной»,
Другой здесь нет, тут край степной,
Нет в этой дали неоглядной
Ни ресторана, ни пивной.

Под знойным солнцем вольный ветер,
Ковыль да редкий карагач.
И за весной уходит лето,
Хоть воем вой, хоть плачем плачь.

Не надо мне ни ресторана,
Ни бормотухи, ни пивной.
Мне надо слышать гул вулкана
И любоваться Ключевской.

Я здесь, мечту свою лелея,
Лететь надумал в край родной.
С каким я чувством захмелею
От встречи с сопкой Ключевской!

Донгуз, 1990

ЛЕТЯТ СНЕЖИНКИ

Первый снег на желтый лист ложится,
Падают снежинки не спеша,
Прожитое в памяти кружится,
Прошлым растрожена душа.

С высоты снежинка за снежинкой...
В них с тоскою видятся года,
Те, что обозначились сединой,
Те, что не вернутся никогда.

И летят то плавно, то тревожно,
А весной растаяли. Вода.
В них, искристых, видеть невозможно
Наши уходящие года.

1959

Весна. Е или А?
Какая буква в слове этом
Нас будоражит и бодрит,
И почему зимой и летом
Весна в груди у нас кипит?

Да, это – Солнце. Пролетая
Зарубки Млечного пути,
Оно к планетам испускает
Лучи с фотонами любви.

Природы-матушки веленье,
Земли любовный непокой,
Ах, это милое мгновенье,
Что называется Весной.

Какая буква в слове этом
Нас будоражит и бодрит,
И почему зимой и летом
Весна в груди у нас кипит?

1970

По любви заря с зарёю сходятся,
Небосклон плывёт в сиреновом наряде.
В эти ночи лишь мосты разводятся,
Лишь мосты, и только в Ленинграде.

1964

РИММЕ

1

Радость ты моя предновогодняя
И моя февральская тропа,
Мартовское счастье беспокойное,
Майская надежда и судьба.

Осень ты моя под летним солнцем,
Чистота небесной синевы,
Сказочность замерзшего оконца,
И весна, и крест моей любви.

2

Февральская метелица,
А на душе – весна!
Мне как-то всё не верится,
Что ты – моя жена.

Любовь позёмкой стелется,
Все тропки замела,
Февральская метелица
В сугробы завела.

Берёзки снегом вымыла,
О чём-то спела мне,
И прямо к ЗАГСу вывела
По снежной целине.

От счастье мне не верится,
Что ты – моя жена.
Февральская метелица,
А на душе – весна!

1964

НАША ПОЧЕМУЧКА

Очень интересно всё на свете,
Из кровати слышится «ау».
Это Инна ждёт от нас ответа
На вопрос свой первый «почему?».

Солнце появилось над домами,
Тучка приближается к нему.
Инна задаёт вопросы маме:
«А зачем? Откуда? Почему?»

Мамочка сварить хотела кашу,
Да на плитке убежало молоко.

И опять я слышу дочку нашу:
«Как так убежало? Отчего?»

Солнце закатилось, звёзды светят,
Кто-то сплющил и согнул луну.
Как же доченьке моей ответить
На её «зачем» и «почему»?

Всё в природе не стоит, вращается,
Многое и сам я не пойму,
Но весь день к нам Инна обращается
С самым частым словом «почему».

Что там Инне пряники-конфеты,
Шоколад ей тоже ни к чему.
Ищет доченька сама ответы
На свои «зачем» да «почему».

1964

НАШ САД

Сад как сад. Всего три сотки.
Что ты там ни говори,
При царе и при Никитке
Садик нужен для семьи.

Не хочу иметь я дачу,
Далеко ли до беды.
Мы имеем на сегодня
Коллективные сады.

Это лучше. Есть правление,
Сторож есть и казначей,
На воротах объявленья
И замок для ста ключей.

В общем, как вы не судите,
В коллективе веселей.

Очень мудрый председатель
Задаёт всему мотив,

Всё решает на собрание
Стоголовый коллектив.

Приобрёл в саду участок
И забыл про домино,
Я люблюсь белой астрой,
Не хочу смотреть кино,

Телевизор не включаю
И не балуюсь вином,
По посёлку не гуляю,
А с работы в сад бегом.

В отпуск я теперь не езжу,
За грибами не хожу,
Лучше я в саду под грушей
У навоза посижу.

Дома я или в дороге,
Полон рот одних забот.
Обеспечен я работой
На участке круглый год.

В марте валенки хватаю,
До рассвета в сад лечу,
Грызунов-мышей гоняю,
Снег под яблоней топчу.

Будто я шаман с Камчатки,
И, как бабушка-Яга,
Вокруг яблоньки-китайки
Прыгаю туда-сюда.

Я секатором жонглирую,
Заставляю петь пилу,
Снег раскидываю вилами
(Всё лопату не куплю).

Снег сошёл – опять забота:
Там опрыскать, тут привить,
Взнос внести хоть за полгода,
Кипятком кусты облить.

Побегут теперь недели,
Завтра будет как вчера.
Каждый год в конце апреля
Я мечтаю у костра.

Май, июнь, июль и август
Я в саду, как на войне,
Целый день под солнцем маюсь,
Достаётся и жене.

Покопаем – поливаем,
Закопаем – воду льём,
И одну дорожку знаем –
От участка в водоём.

Мы с улитками воюем,
С червячками, с мерзкой тлёй,
На коленях – с сорняками,
Пыль висит над головой.

Позабыты воскресенья,
И не знаем мы суббот,
Варим джемы и варенья,
Ночью делаем компот.

Маринуем помидоры,
Малосолим огурцы...
Я, наверно, очень скоро
Под кустом отдам концы.

В сентябре опять копаем,
Листья в кучи собираем,
И опять пришла пора
Поразмыслить у костра.

Спит земля под снегом белым,
И деревья спят зимой.
Ну и мы под одеялом
Отсыпаемся с женой.

1967

П. Яшину

Соловки, беломорские зори,
Только азбука Морзе в ушах.
Надевает студёное море
На тельняшку матросский бушлат.

В вещмешке талисман – ключ радиста,
Курс на фронт в восемнадцать годков,
Направление на флот, на Балтийский,
Тральщик катерный в восемь узлов.

Бой за Эзель и взятие Даго,
И десант на косу Фришнерунг...
Трал военный, морской работага,
Только волны да мины вокруг.

1976

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Ну что, Михайлов, смотришь виновато?
Ты перед пенсией, как заяц на плоту.
К тебе пришёл декабрь шестидесятый,
И не пора ли подвести черту

Под вёснами твоими всепогодными,
Под пургами твоих шумливых зим,
Под действиями, теперь совсем немодными,
Под тундровым чиханием твоим.

Не веруя ни чёрту и ни Богу,
Ты сам свой образ сложный создавал,
Так оглянись в раздумье на дорогу,
Нашёл ли то, что ты на ней искал.

Сын неба звёздного и сопки Ключевской,
Из мудрой Зеи ты испил водички,
С любовью повстречался над Невой
И с нею задержался у Петрички.

Висит ли в стенах старый малахай,
Там, где в углу оставлен крепкий остол.
Не в болях сердца Накшу вспоминай,
Не то цунами смоем полуостров.

Теперь тебе бы тлеть, но не гореть,
Я говорю не ради комплимента,
Тебе пора бы кости в магме греть,
А ты в саду, в коровьих экскрементах.

Ты тянешь ляжку в той ли борозде,
И та ли брошена судьбою карта?..
А остол пригодился бы тебе,
Хотя фортуна – не собачья нарта.

...Я посмотрел в раздумье на дорогу,
На ней под солнцем – дети и жена.
Я говорю сегодня: «Слава Богу,
Вся жизнь моя – мелькнувшая весна!»

1988

ДРУЗЬЯ-ПРИЯТЕЛИ

Немного нас. Мы есть пенсионеры.
Жизнь наша повернула на закат.
Мы как-то вдруг заметно постарели,
И в том не только возраст виноват.

На работе без работы всё – прекрасно,
Довольны, вроде бы, собой.
А ведь сидим в «бату камчатском»
При дикой качке бортовой.

Россия убедительно смотрелась
Всегда и в профиль, и в анфас.
Но что же будет с нею завтра,
Когда останется без нас?

А спрос на нас не тот, что прежде,
Простуды будут... и инсульт...

Но вот жива, жива надежда –
Нас на работу позовут.

Немного нас. Мы есть пенсионеры.
Кривая жизни вышла на закат.
Сегодня мы чуть-чуть помолодели,
И в этом тоже возраст виноват.

Галина ТКАЧЕНКО

Поэтическое «осложнение» инженера-электрика

Ткаченко Галина Ивановна родилась 10 сентября 1940 года на Урале, в г. Каргалы. По образованию – инженер-электрик, по опыту работы – журналист. Путь в журналистику начала на заводе стройматериалов в Латвии, в городе Елгава, где параллельно с основной работой вела регулярные заводские радиопередачи и публиковалась в городских и республиканских газетах.

В связи с переводом мужа на другое место службы, на Камчатку, в 1976 году переехала в поселок Ключи Камчатской области. Работала в Ключевском леспромхозе, инженером в отделе главного энергетика. Выпускала стенгазету о поселковых расхитителях электроэнергии. Публиковалась в газетах «Камчатская правда», «Камчатский комсомолец», «Путь Ленина», «Рыбак Камчатки», журнале «Дальний Восток» и все-союзных изданиях. Писала сценарии для агитбригады Ключевского леспромхоза, который стал лауреатом Всесоюзного зонального смотра-конкурса молодежных агитбригад, получила Почетный знак лауреата за лучший сценарий. В качестве поощрения была включена в состав концертно-творческой бригады по нефтяным местам Тюменского края. Также в составе творческой бригады была в рейсе теплохода ЦК ВЛКСМ «Корчагинец», обслуживающем в Тихом океане рыбаков и моряков Дальнего Востока. В 1981 году в Камчатском областном издательстве был издан сборник литературных стихотворных пародий Галины Тка-

ченко «Про это самое...». В этом сборнике нашли своё место пародии на стихотворения Е. Сигарёва «Наваждение», Василия Фёдорова «Собратья», Михаила Дудина «Чуден Днепр», Евгения Винокурова «Излюбленное чтиво», подражание поэту Г. Поротову «Ох как славно!» и др.

О своём пристрастии к жанру литературной пародии Галина Ивановна пишет: «Литературной пародией я увлеклась нечаянно. Сестра, которая младше меня на десять лет, очень рано стала писать стихи. Показывала их мне и робко спрашивала: “Тебе нравится? Да?” Отделяться похвалой из сочувствия маленькому творцу не хотелось: а вдруг это у неё серьёзно? Надо бы подсказать, как и что лучше подправить, чтобы не выглядело коряво. Но для грамотного разговора не хватало знаний. Пришлось начать с азов, почитать простейшие книжки о том, как писать стихи, и критические статьи о том, как писать не надо. Словом, самой разобраться, что такое в поэзии “хорошо”, а что такое “плохо”. В результате я пристрастилась к поэзии настоящей, большой и стала более обоснованно судить о том, что и почему в каких-то стихах возмущает, раздражает или смешит, несмотря на серьёзную тему».

После ухода мужа в запас, вернулась в Латвию. В 1985 году первичной журналистской организацией редакции газеты «Советская Латвия» в Риге Галина Ткаченко была принята в члены Союза журналистов. В конце 80-х годов, в связи с назревaniem в Латвии общественных настроений на отделение от СССР, переехала с семьёй в Новосибирск. Работала в областных газетах «Советская Сибирь» и «Ведомости областного Совета депутатов», в редакции областного радио, в пресс-службе администрации Новосибирской области. Избиралась заместителем председателя Новосибирской областной организации Союза журналистов. После переезда семьи из Сибири в Таганрог, на родину мужа, стала специальным корреспондентом Всероссийского альманаха «Общество и здоровье» по Южному Федеральному округу.

Богатый и разносторонний опыт журналистской, производственной и литературной деятельности в жанре юмора привел ее к созданию оригинальной книги «СМИшные истории», которая была издана Ростовским издательством «Дониздат» в 2009 году. Открывает эту книгу рассказ Галины Ивановны о полёте на вертолете с избирательной комиссией и корреспондентом Центрального телевидения к дежурной смене ключевских вулканологов, чтобы снять процедуру выборов у Ключевской сопки.

КЛЮЧИ ОТ СЧАСТЬЯ

Человек рожден для счастья,
Всем нам с детства говорят.
Отыскать на свете счастье
Каждый рад.
Бывает счастье разное,
Трудное и ясное,
Но в жизни, словно в сказках,
Прячется оно
В прекрасном замке
За семью дверями,
В воздушном замке
Под семью замками,
И нет ключей, и их найти
Не всем дано.

Но где-то быть должны ключи мои,
Ищу я счастье на краю земли.
И не воздушный замок мне помог,
А за семью вулканами далекий городок.
Мои Ключи, мой славный город счастья,
Люблю тебя и не боюсь ненастья.
Моя Камчатка, снежная фантазия,
Ты страничка последняя в книге с названием «Азия».

Ожерелье острых сопок
В бесконечной синеве.
Тонет кружево тропинок
В белоснежном серебре.
Какое счастье, что сюда
Вдруг пришла моя судьба,
И здесь разбилось одиночество мое.
И каждый миг всем сердцем я вбираю
Всю красоту безудержную края,
И о любви душа счастливая поет.

Нашла я здесь ключи, ключи мои,
Поймала счастье на краю земли.
И не воздушный замок мне помог,
А за семью вулканами далекий городок.
Мои Ключи, мой славный город счастья,

Люблю тебя и не боюсь ненастья.
Моя Камчатка, снежная фантазия,
Ты страничка последняя в книге с названием «Азия».

КАМЧАДАЛОЧКА

На Камчатке я живу, это далеко.
И добраться к нам сюда очень нелегко.
Не летает самолет без погоды,
С мамой в отпуск я лечу,
С мамой в отпуск я лечу
Раз в три года.

Привет:
Хорошо, поверьте мне,
Камчадалкой быть.
Жить в далекой стороне,
Жить в далекой стороне
И ее любить.

Можно разницу в часах только здесь понять.
Двойки ставятся в Москве – мы ложимся спать.
За ночь снегу целый метр выпадает,
Можно в школу опоздать,
Можно в школу опоздать –
Не ругают.

А еще у нас вулкан настоящий есть,
И на лаву старую можно даже сесть.
От гороха виноград пусть не отличим,
Но мы красную икру,
Но мы красную икру (*иногда*)
Ложками едим.

Привет

ЗАЗНОБУШКА

Дороги увели
Меня на край земли,
Под сопкой Ключевской
Вдруг потерял покой.

Нашел, ах-ах, зазнобушку в Ключах.
Живет, ах-ах, зазнобушка в Ключах.

Я маме напишу,
Совета попрошу.
Как быть мне, дай ответ,
Жениться или нет?

Что делать, ах, зазнобушка в Ключах.
Глаза – вулкан, взгляну – без водки пьян.

А мама пишет мне:
В своем ли ты уме?
Сперва остепенись,
Потом уж и женись.

Ха-ха! Потом! Быть век холостяком?
Возьму, женюсь, потом остепенюсь!

БИЧИКИ

На Камчатке есть поселок Ключи,
Там живут большие бичи.
Все маленькие бичики
Уехали в Тиличики,
Большие все приехали в Ключи.

Есть в Ключах вулкан Ключевской,
Он такой большой-пребольшой.
Ждут люди извержения
И в этом положении
Находят только в градусах покой.

Разговор кругом на мать-перемать,
Можно слов других и не знать.
Не надо переводчика –

Была бы только водочка,
С ней как-то легче душу открывать.

Есть в Ключах большой леспромхоз,
И в дрова он по уши врос.
Начальники меняются,
Дела не исправляются.
Как сделать план – загадочный вопрос.

А природа будто сводит с ума,
Лето – пылью, снегом – зима.
Пейзажи здесь прекрасные,
Недаром рыба красная
Спешит сюда, в родильные дома.

Только рыба начинает идти,
Как в Ключи ведут все пути.
Съезжаются комиссии,
Их основная миссия
С собой дары природы увезти.

На Камчатке вырос город Ключи,
Ты другой такой поищи!
Все маленькие бичики,
Подросшие в Тиличиках,
Обратно возвращаются в Ключи.

МАЯК ЛЮБВИ

По голубым дорогам мира
Я ухожу в морскую даль,
И маяком любви мне светит
В твоих глазах твоя печаль.
Причальной встречи сладкий взрыв,
Что так всегда красноречив.
Прощальный взгляд, глаза – в глаза,
И соскользнувшая слеза.

Припев:

О романтике немало
Говорят высоких слов.
У романтики рыбацкой
Нрав отчаянно суров.
На две части, на два счастья

Вся судьба разделена.
Между берегом и морем
Разрывается она.
На две части, на два счастья,
На земное и морское,
И пока их нет обоих –
Не найти душе покоя.

Бывают там, вдали, мгновенья,
Когда сгибается металл,
Но в трудном споре со стихией
Рыбак не скажет, что устал.
Рыбацкий труд совсем не мед,
Кто в море был, лишь тот поймет.
Нам океан то друг, то враг,
Как дорог в нем любви маяк.

Припев:

БУНТ В ПОДЪЕЗДЕ

На лестничной площадке большое оживление.
И даже весь подъезд почти кипит от возмущения:
«Пускай жильцы шестнадцатой сейчас же выйдут к людям.
Мыть не хотят они полы, и мы тогда не будем!»
И лейтенанту юному, что здесь назначен старшим,
Бунт этот бабий наблюдать, признаться, даже страшно.
Но, должность дополнительную всяк в душе кляня,
Звонит в квартиру долго он, спокойствие храня.
И у хозяев, наконец, не выдержали нервы.
И мужа телом заслонив, жена сказала первой:
«И не мыла, и не буду, тоже дурочку знайшли.
Я пишла за охвицера не за тем, шоб мыть полы!»
Муж взглянул из амбразуры и так жалко замычал:
«И меня ведь не пускает. Что мне де...» И замолчал.
Все решили ультиматум командиру передать:
«Или с ними разберитесь, иль не будем убирать!»
С превышеньем женской власти разобрался так комбат:
«Всем, кто женится на дурах, дать пожизненный наряд!»

И У НАС «ОРБИТА»!

Пусть пурга над нами злится,
Пусть туман идет стеной.
Голубой сигнал столицы
К нам летит над всей страной!

Припев:

Его по звездной трассе
Несет к нам спутник связи,
И ловит голубой телеэкран.
Давно была Камчатка
Окраиной забытой.
Теперь не те порядки,
Теперь у нас «Орбита»,
И в мир большой
Нам тоже пропуск дан.

Царь пробил окно в Европу,
В наши дни – оно мало,
К нам спешит сигнал особый
Расстояниям назло.

Припев:

Стали наши все квартиры
Как столицы филиал:
Был в гостях театр сатиры,
Даже Райкин побывал.

Их всех по звездной трассе
Принес к нам спутник связи,
Поймал наш голубой телеэкран.
Давно была Камчатка
Окраиной забытой.
Теперь не те порядки,
Теперь у нас «Орбита»,
И в мир большой
Нам тоже пропуск дан.

ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ЛЕСА

Басня

В лесу был создан Спецсовет,
А вот работы нет и нет.
Уже к концу подходит год,
О чем же сочинять отчет?
Собралась дружная звериная семья
И обсудить решила Соловья
За то, что он не так себя ведет,
Не пьет и что-то странное поет.

На поведение бедняги Соловья
Есть точка зрения у каждого своя.
Авторитетно начала Лиса:
– Объездила я многие леса,
Сравнить могу, как здесь и там живут.
И мне известно, что такое труд.
А Соловей живет, забот не зная –
Кур даже не таскает из сарая.

За ней сердито заревел Медведь:
– Да разве можно столько петь
И аморально, так сказать,
Зимою в спячку не впадать.
Вол, как всегда, был крут и прям:
– Могу сказать я смело вам –
Не знает он свою работу,
Так как не ходит на охоту.
О Соловье замолвить слово рады
И представители пернатых.
В эффектной позе Чижик заявил:
– Я на самой Фонтанке водку пил,
И уверяю вас, друзья,
Что можно жить совсем без Соловья!
И Дятел завершил картину:
– К тому же, он не долбит древесину!

Все звери выступили дружно,
Решили так единодушно,
Что коллективу Соловей не подошел.

И, вообще, в лесу полезнее Осёл.
На штатной единице Соловья
Теперь Осёл кричит свое «И-и-и-А-а-а!»

P. S.

Так часто выполняет свою миссию Квалификационная комиссия.

ПЛАЧ МАТЕРИ

*Написано в Усть-Камчатске
после одной случайной встречи на берегу залива*

Как удивительно и странно
Изрезан берег океаном!
Как будто в яростной тоске,
Стремясь к извилистой реке,
Он на пути смывал преграды.
Часть суши взял себе в награду,
На дно залива опустил,
На время выбился из сил
И устояла полоса –
Частица берега, коса.
А к ней – коварен, молчалив,
Большой, как море, льнет залив,
И синевой ласкают робко
Очерченные четко сопки.
И перед этой синевой,
Густой, волшебной и живой,
Исчезли сразу все слова.
Повелевала синева:
Остановись, постой... постой...
И полюбуйся красотой!
На миг мне показалось даже,
Что это Рериха пейзажи.
Но ветер становился злей,
Напоминал: здесь – не музей.
Вдруг...
резким синеве контрастом
И силе ветра не подвластна,
Вся в черном, женщина бредет.
Такую скорбь в себе несет,

Которую ничем не скрыть.
И душу подошла излить:
– Стоите долго, ветер, стужа,
Кого-то ждете? Сына, мужа?
– Да нет, я просто так стою.
Красиво очень, – говорю.
– Красиво, да, что за вопрос,
Но не могу смотреть без слез.
Мне эта вся краса немила,
Она – сыновняя могила.
Ушел охотиться на уток,
И нет его...
семнадцать суток.
Вчера мне море принесло
От сына куртку и весло,
На берег выбросив небрежно,
И погасило вмиг надежду.
Внутри все как закаменело.
Найти бы мне хотя бы тело,
Чтоб на земле похоронить,
Все же легче было бы мне жить.
Могла бы приходить к могиле,
Сказать: «Тебя мы не забыли!
Сыночек твой – копия с лица...»
Шаг первый сделал без... отца.
Далась мужчинам всем охота...
Жить, что ли, стало неохота?
Кому такая смерть нужна?
За что? Теперь ведь не война...
Ему бы только жить да жить,
Жену любить, детей растить...
А я... беду не отвела,
Меньшого не уберегла.
Жена его так молода,
Еще свое возьмут года.
А у меня мечта одна:
Раздвинуть воду бы до дна,
Местами поменяться с ним,
С сыночком меньшеньким моим.
На все в себе нашла бы силы,
Лишь бы его я воскресила...

И материнской боли вторя,
Вздохнул залив, большой, как море.

МНЕ СНИТСЯ ЭССО

Я с Камчаткой тесно связана судьбой,
Край далекий, край любимый, снежный мой.
Здесь я счастье неожиданно нашла,
На дороге нас пурга с тобой свела.
Нам любовь преподнесла она,
К ней теперь я благодарности полна.

Привет:

Ты славный, мой поселок Эссо,
Ты – сказка, созданная лесом.
Бывала я и за границей,
Но даже в отпуске мне снится
Швейцария Камчатская моя.

Полюбила навсегда твой белый снег,
Полюбила я оленей быстрый бег.
От тепла, что есть в земле твоей всегда,
В речке Быстрой и зимой течет вода.
А вдоль берега на солнце днем
Все сосульки светят чистым хрусталем.

Привет:

Но в далекой и суровой стороне
Все равно всегда всего дороже мне
То тепло, что вижу в душах у людей,
От которого на свете жить теплей.
На Камчатке навсегда наш дом,
И уверенно наш сын шагает в нем.

Привет:

НОВОСИБИРСКИЕ СТРАНИЧКИ

ВЫБОРНУХА

Реалистическо-ироническая трагикомедия

Какая гадость – вирус власти!
Кто им серьёзно заражён,
Тот, как в плену у этой страсти,
Сквозь честь и стыд идёт на трон.
Так хочется оттуда править
Людскою жалкой мелюзгой
И попираť права и нравы
Своею властною ногой.
Пусть знают, что пришёл глава
Качать законные права...

Но путь в цари составлен из преград:
Сначала нужно встрять в прицарки,
Глотая высший гнев и мат,
Как драгоценные подарки.
Прицарку можно стать царьком,
Освоить местность рангом ниже,
Не делая проблемы в том,
Что полномочия... пожизне.
Царькова жизнь – как поле брани:
И сверх пнут, и снизу пнут.
Пока дождёшься свыше пряник,
Огреет не однажды кнут.
И у царька есть кнутик тоже
Для тренировки властных сил.
Им даже можно дать по роже
Тем, кто не предан иль не мил.
Не это тешит подсознание,
Маячит впереди судьба:
Чем выше должностное звание,
Тем чаще – ТЫ, а не – ТЕБЯ.
Так, значит, всё-таки вперёд!
Давно героя ждёт народ!

Сам стиль вхождения во власти
Один: Москва иль Искитим –

Везде одни и те же страсти,
Один и тот же сладкий грим,
Одна и та же песнь обмана
Из обещаний и вранья.
Цель – напустив вокруг тумана,
Воздвигнуть пьедестал для «Я»:
«Друзья, мы связаны судьбою,
Я ваш товарищ, друг и брат!
Поверь, я всей душой с тобою,
Мой дорогой электорат!
Гожусь в невесты, в женихи,
Я свой, без сантиментов.
В селе я – парень от сохи,
А в вузе – из доцентов.
Страна-то до меня попала
В экономический тупик.
Россия-мать тогда не знала:
Лишь я исправлю дело вмиг.
Нарывы жизни нашей вскрою,
Грехи веков руками смою!
Иду наверх не для себя,
Народ свой преданно любя!»
А параллельно с восхваленьем
Идёт другое наступление,
Вопросик следует решить,
Как конкурента «утопить»...

Нет, не мочить его в сортире –
Сей способ годен для верхов.
Где меньше прав, там смотрят шире
И лепят свой сортир из... слов:
Такое нужно сочинить,
Чтоб век всю грязь не смог отмыть.
Такое нужно откопать,
Чтоб рядом стыдно было встать.
Подать так смело и умело,
Чтоб авторучка... покраснела!
А сколько нужно заплатить,
Чтоб честно голоса... купить!

Трясут мозгами ПиАр-боги,
Годится всё, но шито-крыто:

От самых грязных технологий
До внешне чуточку... подмытых.

Итог: сопернику досталось,
По всем статьям в грязи утоп...
Его сторонникам осталось
Ему готовить политгроб.

Вот он – торжественный момент:
Родился выборный процент!
Кто куплен водкой, кто по дури,
Кого прельстил повыше пост –
Уже неважно. Факт в натуре:
Царь новый встал во весь свой рост.
И свежизбранный глава
Качает новые права.

Что раньше челядью звалось,
Теперь становится командой.
Её вылепливает босс
По принципу обычной банды.
Однако, каждый бандо-член
Лелеет личные заботы:
Что лучше получить взамен
Своей утраченной свободы?
Не вечно же под главным жить,
Тогда как дальше поступить?
Царёк, застыв на этой ноте,
И спит с весами «за» и «против».

С каких сторон ни посмотри,
Тернист и грязен путь в цари.
До трона можно не дойти,
Снесут «друзья» на полпути...
Своим довольствоваться званьем?
Постичь искусство пресмыканья
И притушить свой властный зуд,
А то в команде не поймут:
Так за потуги подсилят,
Что ничему не будешь рад...

Так, может, и не рисковать,
Ведь можно кое-что урвать:
Служа в прицарках иль царьках,

За совесть или же за страх,
Объектик нужный приглядеть,
Его в банкрота приодеть,
Себе недвижимость пригреть...
А там – в арендочку сдавай,
Живи удобно, не скучай,
Создать не поздно личный рай.

А можно дело развернуть,
Чтоб при угрозе вмиг свернуть
И все концы упрятать в воду
От туповатого народа.

Что ж, вариантик очень славный,
Но как же хочется стать ГЛАВНЫМ...
И ощутить все те права,
Которыми силён ГЛАВА...
За них душа стремится в бой,
Рискуя личной головой.

Присяга. Долгожданный трон.
Фанфарный звон со всех сторон.
Во власть шагнули нелегко
Правитель и большое «Ко».
На трон взошёл и можно править,
Да всё равно покоя нет:
Пора в истории оставить
Свой незабвенный яркий след.
Чтоб люди подвиг оценили,
Всю силу власти ощутили,
Незаменимость осознали,
Ещё на срок переизбрали.

Один воздвиг часовню людям,
Рекламным монументом встал,
Сказал: «Хочу, могу и буду!»,
А что он может – не сказал...
И вдаль ушёл...
Второй – политик был не тонкий,
Прораб, без творческих затей.
Он завершил «незавершёнку» –
Театр кукол для детей.

И вдаль ушёл...
Очередной, интеллигентный,
Иначе радует народ.
Создав удобные моменты,
Эстрадным голосом поёт:
«Команда молодости нашей,
Команда, без которой мне не жить!»
Однако звёздному успеху
Всё чаще громко вторит эхо:
«Команда молодости вашей,
Команда, без которой лучше жить!»

Кого снесут и кто придёт,
Неважно, чья звезда взойдёт.
Весь выборный круговорот
Затеян, чтоб узрел народ,
Как новоявленный глава
Качает новые права!

*P. S.
Что ж у народа взгляд печальный?
Он ищет Кодекс социальный,
О коем столько протрещали,
В котором столько обещали,
Да в выборнухе... потеряли
Все обещальные слова.*

*А наша участь такова:
Хоть голосуй – не голосуй,
Ты всё равно получишь... фильм
О том, как новенький глава
Качает новые права.*

КОЛЛЕГАМ ПО ПРЕСС-СЛУЖБЕ АДМИНИСТРАЦИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

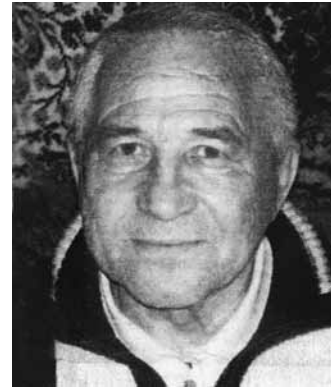
Привет, начальник мой, б/у,
Тебя б давно забыть мне надо,
Но почему-то не могу,
И потому поздравить рада.
Служили вместе лишь годок,

А дальше что-то не дожали,
Иль не лизнули тех, кто... мог,
И оба крепко проиграли.
Структуру эту не понять,
Аршином трезвым не измерить,
Кому, когда и что лизать,
Кому, когда и сколько верить.
Коль нет желания и сил
Заделать собственное лобби,
Не станем зло в себе носить
И обойдёмся верным хобби.
Дерзай, твори, живи, люби –
Такая наша се-ля-ви!

Нас разделили этажи.
Ты вниз ушёл – к народу ближе.
Над нами – власти миражи
И руководства – выше крыши...
В умах и стилях – разнбой,
Один орёт: «Вперёд и с песней!»
Другой командует: «Отбой!» –
И всё не выполнить, хоть тресни.
Твердят: в России две беды –
Сплошь дураки и бездорожье.
О нет, у нас не две беды,
А две огромные напасти.
Одна из них зовётся власть,
Другая же – народ без власти...

Ура... Закончился «похабник»!
И в день двадцатый декабря
Потух ударнейший декадник:
Мы потрудились все не зря.
Итог и весел, и печален:
Глава – без трона, чернь – в кустах...
И гром победы так нахален
У оппонентов на устах.
Примолк в тревоге Толоконский,

Сверкает важностью Иван,
Они, как Пьер и князь Болконский,
Идут на свой дуэль-таран.
А нас червяк сомнения гложет:
Какое меньшее из зол
Со скрипом на свой торс натянет
Сей губернаторский камзол?
Начнутся снова передвижки,
Задвижки, выдвижки, распад.
Кому-то трудовые книжки
Пошлют по почте прямо в ад.
У замов-то тылы надёжны,
Все в олигархи норовят.
У мелюзги судьба тревожней,
Реальный путь – пинок под зад.
Да, невезуха нас достала,
В Сибири козни не новы.
Но знаем мы, провинциалы,
Во всём видна... рука Москвы!!!

Валерий КАРПОВ

Воспоминание очарованного странника

Карпов Валерий Викторович родился 25 марта 1942 года в поселке Пымта Усть-Большерецкого района Камчатской области. В августе 1943 года его мама Е. С. Карпова (Паранкова) переехала с детьми с западного побережья Камчатки в пос. Ключи к отцу и матери. Здесь Валерий рос и учился в СОШ № 4. С 1956 года до призыва в армию работал в Ключевском филиале Института вулканологии Академии наук СССР помощником вулканолога Борисовой Валентины Николаевны, изучал вулканы Ключевской группы. После службы в армии окончил Иркутский политехнический институт по специальности «горный инженер-физик». Работал в каротажной партии Елизовской экспедиции на западном побережье Камчатки, затем переехал в Хабаровск, откуда впоследствии был вызван в Москву в Российское министерство геологии, в спецпартию. Занимался внедрением новейших достижений в практику геологических работ. В 1993 году Карпов оказался на Орловщине. Обосновался под Мценском, в Первом войне. Поёт песни в местном хоре, занимается резьбой по дереву, рисованием, изготавливает музыкальные инструменты.

Судьба не раз толкала Карпова на край, но он выжил. Валерий Викторович падал с вертолета, нырял под лёд, тонул в песке-зыбуне, был засыпан вулканическим пеплом. Обо всём он писал стихами: «рождён был в недрах непогоды питомец северной природы, в краю огнедышащих гор под лаской горячих озёр». О своём таланте Валерий Викторович говорит: «Откуда что взялось, и отчего набрался я писательского пыла? Наверное, от дядьки моего, писателя-фронтовика (Карпова Владимира Васильевича, 1922 г. р.). Наверное, в генах было заложено».

Валерий Викторович Карпов племянник известного писателя-фронтовика Владимира Карпова. Судьба их развела сурово, они так и не познакомились, однако патриотические произведения писателя у поэта-певца всегда под рукой, на главной полке.

Рожден был в недрах непогоды,
В краю туманов и снегов.
Питомец северной природы
И моря яростных валов.

Я был приветствован метелью
И встречен бурною зимой,
И над младенческой постелью
Кружился вихрь снеговой.

Мой первых слух был вой бурана
На диком берегу океана,
И с детства мне пленили взор
Громады белых снежных гор.

Прошла моя юность беспечно
В стране огнедышащих гор.
Хотелось мне жить бесконечно,
Взирая на этот простор.

И в памяти встают картины
Контрастов резких, ярких красок,
Лишь солнце взгреет над долиной,
Черёмух цветом реки опоясав.

В центральном районе Камчатки,
Где жизнь поднималась моя,
Стояли бревенчаты хатки,
Тепло нашей жизни храня.

По крутым берегам реки
Бьют хрустальные родники,
Звонят прозрачные ручьи
В поселке с именем Ключи.

Сюда в родниковую воду, вот прелесть,
Идут косяки лосося на нерест,

И здесь, отметаив икру,
Навечно оставшись, умрут.

И тут из этого семя
Лосося появится новое племя
И, растворившись, как туман,
Отправится вновь в океан.
И такой круговорот
Повторяется каждый год!

И Ключевским был назван
Вулкан, нависший над рекой.
Он жил не жизнью праздной,
Всегда работал, был живой.

И жизнь его была опасна,
Для нас, живущих у реки:
Как взбудоражится негласно,
Так пеплом опалит виски.

Вдруг он разверзнется гремя,
Сверкая молнией, вздымая мрак и пепел,
В ночь превратив десницу дня,
Внушая страх и трепет.

И затрясёт своей подземной силою
Земную твердь, речные берега.
От страха хочется проститься с милою,
Покинуть всё и бросится в бега.

Одна удерживает мысль:
Что некуда бежать и скрыться,
И остается только ждать,
Всевышнему молиться.

Но вот гроза ужасная прошла,
Угроза жизни миновала,
Душа от страха отошла,
И радость жизни вновь заликовала!

И всё ж мы пожили красиво
Меж взрывами этих невзгод:

Рыбачить на реку ходили
Зимой на подледный лов,

С ружьишком бродил по озёрам,
В скородке сидел вечерком,
Радуюсь этим просторам,
И быть их большим знатоком.

Смотрел на вечерние зори
И утра туманный рассвет,
И не было в сердце горя,
И радости большей нет:
Варить на костре лосось с картошкой
И лопать красную икру столовой ложкой.

На крыше дома своего
Любил я время проводить в беспечности,
Размышляя о времени и о вечности,
Не ожидая никого, обозревать окрестности.

Не имея в сердце печали,
Смотреть на заречные дали,
Где за заречной полосой леса,
Лишь сгинет тумана завеса.

Обочь хребта Заречного
Виднеется Кураж-озеро бесконечное.
Там, за рекой, плывя протокою Глухой,
Сквозь заросли черёмухи душистой,
Вплываешь в озеро с прозрачною водой
И далью необъятно чистой.

Как ни прекрасен лик озера в затишье,
А рассказать о нём не лишне:
Что всё ж идёт о нём дурная слава,
Принесшая печальностей немало:

Лишь ветерок поднимается игриво,
Как тут же волны вздыбятся бурливо.
И нет спасенья тем, как ни спешу,
Кому захотелось нарвать черемши.

И те достойны прискорбной грусти,
Кому захотелось заготовить на зиму грузди.
Никого уже не спасешь, не выловишь,
Не извлечешь из пучины темной,
И сгинет душа в неизвестности полной.

И всё же мы часто его посещали,
Плавали в нем и загорали.
По гнездам утиным яйца собирали,
Рыбачили чиручем, ели уху до отвала,
И кара сия нас миновала.

А глянешь с крыши в обратную сторону
На трехглавую гору:
Три вершины откроются взору,
Как три богатыря, стоящие на страже, –
Глобальные вместилища пепла и сажи.

Один из них выше – всех капитан,
Это Ключевской вулкан.
Взирает недремлющим оком,
Окутанный дымом и паром,
Готовый обрушить кару
На тех, кто осужден роком.

В такой зловещей красоте
Я прожил жизнь на высоте.
Хотел я выразить признание,
Что не имею в том разочарованья.

Живя в согласии с природой,
Всегда смирялся там с погодой,
Которую мог видеть по приметам,
Никогда не ошибаясь при этом.

Такая ошибка на грядущую погоду
Могла привести к любому исходу.
Когда мог погибнуть в ту пору,
Поднимаясь на вулкан-гору.

Пытаясь перейти горный поток,
Пересечь сухой реки исток,
Грозный затащить в зыбун-песок.
И не было бы бытия счастья,
Не обойди меня несчастья.

И не было бы этих арий,
Не выживи я из девяти аварий,
Приключившихся со мной
В период жизни кочевой.

Их всех описывать мне больно,
Упомянуть о них довольно:
Как я разбился в вертолёт,
Упавшем в пропасть при облёте;
Как под гору летел на ГТЛе,
Как на уазике в кювет летели;

Как с лошастью тонул в песке зыбучем,
Как взрывом вулкана чуть не накрыло
На одном из островов Курил,
И чуть не погиб отряда народ,
Нырнув с каротажной будкой под лёд.

ВУЛКАН

Штурмует ледниковый конус
Величайшего в мире вулкана
До самой высокой вершины,
Узришь величие его провальной плешины
И безмерную даль Тихого океана.

Вулкан подо мною и кратер внизу,
Злой ветер, гудя, вышибает слезу.
Стою я на грани жизни и смерти,
Уж в этом не вру вам, поверьте.

Внизу подо мною пропасть-пучина,
Прямая дорога в крошечный ад.
По стенам крутым гремит камнепад,
И выдох зловонный с груди исполина.

В пучине той варится мантии каша,
Проникнув из ядра планеты нашей,
Образует магматический исток,
Выливаясь из вулкана, родит лавовый поток.

Чьи души грешников нагадить так могли,
Что так их души сотрясая,
Очистить адским пламенем смогли
Подземных демонов лихие стаи.

Должно безмерно тяжки их грехи,
И чтоб узнать, что ж там на дне
И можно ль вообще там находиться,
Решили мы на дно спуститься.

Преодолеваю страх и безвременье,
Побывать в гостях у Вельзевула,
Провести научны измерения,
Взять пробы из зёва Караула.

Кипит и плавится густая твердь земли,
Зловещее дыханье испуская.
И кажется, в огромную воронку
Зарыт кипящий самовар
И черти гонят самогонку.

Зловонье серы, адский жар,
Витийства газов, едкий пар
И удушающий угар.
Со стен летящий камнепад,
Лавы расплавленный каскад,
Земли kloкочущей нарывы,
Непрекращающиеся взрывы.

И бесконечный фейерверк
Камней расплавленных, летящих вверх.
И это всё в период долгого затишья,
Упомянуть об этом мне не лишне.

Всё это можно лицезреть,
При этом надо уцелеть.
В таком аду я карму испытал,

Очистил ауру и не пропал.
И тем своё бессмертие отметил
И в райских кущах место заприметил.

Но всё ж вторжение в ад
Не обошлось нам без потерь,
Ты мне со скорбием поверь:

Со стен летящий камнепад
Иль лавы взорванный каскад
Выбрал жертвою тотчас,
Пробив и каску, и скафандр,
Единственную женщину из нас,
Избравшую делом жизни всей
Изучение вулканов – о том рассказ,
Себя науке посвятив,
Рискуя жизнью всякий раз.

О том, как мы её вытаскивала из ада,
Как доставляли в филиал,
Как хоронили в лоне сада,
Об этом будет мой финал.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ПОЛЁТ

В тот день ликовала природа,
С утра занялась безоблачная погода.
И яркая солнечная благодать
Сулила ясный день нам дать.

А нам вылетать на съёмку.
И вот, готовясь для взлёта,
Берём приборы на борт вертолёта,
А ящик с НЗ, как назло, отставляем в сторонку.
Не видя со стороны погоды опасности,
Нарушаем технику безопасности.

Взлетаем, летим над долиной на точку работ,
В лёгкой душе ни хлопот, ни забот.
Садимся на высоте, где стоит тригопункт,
Вертолёт через перевал летит на заправочный пункт.

С этим местом я оказался знаком,
Здесь проходил с лошадьми пацаном,
Работал с женщиной по изучению вулкана,
И тут не может быть обмана.

Я повстречался случайно с медведем,
Которого пришлось подстрелить.
Могла ль случайность в этом быть?
Мы назвали эту сопку Медвежкой –
Смотри в оба глаза, не мешкай.

Ждём с вертолёта сигнала о начале работы,
Чтоб записывать приборов показание.
А у природы другие заботы:
Какое придумать нам наказание
За нашу к полёту небрежность
И в сборе ненужной поспешность?

И вот погода так быстро стала меняться,
И вертолёту к нам уже не добраться.
Через закрывшийся туманом перевал
(Будет неясно лишь тем, кто в горах не бывал)
Остались мы с напарником на вершине вдвоём
Наедине с ветром, снегом и дождём.

Без спичек, продуктов и тёплой одежды,
Лишившись радости бытия и надежды.
Про благополучное избавление из мокрого плена,
Не прочтёшь даже у Марка Твена.

Сидим под дождём, дожидаясь с моря погоды,
Прикрывшись случайно прихваченным тентом –
Так старый разведчик ждёт встречи с агентом.
Когда же и кто нас избавит от этой невзгоды?

Моросит дождь вперемишку со снегом,
Туманом окутало сопку, всё слилось с небом.
И как бы ни было обидно,
В десяти шагах ничего не видно.
Вспомнился медведь, которого пришлось пристрелить,
Не его ли душа взялась нам мстить?

Сидим в раздумье, куда нам деться?
Что поест, как обогреться?
И тут на помощь пришло ружьё и острый нож,
С которыми нигде не пропадешь.

Я с ними нигде не расставался,
А тут и коробок в кармане отыскался,
И в нём всего две спички,
А как воспользоваться ими под дождём без привычки?

Вот тут вступает в дело длинный нож,
Стругаю им опору тригопункта – деревянный тринож.
Настругав горку щепок и петушков,
Предприняв пару несложных шагов,
Подсыпав пороху с патрона ружья,
Одну спичку я сжёл не зря:
Загорелся костерок невелик,
Унывать нам не велит.

Со мною неразлучное ружьишко
Позволит нам добыть зайчишку.
А если этому не быть,
Позволит куропатку подстрелить,
Которых водится вокруг немало.
И пара курочек добычей стала.

Куропатка продукт ценнейший для варки,
Но как её есть без отварки или обжарки.
Долго думать не пришлось:
Воспользовались тем, что довелось.

Подвялив курочки кусочки
На тощем костра огонёчке,
Состроив скорбную мину,
Жуём курятину, как жевательную резину.

Вот так курятину мы ели
Почти целую неделю.
Ждали с моря непогоды,
Но не закончились наши невзгоды:

Просвета не произошло
И солнышко не показалось.
Семь суток на дрожжи ушло,
Но этого мало нам оказалось.

Сожгли опору тригопункта,
И больше нечему гореть.
Мы поняли: надо идти к жилому пункту,
Иначе не сможем здесь уцелеть.

Напрягая память, вспомнил,
Где находится ближнее жильё:
В верховьях реки Апахончич оно.

Чтоб эти невзгоды закончить,
Решили идти в верховье реки Апахончич,
Где находится сейсмической станции дом,
С людьми и рацией в нём.
Это место я запомнил с давних времён.

И вот, спрятав надёжно
С последней спичкой патрон,
Мы покидаем этот мокрый затон.

Продираясь сквозь заросли высокой травы,
Идём увалами вдоль склонов горы.
Идём оврагами, падая, поднимаясь,
То взбираясь на гребень, то опускаясь.

Нас мочит вода и сверху и снизу,
Как будто бредём по воде,
А не идём по карнизу.
И нет на нас сухой нитки нигде.

Через каждые двадцать метров садимся
И воду с сапог выливаем.
И всё же мы не сдадимся
И чашу сию выпиваем.

Наша цель достичь сухого леса,
Опалённого во время изверженья.
Там сгинет тумана завеса
И от судьбы получим снисхождение.

Разведём костёр могучий,
От него тепло получим.
Сможем полностью раздеться,
Обсушиться, обогреться.

Выроем в обрыве нишу,
Разведём костёр у входа.
Сможем сон принять, как пищу,
Пусть беснует непогода.
Отоспимся до утра,
Поутру в поход пора.

Всё так и было, только сей раз,
Чтоб осталось от нас,
Если б пропала последняя спичка
Или костёр бы погас.

Сделав ночью передышку,
Дальше скачем мы вприпрыжку.
Нет ни травки, ни канавки –
Мёртвого поля каток
Покрыв пирокластический поток.

Перед нами ландшафт лунный
И несползающая тумана пелена.
Нет растительности буйной,
Мёртвая гладь и тишина.

Куда шагать, не знаем,
Но где-то в подсознание компас есть.
Ведь вышли ж мы на сухой лес,
И дальше подчиняемся ему,
Не сбиться б с этой стрелки самому.

Держим путь на речку Безымянную,
И надо переправиться через неё окаянную.
Она прорыла двухсотметровое русло,
И переправиться через неё – большое искусство.

Спуститься и подняться
По её высоким, отвесным берегам
Удастся или не удастся нам?
И всё же, рискуя, не будем бояться,
И тогда переправа удастся,
Потом ориентир – Карпинского лавовый поток.

Пересечь его, а там как стать,
До домика рукой подать.

И всё нам это удаётся,
А там и домик попадётся.

За лавой речка Апахончич,
И мы спешим маршрут закончить.
Перебравшись через поток,
Увидели реки исток.

За рекой, как должно статься,
Приютился домик сейсмостанции.
Добрались до домика кстати,
Застали народу полны палаты.

Встретили нас отменно,
Угостили пельменями с водкой,
Заботливо уложили в кровати.
Наутро здоровье в порядке,
И мы готовы к зарядке.
И даже ничуть не заболели,
О том, что случилось, уже не жалели.

Пришла с Ключей за нами машина,
Чтоб доставить нас на базу.
Но тут опять появилась причина,
Добрались до базы опять не сразу:

По дороге в разлившейся сухой речке
Машину песком замыло
И чуть совсем не утопило.
И нас опять спасал военный вертолёт.
Вот так закончился печальный тот полёт.

ВЕЧНА

Майский ландыш у нас не цветёт,
И грозы не слышать нам в мае.
Но и к нам на Камчатку идёт
Та пора, что весной называют.

Ты узнаешь её по дождю,
Что тихонько прошлёпал по крыше,

И по первому солнца лучу
В небе ставшем прозрачней и выше.

Ты узнаешь её по разливу реки,
Что бежит, берега затопляя.
По тому, как бегут ручейки,
Постепенно Ключи заполняя.

В каждой яме лесной
Накопляется талая лужа.
Мы в этих ямах купались весной –
Не страшна нам камчатская стужа.

Искупавшись в яме со льдом,
Для сугрева костёр разводили.
Обогрвшись над пламенем том,
Удовольствие это любили.

Так, сливаясь с природой,
Ею страстно восхищались.
Дружили мы с любой непогодой,
Вовек с Камчаткой б не расстались.

Но век наш тяжких перемен
И катаклизмами наполнен.
Ничто не вечно без измен,
И мы должны об этом помнить!

Валентина СОБОЛЕВСКАЯ

Голос сердца

Соболевская Валентина Семёновна родилась 12 марта 1931 года в деревне Топол Красноярского края. В 1954 году окончила Томский политехнический институт по специальности «Обогащение полезных ископаемых». В институте познакомилась со своим будущим мужем Соболевским Анатолием Николаевичем. В 1957 году вместе с детьми и супругом приехала в пос. Ключи, к родителям мужа, где и прожила более сорока лет. Долгое время трудилась инженером в Ключевском деревообрабатывающем комбинате (ЛПХ), позже работала в Комбинате бытового обслуживания (КБО), откуда и ушла на пенсию. С 2001 года живёт в г. Бийске Алтайского края.

Писать стихи Валентина Семёновна начала ещё в юном возрасте. Её произведения украшали как школьные стенгазеты, так и стенгазеты института. Но о своём пристрастии к стихотворчеству она не рассказывала даже близким, так как считала поэзию всего лишь увлечением, да и не ценилось это в те времена, в отличие от ударного труда. Намного позже, уже выйдя на пенсию, Валентина Семёновна заявила о себе как о поэтессе. К каждому празднику она читала свои стихотворения на вечерах-встречах пенсионеров, в клубе «Сударушка», заседания которого проходили в Ключевской библиотеке. Уезжая на материк, она подарила библиотеке сборник своих произведений – самодельную переплетённую книжечку. Здесь и лирика, и песни, и частушки на злободневные темы, и стихи для детей. Валентина Семёновна, несомненно, человек одарённый – писала камчатские пейзажи акварелью. О своих способностях она говорила: «...видимо, от Бога, руки сами творят все эти строки и картины...» И по сей день эта удивительная и талантливая женщина пишет стихотворения, читает их на мероприятиях и праздниках, за что не раз награждалась грамотами и дипломами.

ОТКУДА Я БЕРУ СТИХИ

Если спросят, как стихи пишу,
Без секретов вам я расскажу:
Встану рано утром на заре,
Подниму словечко во дворе.

Здесь моя методика проста:
Два словечка я возьму с куста,
 Попрошу три слова у луны,
Когда с нею мы совсем одни.

Строчку мне подскажет тишина,
Это тоже, когда я одна.
Мне река поведает о лете,
Когда встречу с нею на рассвете,

И поплачет о своей беде
Чайка, что присела на воде...
Ну, а говорливая синица
Мне подскажет сразу полстраницы.

И вот так из общего творенья
Получается стихотворение.
Ну а если честно, на серьёзе,
То пишу я, когда Бог поможет.

МОЯ КАМЧАТКА

Есть Ключи на Камчатке, городок небольшой,
Но к нему я навечно прикипела душой.
Неказистый он с виду, похвалить не могу,
Уж меня вы простите за оценку такую.

Здесь не ровны дороги и не новы дома,
Здесь сурова природа и долга зима.
Но за многие годы я нашла здесь друзей,
Мои корни остались на Камчатке моей.

Здесь рождается утро раньше всех по стране,
Дремлет сонный Шивелуч на той стороне,

И дымит перед окнами вулкан Ключевской,
А утрами холодными тишина и покой.

Где шиповник колючий прицепился к скале,
Пробивается ключик и роса на траве,
Солнце жемчугом крупным расцветит росу...
Где ещё ты увидишь такую красу!

Куст рябины осенним багрянцем горит,
Воду в озере ветер проворный рябит,
Рыба плещется в этой прозрачной воде...
Ты простора такого не увидишь нигде!

МАЛАЯ РОДИНА

Где-то у края России, далёко,
Не дозовёшься, хоть криком кричи,
Спит у подножия сопки высокой
Наш городок под названием Ключи.

Пришлые люди твердят: «Он уродина,
Богом забытый, брошенный край».
Но для меня он малая Родина,
Тихая пристань, хоть и не рай.

В этом посёлке мы мирно трудились,
Прожито много памятных дней.
Здесь наши дети родились, учились...
Нет уголка мне ближе, родней!

Даже когда уезжала я в отпуск,
То вдалеке вспоминала с тоской,
Что на Камчатке милей даже воздух,
Пусть холоднее, но наш, Ключевской!

МИНУТЫ ГРУСТИ

Вот ещё один год провожаем,
Сердце устало стучит.
Грустно от мысли, что вместе с нами
Старятся наши Ключи...

Годы проходят, и даже не верится,
Так они быстро бегут!
Наши года замечает метелица,
Внуки уж в школу идут...

Стали деревьями прутики тонкие,
Листья шумят на ветру.
Плачет кукушка весною, да во поле
Росы ложатся к утру.

Только кукушка, не зная усталости,
Так же считает года,
Скрасить же годы эти на старости
Дети не едут сюда....

Все разлетелись, как это случается,
Дети с родного гнезда,
Только Ключи неизменно останутся
В сердце у них навсегда.

Струны звучат и печально и робко,
Что ж, посидим, помолчим...
Спит городок у подножия сопки
С милым названьем Ключи!

БАБЬЕ ЛЕТО НА КАМЧАТКЕ

Разгулялась бабьим летом
Сопок броская краса,
Засветились ярким светом
Все окрестные леса!

Тихим утром запах пряный
Зазывает и пьянит,
И рябины куст багряный
Сладкой ягодой манит.

Жёлтым золотом берёзки
Засыпают озёрки,
И ольховые серёжки
Нависают у реки.

А на речку утром рано,
Прогоняя ночи тень,
Опускаются туманы,
Обещая ясный день.

Заплескалась рыба в речке,
По воде идут круги,
Камышей прямые свечки
Колыхнулись у реки.

Медведица тёмной глыбой
Утром на берег идёт
Поживиться свежей рыбой,
Медвежат с собой ведёт.

И курлыкая тоскливо,
Лебединый белый клин
Проплывёт неторопливо
Над верхушками осин.

Табуняются уток стаи,
Приближается отлёт,
Голубеют неба дали,
Осень сопками бредёт.

Звёзды ярче, небо чище,
Звуки слышны далеко,
Распрощаться с нашим летом
Будет очень нелегко.

Сопки ярким разноцветьем
Нам запомнятся с тобой,
Вспоминать их будем долго
Мы камчатскою зимой.

ОСЕНЬ

Куст рябины пламенеет
За моим окном,
Огороды опустели,
Утепляю дом.

Скоро белым покрывалом
Скроют всё снега,
Над камчатским лесом
Загудит пурга.

Лишь рябина, как подружка,
Стоя у окна,
Тихо шепчет мне на ушко,
Что придёт весна.

Оживится вся природа,
Птицы запоют,
И встречать мы снова будем
Новую весну.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Запуржило вновь под вечер
Да утихло на заре.
Снова белым покрывалом
Всё покрыто во дворе.

Приумолкла, приутихла
Шаловливая река,
Где-то спрятался зайчишка
В мёрзлых ветках тальника.

И о чём-то на опушке
Ель с берёзкой говорит,
Да к рябине на макушку
Вновь вернулись снегири.

Ветерок к утру усталый
Притаился, как во сне,
Лишь вороны чёрной стаей
Возвещают о весне.

УРОКИ ЖИЗНИ

Внучке

В жизни всё сплошные перемены
И в судьбе, и в жизни, и в стране...
Встретишься с любовью и изменой,
Сомневаясь в людях и в себе.

Не всегда пройдёшь по жизни гладко,
Привыкай, родная, ко всему...
Будут и палаты, и палатки,
Не всегда осмыслишь, почему.

Встретиться с друзьями и проститься
За года придётся и не раз,
Важно устоять, не оступиться,
В мир глядеть, не опуская глаз.

И за все ошибки и проступки
Отвечать всегда учись сама,
И, как необдуманной покупки,
Опасайся лени у ума!

И в мороз услышать звон капли
Лишь бы научилась ты сама.
Даже если за окном метели,
Надо, чтоб в душе весна была!

В ЧЁМ СЧАСТЬЕ?

Внучке

Жизнь, как тельняшка, полосой идёт:
Хорошее с плохим попеременно.
И если вдруг сейчас не повезёт,
То вскоре радость будет непременно!

Ты радость эту с ближним подели,
Прикрой от непогоды и ненастья,

И лишь тогда от жизни счастья жди:
Ведь счастье, это значит – соучастье.

И если вдруг пока не повезло,
Ты всё равно на лучшее надейся
И улыбайся, но не всем на зло,
А по веленью собственного сердца!

КО ДНЮ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Как много разных праздников в России,
Хоть жизнь сама – не праздники у нас.
И если б у меня сейчас спросили,
Какой из них мы празднуем сейчас?

Отвечу я: какой-то вновь проказник,
Имея кучу в голове затей,
Для нас придумал самый грустный праздник,
Назвав его, День пожилых людей.

Но нам не надо грусти предаваться,
Ведь знаем мы, что долго проживёт,
Кто в жизни не разучится смеяться,
Кто принимает шутку, анекдот...

Пусть все твердят, что старость нам не в радость,
Но всё зависит, как принять её:
По мне, тот счастлив, кто дожил до старости,
И жалко, кто не дожил до неё.

Раньше члены Партбюро
На портретах были в зале,
А теперь портреты Думцев
Мы на водке увидали.

Там Брынцалов, Жириновский
Прославляют нынче водку,
И «Столичной», и «Московской»
Заливайте, люди, глотку!

Эх, спивайся, пей, Россия,
Что тебе ещё осталось!
Наша слабость – ваша сила
Все доходы вам достались!

Что творится в мире, братцы,
Снова праздник примиренья.
Не пора ль за ум нам браться
Просто в виде исключения!

НА ЗЛОБУ ДНЯ

Что-то не пишется, хоть и плачется,
Где же моё вдохновение прячется?
Мрачно в душе и на сердце тревога,
В жизни веселья осталось немного:

Всюду развал, пустота, неуют,
Люди, как сонные мухи, живут,
Не дозовешься, хоть криком кричи!
Что же совсем умирают Ключи?

Люди, ведь вы же не на погосте,
Пьёте, едите, ходите в гости
Да непомерные цены клянёте,
И в повседневных заботах живёте...

Вот только даже становится жутко:
Смех исчезает из жизни и шутка,
Всё «на серьёзе», а я бы хотела
Юмором, шуткой отвлечь вас от дела.

Так что решитесь напрячь свои ушки
И вместе с нами послушать частушки:

Если спросите меня,
Где беру частушки? –
Я их ночью вынимаю
Из своей подушки.

Мил хотел сменить зазнобу,
Да упился наповал:

В ночь камчатскую берёзу
Вместо милки обнимал.

Коммерсант материковский
За икрою приезжал,
Как Шивелуч задымился,
Без оглядки убежал.

Наши парни ключевские
Славно закаляются:
Ночью пьяные в снегу
Пачками валяются.

По Ключам у нас пройдёшь –
Грязи по колено,
Убедить поменьше пить –
Надо брать полено.

По Ключам у нас нередко
Вечерами тушат свет,
В темноте обнял соседку,
Восемь бед – один ответ.

Если вновь не будет света
С этой осени у нас,
Мэру города поставим
Мы фонарь под правый глаз.

Двадцать первый век настал,
Будет всё по-новому,
Даже по снегу ходить
Можно будет голыми.

Как Рыбкоп возил нам шмутки –
По колено были юбки,
Теперь нет у нас Рыбкопа,
Ходят девки с голой попой.

Колбасы купить не можем,
Мы же не в Италии:
Ведь умеренность в еде
Сохраняет талию.

Не горюйте, дорогие,
Пусть пока не повезло,
Есть капуста и картошка,
Будем веселы назло.

Если холодно в квартире,
Мы не огорчаемся:
На морозе старики
Лучше сохраняются.

Нам построили больницу,
Её ждали много лет,
Всем больница хороша,
Только пользы ни шиша.

Двухэтажная больница
Хороша на все Ключи,
Только уши, зубы, горло
Едем в Питере лечить.

Раньше как бы ни лечили,
Но врачи в больнице были,
А теперь по всем Ключам
На больницу три врача.

Коль очки не подобрали,
Ты живи, подружка, так,
Чтоб глаза не увидали,
Что творится здесь бардак.

Как Ключи посёлком были,
Мусор в свалки вывозили,
Когда городом назвали,
Всё Ключи помойкой стали.

ЖКО при ДОКе было,
По отмокам мы ходили.
Коммунхоз теперь зачах,
Тротуаров нет в Ключах.

На полях вокруг села
Росла капуста и свекла,

А теперь, где был совхоз,
На полях лишь хрен попрос.

Да, велись у нас в посёлке
И коровы, куры, тёлки,
А теперь ввозить мы рады
Молоко из Волгограда.

Мне сказали в исполкоме:
«Ты, старуха, не чуди!
Сочинять кончай частушки,
А то дровец не дадим».

Может лишнего немного
В сочинительстве моём,
Не судите меня строго:
Мы живём, пока поём!

ДУША БОЛИТ

(отрывок из стихотворения)

Почему одним дано сверх меры,
А другим и трети не дано?
У кого-то как канаты нервы,
Кто-то поистратил их давно...

Вот пьянчуга в водочном угаре
С топором гонялся за женой,
И она от страшного удара
Поступила с травмой головной.

На ногах всю ночь врачи и сёстры:
Кровь вливают, борются за жизнь,
А по мне, так было б много проще,
Того пьянчужку раньше посадить.

Или крошка-девочка в больнице,
Неокрепший, слабенький росток...
Даже по ночам мне часто снится

Слабенький, печальный голосок:

«Мама! Мама!» – тётеньку чужую
Голосочком слабеньким зовёт.
Где же мама? А очередную
С собутыльником бутылку пьёт!

При живых родителях в детдоме
Зачастую малыши живут,
Кормят, поят, лечат их в больницах,
А родившие их водку пьют!

Им хоть говори, хоть возмущайся,
От бутылки их не оторвать!
Хочется в бессилье разрыдаться
Или очень громко закричать:

«Граждане, одумайтесь, поймите,
Жизнь не только водочный угар!
Вы здоровье хоть поберегите,
Это самый лучший в жизни дар!

Есть и кроме пьянки интересы,
Жизнь ведь это не бесцельный пир!
Не давайте повода для стрессов,
Посмотрите, как прекрасен мир!

Вон снегирь на веточке качается,
Сопки пробуждаются от сна.
Жизнь в природе снова продолжается,
А у нас она всего одна!»

РАЗДУМЬЯ

Вот уже покоя сердце просит,
Жизнь прошла и сколько не крепись,
На пороге вечной жизни спросят,
Как ты прожила земную жизнь?

Если сердце посетит тревога,
Если грудь наполнена тоской,

Помолись, от сна восставши, Богу,
Он поможет обрести покой.

Если в правоте сомненье гложет,
Осуждать другого не спеши,
Помолись! Господь тебе поможет,
Снимет тяжесть он с твоей души.

Не гневи Всевышнего напрасно,
Боль перетерпи, не спорь с судьбой.
Жизнь ведь коротка и так прекрасна,
Всех когда-то вечный ждёт покой.

Одному лишь Богу всё известно:
Кому – рай, кому-то быть в аду,
И когда придём мы к жизни вечной,
Всем нам по деяньям воздадут...

Вера УНДОЛЬСКАЯ

Моя галактика

Ундольская (Охрименко) Вера Фёдоровна родилась 8 июня 1950 года в поселке Ключи. В 1967 году окончила Ключевскую среднюю школу № 4. С 1968 года живёт в Хабаровске. По профессии – инженер по судовым машинам. Много лет проработала в Хабаровском судостроительном заводе.

О себе и своём творчестве она пишет: «Писать стихотворения начала ещё в школе, в старших классах. По жизни я – оптимист, и мои стихи помогают мне в жизни. Из всего написанного я не делаю секрета, читаю стихи своим друзьям, а также на концертах и фестивалях. Неоднократно награждалась грамотами и дипломами».

В 2007 году Вера Ундольская приезжала в Ключи на встречу выпускников. На память о своей поездке она оставила несколько стихотворений, в которых чувствуется её привязанность к нашему посёлку, к своей малой Родине. Вера Фёдоровна автор поэтического сборника «Моя галактика» (2011). Кроме написания стихов, увлекается пением и декоративно-прикладным творчеством.

Я ДАВНО ПРОЖИВАЮ В ГОРОДЕ

Я давно проживаю в городе,
Тридцать лет и ещё с лихвой.
Но в иные минуты уныния
Я «лечу» в деревянный покой.

На минуту глаза закрою,
Вижу речку свою и вулкан,
Он, конечно, клубится дымками
И стоит, как седой великан.

Край Камчатский, люблю тебя вечно,
Той любовью, зовущейся «юность».
Когда в городе грустно бывает,
Я хочу в свою юность вернуться.

Сколько б лет не легло за плечами,
Но мне видится вновь и вновь:
Школа, класс мой, рюкзак за плечами
И туман над камчатской рекой...

Снова вижу свои походы,
Как сидим мы вокруг костра,
Поём песни, печём картошку,
Беззаботная детвора.

Кто-то удочкой рыбу ловит,
Кто рябиной набил рюкзак.
Ну, а кто-то орёт обалденно,
Отыскавши на пне опять.

Счастье юности вновь пережито,
И наполнилось радостью сердце.
Книга жизни ещё не закрыта,
Вновь готов колесить по свету.

Ну, а если опять унынье
Вдруг нахлынет на сердце тоской,
На минуту глаза закрою,
Унесясь в деревенский покой.

И опять вновь увижу вулканы,
Накшу, речку, кедрач и хребет.
Очень счастлива я, что со мною
Моя юность по жизни идёт.

ИДУ ПО УЛИЦЕ РОДНОЙ

Иду по улице родной
И не могу не удивляться:
Она была такой прямой,
С чего же стала вдруг кривляться?

Где магазин наш «Интеграл»?
Такой весёленький, зелёный.
Ужель кому-то помешал?
Жаль, нет его и берег голый.

По обе стороны дома
Стояли строгими рядами,
Иных уж нет, а те, что есть,
Глядят печальными окнами.

А вот и домик мой родной
С высоким и резным крылечком,
Стоит себе на бугорке
И смотрит весело на речку.

Вот здесь играли мы в лапту,
И в клеек, в прятки-обознатки,
И грызли вечером морковь,
Стащив её с соседской грядки.

И дядя Кеша, добрячок,
Нам привозил кедровых шишек.
Да разве я могу забыть
Своих девчонок и мальчишек!

Какими дружными мы были,
Не знали ссор, не знали драк.
Мальчишки рыцарями слыли,
Был каждый для меня как брат!

Воспоминанья будят сердце.
Иду по улице родной!
Ужели вдаль умчалось детство
Нет!.. Оно рядышком со мной!..

КОПАЕМ У МИРОНЕНКО КАРТОШКУ

Я прилетела отдыхать,
Но не тут-то было.
У Мироненко весь день
Я картошку рыла.

С неба солнце улыбалось,
Красотой манил Хребет.
Я картошку так... копала,
Было мне не до красот.

Я, конечно же, лукавлю,
Детство вспомнила своё.
С удовольствием копаю
И на сердце радостно.

Я с куста малину ела
И от красоты балдела.
Так природа хороша,
Что поёт моя душа!

ДОЛИНА ГЕЙЗЕРОВ

Летим на вертолёте, уж полчаса в полёте,
И на душе так весело, летим в Долину гейзеров.
Вот нам открылся чудный мир,
Фонтанами он весь парил.
Вон тот большой, а этот мал,
А этот грязью всех обдал.
А вот, смотри, пыхтит, как дед,
И в пар он круглый год одет.
Идём по тропке осторожно,
Кругом парит, обжечься можно.
Всё так чудно, пыхтит, клокочет,
Как будто дьявол сам хохочет.
И страшно нам и хорошо,
Здесь от земли идёт тепло.
Табличка: «Стой, не подходи!»
Ну что ждёт нас впереди?
Фонтан здесь грозный, по часам
Он бьёт водою в небеса.
Он так горяч и так могуч,

Рождает много брызг и туч.
Дрожит земля, грохочет, дышит,
И гул глухой здесь всякий слышит.
Красиво, страшно и опасно.
И всё ж, Земля, ты так прекрасна!
Я так горда, что здесь живу.
Камчатка, я тебя люблю!

ПОСВЯЩЕНИЕ ШКОЛЕ

55-летию Ключевской школы посвящается

Я стою перед Вами, волнуясь,
И мой голос немного дрожит.
Юбилей мы сейчас отмечаем,
Мы поздравить всех Вас собрались.

Но давайте вернёмся к истокам:
Был осенний и солнечный день,
Когда школа открыла нам двери
И звонок первый раз прозвенел.

Сколько радостных было открытий,
Когда первую книжку прочёл.
Помню я тебя, первый учитель,
Хоть лежит много лет за плечом.

Эти стены расскажут о многом:
О горячей и первой любви.
А в какие ходили походы!
А свои вечера – помнишь ты?

Да, случалось и кол заработать,
А бывало – диплом заслужить.
Нам казалось, что времени хватит,
И пытались мы жизнь торопить.

Да! И времечко было другое.
Помнишь первый свой ситцевый бал?
А теперь и одежда другая,
У детишек другой идеал.

2007

ПРОЩАНИЕ С КЛЮЧАМИ

Ну, всё...
Я завтра уезжаю.
Вновь собираю чемодан
И лайнер серебристой птицей
Умчит меня за океан.

Но сердце... Сердце – остаётся!
С тобою, Родина моя.
С тобою, сопка Ключевская,
И с Вами, милые друзья!

Мой Отчий край!
Земля Камчатка!
Тобою я всегда живу.
К тебе я в мыслях возвращаюсь
И без тебя всегда грущу.

Мне мой посёлок будет сниться
И память беречь мою.
Пришло вновь время разлучиться,
Быть может, вновь не прилечу.

И сердце сжалось почему-то,
Смотрю сквозь слёзы на хребет.
И не могу себе представить,
Что жизнь моя без вас пойдёт.

Без Вас, моя лихая юность.
Без Верок, Любок и Тamar,
Без Сашей, Толиков и Гошек...
НЕТ...
НЕ МОГУ...
БЕЗ ВАС – КОШМАР!

Вы в моём сердце остаётесь,
Всех Вас люблю. Вы жизнь моя!
Давайте выпьем за друг друга
И расцелуемся, друзья!

СТОЮ НА ВЗЛЁТНОЙ ПОЛОСЕ

Затих турбин гудящих вой,
Стою на взлётной полосе,
А надо мною в синеве
Стоит вулкан, как лунь седой.

И не могу я удержать
В глазах предательские слёзы.
Хочу я землю целовать,
Но чувств моих вы не поймёте.

Я так скучала по тебе,
Земля безоблачного детства,
И в снах бежала я к реке,
Чтоб красотою насмотреться.

Испить водицы ключевой,
Хребтом за речкой любоваться,
А он стоял, как часовой,
И мне, наверно, улыбался.

Но я тогда не понимала,
Какой богатою была:
Вулкан наш – сопка Ключевская
В окно смотрела мне с утра.

Стою... И гулко бьётся сердце...
И тушь растаяла от слёз.
Народ, наверно, удивлялся:
«Да разве этих баб поймёшь?..»

ГОВОРЯТ, ДОЖДЛИВО СТАЛО

Говорят, дождливо стало,
На дорогах лужи, грязь.
Я же в лужах вижу звёзды.
Дождик с неба, благодать.

Дождь шагает потихоньку
По бульварам и домам,

По скамейкам, по асфальту:
«Кап, кап, кап» – и тут и там.

Я, как маленький ребёнок,
Радуюсь всегда дождю.
И, как «хрюша-поросёнок»,
В лужах ноги полощу.

Босиком несусь по лужам
И – по грязи, напрямки.
Ах, как жалко, что я взрослый,
Мне ведь с детством по пути.

СОЛНЦЕ ЖАРИТ, БЫТЬ ПОГОДЕ

Солнце жарит, быть погоде.
Я копаюсь в огороде.
Милый сделал мне парник,
А себе воздвиг турник.

Я копаюсь в парнике,
Он висит на турнике.
Я с мотыгой на грядке,
Ну а он опять вприсядку.

То присядет, то подскочит,
В огород идти не хочет.
То бежит на свой футбол,
Я же в грядки, на пропол.

Я тружусь всегда до пота.
У него опять – охота.
Стал патроны заряжать,
Чтобы дичи пострелять.

У меня опять пора
Вынести мусор со двора,
А ему в «Вишневу» балку
Нужно ехать на рыбалку.

Обещал он мне давно
Пригласить меня в кино.

Только этим обещаньям
Я не верю всё равно.

РАЗБРОСАЛА НОЧЬ-ПРОКАЗНИЦА

Разбросала ночь-проказница
Звёзды по небу свои,
Ветер тёплый с ними шепчется,
Всё, наверно, о любви.

Я смотрю, и всё мне кажется,
Что до звёзд я дотянусь
И на плечи нежно ляжет мне
Легким шарфом Млечный путь!

МОЯ ГАЛАКТИКА

Окончен день,
Стихает буйный ветер,
Солнце прячет лик за горизонт.
Наступает тёплый летний вечер,
И на небе мириады звёзд.

Может, на какой другой планете
Кто-нибудь, как я сейчас, не спит
И, подняв лицо блаженно к небу,
На мою галактику глядит.

Среди этой звёздной круговерти
Каждый дышит воздухом своим,
Но, наверно, в чём-то мы похожи,
Если в небо звёздное глядим.

ПОЧЕМУ Я БОЛЬШЕ ЗАМЕЧАЮ ОСЕНЬ?

Почему я больше замечаю осень,
А не зиму, лето иль весну?
Может, потому, что одиноко
Я по золотой листве иду.

Сын женился, подрастает внучка,
Есть невестка, есть мои друзья.
Только почему-то одиноко
Мне бывает очень без тебя.

Где ты, половинка моя, бродишь,
За какую скрыта ты горой?
И тебе, я знаю, одиноко.
Нам никак не встретиться с тобой.

Вот сейчас дойду до поворота,
За которым встретишься мне ты.
Вот и поворот, но никого там,
И не слышно шороха листвы.

Значит, ты идешь другой дорогой.
Где ты, счастье, отзовись? Ау-у-у...
Грустно без тебя и одиноко.
Я по золотой листве иду.

ЛЮБОВЬ ПО-РАЗНОМУ ПРИХОДИТ

Любовь по-разному приходит.
К кому-то сразу и всерьёз,
А кто-то долго не находит
И ждёт её из дальних грёз.

Одна любовь бывает светлой,
Как будто зорька поутру,
Другая тягостной и блеклой,
И вызывающей слезу.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Вот мой альбом,
В нём много фотографий,
Но этот снимок
Самый дорогой.

На нём мой класс,
Прощаемся со школой.

Мы юные ещё
На нём с тобой.

Пройдут года,
И юность канет в лета,
И наши внуки
Встретят свой рассвет.

Взрослеем мы,
И фотографии желтеют,
Но для меня дороже этой,
Нет.

О, КАК ЛЮБЛЮ Я ЭТОТ СНЕГ

О, как люблю я этот снег,
Пушистый, ласковый и белый,
Летающий с высоты небес,
Как поцелуй любви несмелый.

Ни вихри ветра, ни пурга
К нему ещё не прикасались,
Снежинки, с высоты летя,
Кружась, в сугробы превращались.

И от звенящей тишины,
От чистоты такого снега
Глаз невозможно оторвать,
Как чувств блаженства не отведасть.

Я наслаждаюсь красотой
И чистотой летящих хлопьев,
И, как Снегурочка зимой,
Любуюсь красотой угодий.

Кругом бело, лишь снег и я.
Я улыбаюсь, снегу рада,
Краса заснеженной земли
Сегодня мне одной в награду.

ПАДАЕТ СНЕГ

Падает снег потихоньку,
В поле ложится порошей.
И от снежинок круженья,
Радостный день и хороший.

Как покрывалом кисейным,
Лес весь покрытый и речка.
И закружило метелью
Нежное девичье сердце.

Радуюсь я и пугаюсь
Чистому снежному дню.
Счастья я жду и мечтаю,
И в ожиданье грущу.

Падает снег на ладони,
В воздухе тихо кружится.
Знаю, летит издалёка
Счастье ко мне белой птицей.

НА ВЕТВЯХ ДЕРЕВЬЕВ

На ветвях деревьев
Снег лежит пушистый,
И в его сугробах
Копошатся птицы.

Тихо и прекрасно
В этом снежном мире.
На востоке солнца
Круг алеет шире.

Лишь вчера позёмка,
И метель кружила,
Снег в лицо швыряла,
Ликовала в силе.

Замела дороги,
Намела сугробы,

Не пускает весну
К людям на пороги.

Календарь упрямо
Нам весну пророчит,
А зима упорно
Уходить не хочет...

ПОЧТИ КАК У Л. РУБАЛЬСКОЙ

Если б я была высокой
Да к тому же и худа,
Я смогла бы быть моделью,
Невзирая на года.

Ну а коль я не высока
Да к тому же не худа,
Я могу кого угодно
Осчастливить на года.

Я ДЛЯ ТЕБЯ ВСЁ СДЕЛАЮ

Метёт порошей белою
Проказница-зима.
Девчонкой неумелою
Я в дом к тебе пришла.

И милой неумехою
Меня ты нежно звал,
Заботою и ласкою
От бед всех прикрывал.

И с шуткой, ненавязчиво,
Во всё мне помогал,
И наших малых детушек
Ты по ночам качал.

Уже мы дед и бабушка,
И головы седы,
Меня зовешь ты Ладушкой,
И в доме нет беды.

И пусть порошей белою
Стучит зима в наш дом,
Я для тебя всё сделаю,
В тебе моя любовь.

КАК МНОГО В НАШЕЙ ЖИЗНИ СУЕТЫ

Как много в нашей жизни суеты,
Мы многое в себе не замечаем,
Нам хочется любви и теплоты,
А сами-то мы многим это дарим?..

Как много в нашей жизни суеты,
И денег мы хотим сейчас и много,
А что же в жизни сделать мы смогли,
Дойдя с тобой до этого порога?

Как много в нашей жизни суеты,
И зависть наше сердце гложет,
И сплетничаем мы с тобой «увы»,
Но вечно продолжаться так не может.

Как много в нашей жизни суеты,
И мы бежим, бежим с тобой по кругу,
Злясь и завидуя, ругаясь и хрипя,
Нисколько не сочувствуя друг другу.

Как много в нашей жизни суеты,
А, может быть, остановиться нужно,
Окинуть взглядом близких и себя,
Уметь прощать, жить весело и дружно.

Валерий МАЛИНОВСКИЙ

Миг не прозевай

Малиновский Валерий Мечиславович родился 4 декабря 1951 года в посёлке Ключи Усть-Камчатского района Камчатской области. Родители: Малиновский Мечислав Степанович, Малиновская (Малеева) Варвара Игнатьевна. В Ключи приехали в 1950 году по вербовке из Украины с полуторагодовой дочерью Ольгой. В 1954-м родился третий ребёнок – Анатолий.

«Семья проживала в построенном родителями доме на улице Кирова, 165. В первое время отец работал в леспромхозе, в конце 1950-х – директором универмага. Мама была домохозяйкой. Оля в Ключах окончила начальную школу, я – первый класс в 1960-м. Школа находилась в конце улицы Кирова. Фамилию первой учительницы не помню. Уехали из Ключей в июле 1960 года.

Ровно через 50 лет, летом 2010-го, я побывал на своей родине. По семи тополям, посаженным отцом и сохранившимся, нашёл место, где мы жили. От домика остались лишь стены. Зашёл к соседям Дерендяевым, долго разговаривали и смотрели фотографии со Светланой. Недельку жил на вулканостанции, где бывал и в детстве, отец дружил с Б. Пийпом. Нашёл место за посёлком, где били ключи (теперь заросли) и где ловили с Колькой Дерендяевым, другом детства, гольцов и маленькую рыбку, которую называли икинкой. Сходил в Листвяги, где отец охотился на глухарей и брал меня с собой: ели шикшу, жгли костёр. Теперь это совсем другой, полупустой лес. Путешествие совершил от Петропавловска до Усть-Камчатска. Примерно половину пути – пешком, с рюкзаком и палаткой. Побывал в Мильково, Кирганике, Атласово, Козыревске, Эссо, Малках, Елизово. Посетил музеи, библиотеки, архивы, встречался с писателями (Радмир Коренев помог собраться в путь, дал мно-

го полезных советов), много общался с простыми людьми. При поддержке Общества изучения Амурского края, Приморского объединённого государственного музея им. В. К. Арсеньева, Приморской краевой публичной библиотеки им. А. М. Горького интересовался поездками В. К. Арсеньева по Камчатке, в том числе посещением Ключей. В жизни совершенно неосознанно я прошёл по многим следам Арсеньева, а когда узнал об этом, его жизненный путь увлёк. Много путешествовал по Амуру, Приморью, проделывал тот же морской путь на Камчатку, что и Арсеньев. Жил и работал, как и он, в Хабаровске и Владивостоке. Причём во Владивостоке в том же здании, где работал и жил Арсеньев (тоже случайно). В 2006 году (уже целенаправленно) частично повторил его знаменитое путешествие 1906 года по Уссурийской тайге.

Школу окончил в селе Тахте на Нижнем Амуре в 1969-м. В 1978-м – биологический факультет Дальневосточного государственного университета. Работал в Амуррыбводе (Хабаровск) и Приморрыбводе (Владивосток). В начале 2000-х – предприниматель. В последнее десятилетие – сотрудник приморской краевой общественно-политической газеты “Утро России” и газеты Тихоокеанского флота “Боевая вахта”. Стихи пишу с детства. Издал две книги: “Пять минут на перекрёстке” (2001), “Константин Буркин” (2012). Увлечения всей жизни – шахматы, литература, путешествия. Дипломант VIII Всесоюзного фестиваля телевизионных программ “Молодёжь и перестройка” (Львов, 1988). Победитель литературного конкурса Национальной организации туризма Республики Кореи “Путешествие по Корее” (2006). Чемпион Владивостока по быстрым шахматам (2001). Лауреат творческого конкурса российского литературного журнала “Дальний Восток” (2010) и других. Печатался в “Комсомольской правде”, “Литературной России”. В региональных журналах и альманахах “Сихотэ-Алинь”, “Изба-читальня”, “Паруса” и газетах опубликовано много стихов и очерков. С 2013 года живу в Находке, в частном доме, где после ремонта размещу свою большую библиотеку и мечтаю принимать многочисленных друзей. Не откажусь, конечно, от путешествий и очерков с дорог – о природе, культуре, людях...»

*Из письма Валерия Малиновского,
29 августа 2014 года*

В ТАЙГЕ УДЭГЕ

– Пап, смотри, какие сани!
Снег от них летит, как пух!
Без собак, а едут! Сами!
Будто лось, несутся! У-ух!

Удэгеец веки щурит,
Козырьком ко лбу – ладонь,
Пыхнул трубкой, брови хмурит:
– Треск, однако, как огонь...

Подъезжают. Не встречают.
Из кабины:
– Что за грусть?!
– Грохот, паря, – отвечают. –
Амба скажет: «Шибко злюсь!»

– Э-э!.. Дикарь! Аэросани –
Сказка-лыжи! Едем с нами!
Пой, пропеллер, след выюжи,
Зверю скорость докажи!

День ко дню – года проходят.
Из урочища Тохол,
Где медведи обок бродят,
К удэге внучок пришёл.

Глядь, и:
– Дед! Дивись-ка чуду!
Дым пускает и рычит!
Да хлыстов какую груду
За собою волочит!

– Э-хе-хе... – вздохнул дед, курит,
Неотлипно вслед глядит,
Уши тронул, брови хмурит:
– Шибко яростно гудит...

– Э-э!.. Дикарь! Да трактор – сила!
Лей соляр, чтоб мощь не стыла!
Пой мотор, трелюй, дюжи,
Кедру силу покажи!

– Э-хе-хе... Уйдёт от стойбищ
Зверь да птица... кто куда...
Лес по берегу угробишь –
Шибко спрячется вода...

– Э-э!... Дикарь! Тебе же строим
Дом с мансардой, баню – вот!
Ты и сын, и внук – все трое –
Каждый в новом заживёт!

– Э-хе-хе... – присел на брёвна,
Гладил долго их, курил...
И – затих... Однако, кровно
Старый дом – тайгу – любил...

ПРЯМАЯ ЛИНИЯ

Ох, и валит снег – снежок!
Тонет, тонет сапожок.

Людам – радость, людам – чудо!
А машины – ох, беда! –
И оттуда, и отсюда –
Да всё юзом.
– Эй, куда?!

«Шур-р-р-р!» – лопатой гастарбайтер.
Ноги, ноги убирайте!
Успевайте! Успевайте!
Не зевайте! Не зевайте!

– Кто там, кто опять сигналист?!
Аль не видишь красных роб?
Аль лопатой сам не грёб?
Нас же всех сейчас завалит!
Чтоб тебя такого... чтоб...
Ай! – и в сторону прыжок.

А прохожий зиму хвалит!
Уж ему-то – что сугроб,
Если в радость шаг – шажок,

Если тонет сапожок?!
Если крупка щёки жалит!
Если снег стеною валит?!

Сыпь, зима, давай, давай,
Новый год не Первомай!
Валит, валит, снег – снежок!
Тонет, тонет сапожок!

«Шур-р-р-р!» – лопатой гастарбайтер.
Ноги, ноги убирайте!

– Эй, ребята, подтолкни-ка! –
Гром и молния! И шквал!
А гремит – не слышно крика.
– Что б вас всех тут чёрт побрал!

Человеку ль спорить с небом?
Он – хозяин на земле!
Дело неба – сыпать снегом
Там, где нужно, по зиме.
Человечье дело – чистить
Там, где надобно, его.
Ну, а нет... «Так и случится!..»
«Что?!» – «Да ладно, ничего...»

– Эй, юнцы! Не подтолкнешь?
– Сотню каждому даёшь?

«Шур-р-р-р!» – лопатой гастарбайтер.
Ноги, ноги убирайте!

– Это мэрия? Дороги?
Заметает! Чистит кто?
– Не волнуйтесь, точно в сроки
«Белорусов» вышло сто.
– Сто?! Откуда! Пару видел...
– Так они ж везде! Вразброс!
– Колом всё! Движенью – вилы...
– Сложный, знаете, вопрос...

А кругом – визжат машины,
Трутся, трутся, трутся шины!
На «корону» «марк» ползёт.

Тут народ – уж в рост причины! –
Власть куда подальше шлёт!..
А властям-то – что за горе?
Глянут сверху: «Ух, идёт!»
То ли снег, то ли народ...

– Мы ведь где живём? У моря.
Тут то дождь, то гололёд...
Говорят же: «Воздержитесь
От езды в такие дни».
Номер дам, с УК* свяжитесь,
Город чистят-то – они!
– Может, все вопросы – к небу?!
К снегу?! К морю?! Вас не трожь?!
– Вы чего?!
– А что за ребус?!.
Эй, мужик, не подтолкнёшь?

«Шур-р-р-р!» – лопатой гастарбайтер.
Ноги, ноги убирайте!
Успевайте! Успевайте!
Не зевайте! Не зевайте!

...Так, сиротски, год от году
Диалог «власть» – «люди» идёт:
На послания народу
Он свои посланья шлёт.

И метёт, метёт снежок,
Тонет, тонет сапужок...

ПИСЬМО СЫНУ

Здравствуй, мой милый!.. Давно не писала...
Не с чего было, так Оля прислала.
А то ведь конвертик самой не купить,
Думаю только, как месяц прожить...

Тихо сегодня. Нет новостей...
Так себе жизнь, как у многих людей.
Пенсию с Пасхи, считай, не дают,
Старухи теперь-то к ноябрьским ждуют.

Смотрю вот в окошко да чай попиваю.
Больная уже и совсем не гуляю.
Раньше под грушею лавка стояла,
Да потрухлела и нынче упала.

Марусю, ты помнишь, царствие ей,
Убил за чекушку пьянчужка-злодей.
Наш участковый ко мне постучал.
Да что я там знаю?! А всё ж записал.

Век доживаю, теперь уже что,
Катанки б грели, платок да пальто.
Зиму ещё как-нибудь протяну,
Только б не начали снова войну.

Да не погнали бы в рабство куда,
Как на Неметчину нас... ох, беда...
Вот, Жириновский... То просто кричал,
А то и за косы кого-то таскал.

Оно ведь то плохо, а то ничего,
Может, научат в Кремле-то его.
Юлина Валя письмишко прислала:
Тоже на западе всё вздоржало.

А из Хабаровска Мотя звонила:
«Дочка, – горюет, – меня позабыла.
Внучок-то остался да в школу пойдёт,
Неужто и к школе не заберёт?»

А тут ещё хлопцы вдруг стали ходить –
Квартирку к зиме захотели скупить.
Куда ж, – говорю, – коли взять да продать?!
Так ведь по рёбрам стали шпынять.

Соседский-то Гришка, спасибо ему,
Тот, что попал за Зойку в тюрьму,

* УК – управляющая компания.

С ними как будто пошёл покурить,
Так перестали тогда приходить.

Я-то его ещё сосунком
Часто поила домашним кваском.
Мать-то, бывало, на месяц запьёт,
Жалко мне было: малой, пропадёт»...

Много ещё написать бы смогла,
Свечка вот только сгорела дотла.
А электричества сколько уж лет
В нашем селе по-нормальному нет.

Вот притулюсь как получше к окну
Да допишу – хоть бы строчку одну.
Хлопчик врачихин мне окна помыл,
Дворик расчистил, воды наносил.

Ты уж теперь одевайся теплей
Да обними за меня-то детей.
За зиму кое-чего подберу
Да и посылочку вам соберу.

Сядь да две строчки хотя б отпиши –
Всё поприятней-то мне для души.
С тем и прощаюсь, свет уже плох,
Да сохрани вас, ослушников, Бог...

Стихи для детей

ПРО СОРОК

Две сороки «крылья в боки»,
Знай, трещат перед окном:
У сорок подходят сроки
Вить гнездо – прутковый дом.

«Я хочу гнездо на ильме,
Вот у этого окна!» –
Ставит точку говорильне
Белобокая жена.

И пошло! Муж сразу в дело:
Мигом скрылся за горой.
С хворостинкой прилетел он
И пустился за второй!

День и ночь гудят «тойоты»
В самой гуще городской,
А у птиц свои заботы
С Первой улицы Морской.

Надо ж, смотрим, как толково
Свили дом свой у окна! –
Тут и завтрак им готовый:
Рыбий хвост и горсть пшена.

Угощает птиц у стёкол
Добрый дядя Гера – мой
И всего Владивостока,
И сорочий друг большой!

ПРО КОТА БОРИСА

Ох, зазнался кот Борис.
Говорю ему: «Кис-кис», –
Даже ухом не ведёт.
Вот такой упрямый кот.

Молочка ему налью,
Отвернётся: нет, не пью!
Я и рыбки, и мяса,
Глажу шёрстку без конца –

Целый день одно в ответ:
«Мяу-мяу», – нет-нет-нет!
Ну сплошная маета!
Чем же мне кормить кота?!

Утром встала я чуть свет,
Глядь: грызёт свой «Китикэт».
Что за кот! Моих забот
Ну никак он не поймёт!

Объяснила всё соседка,
Колокольчикова Светка:
– Твой Борис? Да он не русский,
Раз не ест такой закуски!

Раз сухарики грызёт,
Это, Катя, еврокот!
У меня такой же был:
Кока-колу только пил!

ПРО МЫШЕК

У мшистой роци шесть мышат
Нашли заброшенный бушлат.
Прошлись шитьём по сгнившим швам –
Шалаш смыплёнышам-мышам.

За шагом шаг шалаш обшили,
Шершавых шишек натащили,
Ещё и шёрстки нащипали,
Зашебуршились, запищали.

Шитью и штопанью – шабаш.
Зашли в пристанище-шалаш,
Втащили с пищей вещмешок,
Пошёл домашний запахок.

Шумит по крыше шелест-шут.
Малышкам мышки шубки шьют.
Шуршат, шушукаясь, пищат,
Да пуще шишки шелушат!

ПРО ОХОТУ

Если тропка – вьётся долго,
Если речка – без конца.
На плече висит двустволка,
В ней жаканы из свинца.

Бить медведя – невезучий,
Я – ходок за глухарём.

А жакан в лесу – на случай:
Мало ль с кем столкнёшься лбом...

Встал кедрач хвоей-стеною –
Царский терем для зверья.
Захожу. Вдруг за спиною
Слышу чей-то шорох я.

Оглянулся – лес стеною;
Шаг, другой – скребёт опять...
«Это ж тигр следит за мною!»
Я решил: пора стрелять.

Р-раз! – в секунду развернулся:
Бах-бабах! – жакан в жакан...
На пол плёпнулся, проснулся:
Кот Борис дерёт диван...

НУ-КА, СОЛНЫШКОМ ОБЛЕЙ!

Сколько можно падать с неба
Этой мороси, скажи!
Посмотрю в окошко – слепо
Проступают этажи.

На Светланской, на Фонтанной
Хоть кораблики пускай!
Так и не дал нам желанной
Теплоты проказник май.

Вот погода строит козни!
Не стерпели мы: у скал
Искупались. Так замёрзли!
Зуб на зуб не попадал.

Даже лес стоит понуро,
Толком в зелень не одет.
Небо сверху смотрит хмуро,
А не сеет теплый свет!

Небо! Пятый день как лето.
Что ж ты! Совесть-то имей...
Хватит воду лить! Дай света!
Ну-ка, солнышком облей!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Солнце село. Сырость
Весну взяла в тиски.
А тут и ночь открылась...
Ну прямо тьма тоски.

Луна холодным блеском
Прижала гладь реки;
Ни рябинкой, ни всплеском
Той дрогнуть не с руки.

Весна, скукожась, стыла:
В безмолвной западне
Её слабела сила...
А дело ль – стыть весне?

К утру, задавшись густо,
Упал туман на луг.
Ни шороха, ни хруста
Не выдаст спящий звук.

Но кто-то, выручая
Весну из стылых мук,
Стал темень гнать, спасая
Живое всё вокруг.

По жменьке извлекая
Тепло на божий свет,
Он, утро пробуждая,
Снимал туманный плед.

И стылость, тьмой скуднея,
Слабела в ивняке –
Как лазом, сумрак, зрея,
К ней вкрался по реке.

Все замерло – как немо,
Безмолвье полнит слух,
Раным-рано... Но – время:
Запел – тик в тик – петух.

Уж он-то, зорьку чуя,
Горланит что есть сил:
«Ку-ка-ре-ку!» – хочу я,
Чтоб крик мой всех будил!

За петухом – корова:
Мычит, хозяйку ждёт.
Даст молочка парного
Да и на луг уйдёт.

Яснеясь, проступая,
Округи дрогнул круг,
И ночь, почти слепая,
Роняет темь из рук.

Рыбак к воде спустился,
Шаги и не слышны,
Костёрчик задымился,
А рыбке – хоть бы хны.

Очнувшись, утро зябко
Скользнуло под порог;
Ворчливо вышла бабка
Проверить света срок.

За ней – и дед. Ругнулся
На прелость табака...
«Весна!» – и задохнулся
Дыханьем тополя!

И всё ж туман – как въелся.
Весна ждёт солнца – глух.
Ей лучик бы – согрелся,
Вспорхнул бы стылый дух.

Притих рыбак, не дрогнет,
Ждёт клёва поплавок:
Ну, кто же, кто же тронет
Наживку хоть разок?

Уключины не скрипнут,
Не пьёт зарю рассвет,

Занудно сеясь, липнут
Туманинки окрест.

Костёр шипит, не грея,
Брехнуть собаке лень...
И вдруг... звеня и спея,
Плеснулся солнцем день!

И всё, что мокро стыло,
Впадая в полусны,
Взорвалось жизнью-силой
Красавицы-весны!

АПРЕЛЬ

Дед слез с печи – что там с утра
За гвалт-шумиха у двора?
Шагнул за дверь и обмер: «Ох!» –
Такой вокруг переполох!!

У солнца – жар! В бурлѐж – ручьи!
Капель – в трезвон! В галдѐж – грачи!
Сороки – в крик! Очнулся дед:
«Да что ж такое! – жизни нет».

МИГ НЕ ПРОЗЕВАЙ!

Зябко мне в палатке:
Близится рассвет.
Сон слетает сладкий –
Вот его и нет.

Выглянул – светает.
Тишина в лесу.
Ночь, бледнея, тает,
Расплескав росу.

У дубков сонливо
Шелохнулся куст,
Дрогнул сиротливо
Стебелёчек-ус.

Тенькнула синичка,
Треснул хворосток,
Живность-невеличка
Лезет в котелок.

Ёжик на полянку
Выскочил – застыл,
Видно, спозаранку
Тропку подзабыл.

Бусинка-росинка
Сорвалась с листка,
Следом паутинка
Будит паука.

Поделись, берѐзка,
Вспыхом-берестой,
Чтобы ожил броско
Костерочек мой.

Угости водичкой,
Ключик-ручѐк.
Чиркну ловко спичкой –
Кипятись, чаѐк!

Ишь ты! – как занялся
Над тайгой дымок.
Потянулся – взялся
За дела денѐк.

В угольки – картошки,
В пламя – сушнячка!
Хорошо ладошки
Выгреть с утречка!

Свет под кроны льѐтся,
Лижет дым росу,
Встанет – засмеѐтся
Солнце на весу.

Эй! Кто петь умеет –
Все и запевай:
Утро быстро спеет –
Миг не прозевай!

Жанна ГЕРМАНОВИЧ

Частой можжевеловой грусти

Германович Жанна Алексеевна родилась 24 июня 1987 года в Петропавловске-Камчатском. С 1994 по 2004 гг. обучалась в Ключевской средней общеобразовательной школе №4. Более десяти лет занималась сбором и скупкой лома черных и цветных металлов. В 2010 г. окончила ПУ № 14 п. Ключи по специальности «Оператор ЭВМ». С марта 2011 по сентябрь 2013 года работала на Узле связи в/ч 25522 г. Ключи-1 в должности механика аппаратной Станции спутниковой связи, позже механиком линейно-аппаратного зала Телефонно-телеграфного центра. С февраля 2014 года работает библиотекарем в Ключевской библиотеке.

Жанна Германович член Международного Союза Творческих Сил «Озарение». Номинант Национальной литературной премии «Поэт года-2012», «Поэт года-2013». Участница I Камчатского регионального литературного семинара (август 2014 г.). Награждена грамотами и дипломами от Издательского дома «Серебро слов» (г. Коломна): «За успехи, достигнутые в творчестве и в честь 90-летия со дня рождения Э. А. Асадова», за стихотворение «Новогоднее», ставшее финалистом поэтического конкурса «Новый год», благодарственным письмом «За большой личный вклад в деятельность издательства и развитие литературного портала tvoyakniga.ru». Имеет благодарственное письмо от заместителя Председателя правительства Камчатского края В. Т. Броневиц (опубликовано в газете «Усть-Камчатский вестник» № 65 (411) от 28 августа 2013 г.) за стихотворения «Приют израненной души» и «Года текут рекой шипящей».

О себе и своём творчестве Жанна пишет: «Первые стихотворения мною были написаны в четырнадцать лет и до семнадцати это были

лишь мысли строками – я их называю зачатки первых вдохновений, но они не сохранились. Были продолжительные периоды, когда стихи я не писала. Более осознанное и серьёзное творчество отношу к двадцати трём годам. В строки я вкладываю свои эмоции и переживания. Пытаюсь до общества донести собственную точку зрения, тронуть сердца людей. При написании стихотворений, в первую очередь, исхожу из личного опыта и пережитых мною эмоций. Так как считаю, что невозможно выразить словами то, что человек не испытал и не прочувствовал сам. Пишу душой открытой нараспашку, обнажая себя. На бумагу выплескиваю моменты грусти и радости, горечь разочарований, размышления, в некоторой степени своё бунтарство, несогласие с существующей действительностью. Не умею изворачиваться, прикрываться вуалью недосказанности. Не люблю замудрённых витиеватостей. Стихотворения из цикла «Королева металлолома» отражают период моей жизни, когда я занималась сбором, а позднее и скупкой металлолома. Мне довелось пообщаться с различными людьми, столкнуться со смертью, несправедливостью, социальным неравенством. Но самое главное, среди тех, кого презрительно называют «бичи» я встретила людей, которые во стократ преданнее, честнее, добрее, отзывчивее и душевнее всех тех, кто мнит себя «высшим светом»... В глубинке очень наглядно прослеживается, бросается в глаза истинное положение вещей. Выйдешь на улицу и такая тоска берёт... нищета, развалины, зачем-то положенный асфальт... как заплатка на фоне общей рванины... Когда живешь в таких условиях, невольно посещают депрессивные мысли, и охватывает глубочайшее чувство скребущей безысходности... Сколько людей спилось, умерло и прозябает. Ужасно видеть, как опускаются люди, и ты при всём желании ничего не можешь сделать, потому что большинство из них сами не хотят изменить свою жизнь, а, честно говоря, многие на это уже не способны... И ведь у каждого из них своя правда...

Стихотворения из разных периодов моей жизни, некоторые в чем-то корявые по технике, содержанию, но они часть меня. Имею много недописанных черновиков, пыталась дописать, но, увы, эмоции, которые переполняли меня на тот момент, уже не присутствуют в моей душе и в моём сердце, а что-то выдумывать – не в моих правилах.

В поэзии огромное внимание уделяют поиску новых рифм и образов. Но в погоне за славой и новизной многие вязнут в смутных, непонятных и порой нелепых образах. Я стараюсь избегать галimatий. Хотя, это не всегда получается. Порой, стихотворение, написанное неидеально с точки зрения стихосложения, своим содержанием, глубиной мысли даст фору любому идеальному по технике. Техника стихосложения не стоит на месте, когда-то то, что мы сейчас считаем каноном, воспринималось в штыхы. Время и жизнь всё расставят на свои места, ведь даже наличие

огромного числа читателей у автора – ещё не показатель качества произведения. Стоит только взглянуть хотя бы на то, какое огромное число людей читает всякого рода романы, детективы... содержание коих настолько однотипно и поверхностно – книжки-пустышки.

Люблю путешествовать, общаться с людьми разных социальных слоёв и взглядов на жизнь, дабы острее чувствовать жизнь во всех её проявлениях. Верю, что на земле можно отыскать Рай или создать его!

По характеру я неисправимый романтик и этим горжусь! Верю, что существует чистая, искренняя, настоящая безусловная любовь. Считаю, что к любви нельзя относиться как к чему-то банальному, повседневному. Сейчас любовью принято называть и влюбленность, и влечение и секс... всё упрощают... опощляют...

Каждое моё стихотворение – это маленькое чудо среди опостылевших серых будней... Поэзия – определенный вид оружия, она не наносит физического вреда, она бьёт глубже...».

Стихотворения Жанны Германович опубликованы в различных журналах и коллективных сборниках издательства «Союз писателей» (г. Новокузнецк), Издательского дома «Серебро слов» (г. Коломна), в литературной газете «Новая книга» (Издательство «Новая книга», Петропавловск-Камчатский), в сборнике «Камчатка. Литература. Краеведение» (ХК «Новая книга» г. Петропавловск-Камчатский, 2013) и др. Периодически её стихотворения публикуются в районной газете «Усть-Камчатский вестник».

ТОМИК ПОЭТА

В пыльном запаснике томик поэта
Средь стеллажей неприметно лежит.
Кто его автор, помнят ли где-то?
Тайно страницами тень шебуршит.

Строк дребезжанье разносится эхом
В полуподвальной коморке ДК.
Кто ты создатель, заложник успеха,
Душу заклавший, ушедший в века?

На пожелтевших листьях плачет лето,
Осень блудливо обходит дворы...
Кто ты, герой вдохновенной планеты,
Мне приоткрывший иные миры?

Дар провиденья – блаженные строфы,
Выведен вязью мистический слог...
Кто ты, властитель искусного форта,
Что за спасенье возьмешь под залог?

Трепет дыхания бессмертных творений,
В вечность чернилами вымощен путь.
Кто ты, талант, избежавший арены,
Убереженный от тягостных пут?

Плен фимиама окурной кожи,
На фотоснимке встревоженный луч...
Слово сакральное с символом схожее –
К сердцу болящему истинный ключ.

В пыльном запаснике томик поэта
Шепот Вселенной любовно хранит.
В Млечном пути мириады поэзий –
Тонких миров неразрывная нить.

НА ГРАНИЦЕ МИРОВ

Пышет жаром могучая сопка,
Розовеет, густится туман,
А за кратер смешно и неловко
Зацепился рожком хулиган:

Месяц юный с душою поэта
Жемчугами стихи рассыпал.
Звездопадом в ночи разодетой
Строки таяли, день утопал.

В хвойных дебрях янтарное небо
Расстилало влюблённым постель,
Чудотворная нежная небыль
Разливала пригоршнями эль;

Из глубин потаённое счастье
Наполняло мелодией лес.
На границе миров обвенчались
Дочь Земли и светило Небес...

Хлопья лавы, феерия света,
Испарился волшебный туман.
Но расскажут вселенские ветры
Как кудесничал старый шаман.

ОТШЕЛЬНИЦА В ПОИСКАХ СУТИ

Махровую россыпью шикши
Чаруют, пьяня, Листвяги.
Нагие берёзки – глупышки,
Природа – застенчивый гид.

Мелодию вальса Всевышний
Спускает в таинственный лес,
Златистыми звёздами шишки
Стремятся в ладони с небес.

Я гостя в блаженстве осеннем,
Пленяет стихов иглопад.
“Знахарки” под Млечною сенью
Врачуют касанием лап.

Сожженную пустошь сомнений
Изрежет Сухая-река,
Бескрылые узники – тени,
Кандалные цепи греха...

Настой можжевелевой грусти
Дурманит. Колышется ель.
Отшельницу в поисках сути
Напишет святой Рафаэль*.

Молчанье души обновлённой,
Мерцанье застывших комет.
В лебяжьей дали вдохновенной
Сплетённое рифмой колье.

НА РЕКЕ УЙКОАЛЬ

В лоно по Утиному пути
(Каждый день мишенью в «тире»!)
Рыба возвращается уйти –
Стать звездой в ориентире...

Уйкоаль опутана сетями,
Тралят красный хлеб с запасом.
Тоннами измеренные дни
Жадность собирает в пазл.

В зарослях засевшие плуты –
«Мошки» среди чинов путины.
Спальники, грохотки, ястыки,
Вспоротые брюхи, тина.

С голоду восставшее зверьё
Ищет снедь в помойных баках.
Выстрелами в спину – рёв,
«Снятая» с цепи собака...

Тощий и подстреленный не хил –
Мстит кайнын ничтожным ассам.
Рыщет у раскопанных могил,
Скотников, минуя трассы...

Нерест и прощальное «прости»,
Вздох проток, тоскливый лай.
«Хищники» дерутся за посты,
Позабыта песнь «Алхалалай».

Слепит позолотою закат,
В заводи снуют колюшки –
Бьёт природа кронами в набат!
Хахальча – «изысканная» юшка...

ХЛЕБОСОЛЬНЫЙ ПОЛИГОН

Надрывный визг измотанной болгарки –
Изглоданная ржавчиной судьба.

*Рафаэль Санти (1483–1520) – великий итальянский живописец, архитектор и график

Зловонье пота, спирта и солярки,
Понурая в рванине голытьба.

Приют души – прогнившая хибара.
Поодаль – деревенское жильё.
В соседях вислоухая орава
Да в лежбищах голодное зверьё.

Дымит костёр, озлобленные лица,
Облизанное копотью тряпье.
А мысль одна: скорей опохмелиться
Да выменять болванки на питьё...

Гниют, сопливят гадостные кучи,
Чихают в чавканине сапоги,
Мадам, тайком прихлёбывая «Gucci»,
Шарахалась под матерный загиб.

А дед, судьбой пришибленный, патлатый,
С обрюзгшим и нахмуренным лицом
Копал канаву ржавою лопатой,
Плевался, но держался молодцом.

Заслышав скрип рессор мусоровоза
И карканье летящих вслед ворон,
Помчались поражённые циррозом
К загруженной машине, напролом...

Смердит и манит нищую ватагу
Помойка – хлебосольный полигон.
Имела я терпенье и отвагу
Грошовый собирать металлолом.

ТЫ ПОМНИШЬ, ВОВА?

Ты помнишь, Вова, брата Лёшку,
Что за цветмет не раз сидел? –
В аду помойном захмелевший
Заснул и заживо сгорел...

А Генку помнишь? Да, хромого! –
Был сбит, отмучился бедняк...

«Крутой», обкуренной толпою
Был сброшен труп его в овраг.

Серёжку помнишь, что плевался
И кровью харкал через раз?
За жизнь отчаянно цеплялся! –
Помёр, от тубика угас...

А Мишку помнишь? Да не пил он!
Лишь нервы с дымом выпускал.
За правду глотку рвал с надрывом! –
Сердечный приступ – наповал!..

А Светку помнишь, что любила
Про жизнь под водку говорить?
С кудрями – с «химией» ходила,
Но не могла уже не пить...

А бабку Тоньку, что осипла?
Блокадница и старожил! –
К ней шваль залётная всё липла,
И чистый спирт её стубил.

Мы по весне их схоронили,
Для Тоньки – гроб, а Светку-то в мешке...
Лежит девчоночка в могиле,
Не видно бабушки в окне...

ОБРЫВКИ ПРОШЛОГО

Умею ладить виртуозно
Болгаркою, кувалдою, ключом.
Служивых рослых и несносных
Не спаивала терпким первачом.

Девчонкой юною умело
Справлялась с огороженным постом –
Кусачки. Проволока, мелочь –
Добытчица. На окрики – пластом.

Рюкзак, духи от «Солидолли»,
Румянец – прикипевшая зола...

Костра ауканье: “Доколе
Коптиться в суматошности облав?”

На склочный мир под арматурой,
На бляенья: “Креплёного подлей!”
Клубами сваливалась смурость -
Зола километровых кабелей.

“...Луны раздувшиеся ноздри...
Беснуется, сопит Тмутаракань.
В огне привиделся Га-Ноцри...
И совести убийственный аркан...” –

Докучность строк и размышлений
Безжалостно с младенчества гнетёт.
Свинцом отравленных отшельниц,
Непонятых собой – наперечёт...

С глубин Вселенной серпантинном
Струится металлический кисель,
Как память... вызов на поминки...
К друзьям под растревоженную ель.

Что жизнь? – Groшовый алюминий,
Как в скупке, не в почёте, не в цене...
Клянём извечную поныне
И меряем продажностью монет.

ЗАРИСОВКА

Занудный вечер. Полудрём.
Скамья, слюнявые окурки.
Из окон трёп: за стопарём
Провозглашаются “фигурки”.

Тенист, раскидист палисад –
Пристанище “консервных банок”.
Соседка – ушлая лиса,
Охотница до перебранок.

Дедок – беспечный обормот,
С пустым карманом вновь в засаде;

Пропойца, деревенский мот,
Пришибленный граблями сзади...

И вдруг из недобытия
Фигура в мантии, как в рясе,
Возникла: “Здравствуйте, а я
Из церкви. Настоятель Сергей –

Он исповедовал меня.
Блаженная я, так странно...
Тычки, бесовска хохотня –
Молитвами врачуя раны.

Вы представляете: отец,
Пленённый плотскими страстями,
Молитвослов, лампаду, складень
Хмельной попрал и изничтожил.

Спасенье лишь в монастыре,
Искала я успокоенье –
Архиерей крестил, нарёк
И в мир. Молитвенное пенье...

Так странно, что я странная...
А вы красива. Стесняюсь я
Себя – старинная. Так мило.
Непонимание так тесно...

Пора домой. Но боязно,
Родитель буйствует, не спит.
Ах, сколько кошек... Поздно.
Лишь ладан страсти усмирит”.

Растаял солнелунный луч,
Природа сладостна в покое.
Лишь человеческий смрад липуч
В морально-умственном запое.

ГУЛЬДЁЖ

Хрипят уставшие колонки,
Движение жизни на нуле...

Страдая от похмельной ломки,
Скрипя зубами в полумгле,

Под ароматы терпкой бражки
С известным брендом “Перегар”
Шныряют местные “евражки”,
Глаголя жалобное “кар”.

Скрипят расстроенные двери –
Из норки в норку впопыхах...
Под заунывный шелест ветра
Паролем радостное “ах”:

Застолье шумное в разгаре -
Добыл добычу “сусличок”,
Стрельнув разбавленный в ангаре.
Героям слава – “чок-чок-чок”...

Дурманит огненная жижа,
Вскипает резвая любовь,
С беспечной добродушной рыжей
Готов на подвиги любой.

В репертуаре песни Круга,
Мадам легка и заводна...
Перелюбившие друг друга,
Плодятся в хате Смехуна.

Утихли бешеные страсти,
И в спячку, но не долог сон –
Спросонья хриловатым “Здрасти”
Гульдёж с мигренью в унисон...

ДВИЖЕНИЯ ДНА

Косматая мадама с перепоя
В объятиях обрюзгших сопляков –
Тенденция: блатхата и в запое...
Кучкуются, расхваливают кров.

Умело, по-камчатски разливают
В стаканы сугревающую смесь

«Медведь...», и косолапость не скрываясь
Является, реви и куролись.

Подъезд переполняют эхостоны
Звериной необузданной любви
Из дна... Я медитирую и сонно
Внимаю... Незатейливость трезвит.

Доносится нечастое дыханье...
Соседи – любопытство-перекур.
Я сплю и изучаю Мирозданье,
В висках стучит: «Поубивайте курв!»

БИОХИМИЯ C₂H₅OH

Щупаю темень.
Поджилки... Боже!
Хочется в Йемен...
Но где же, кто же

Я недобитый? –
А может Бэтмен?
Искры в орбитах,
На шее от петли

След ощущаю!
Дышу, иль душат?
Совесть воздушна,
Вискарь ей в душу!

Вешалка, вспомнишь! –
Дрянная Кэтрин...
Вешался – пошло!..
Задушен этой

Тварью морально!
Прочтите Веды,
Люди, отравлен
Судьбою! Еду...

Скорая? – Скорый!
Плацкарт отхожий...

Дьяволы, вскройте!
Удушье!.. Позже

Выберусь! Тело
В занозах... Дурень...
Гроб не отделан!
По-скотски умер...

Стойте! Не время!
Пожить чуточек
Дайте! Я беремен
Идеей точной
Многоточности!

...Смутэк. В глазнице
Подбитость ока.
Грезилась Ницца –
Полёт с наскоком!

Пылью оплёван,
Запутан тюлью,
Кое-как склёпан –
Похож на студень.

В ящике шкафа
Лежу прилипший
Этиловой кашей
Мозгов отлипших...

ДЕЙСТВО...

Лунность обстругана,
Лучи-лучинки.
Некто обруганный
Важно и чинно
Тащит с починки
Месяц испуганный.

В небо вонзаются
Занозы-звёзды.
Смелый и знающий

Сдёрнул завесу
Воплей советчиков
Разумом замкнутым.

Бездна лоханями
Пороков машет,
Умник, уханькавшись,
Вверх тормашками
В самости страшной,
Вытканной ханкою.

В поле Галактики
Стихов сеятель
Рифмами-актами
Мыслей склеенных
Лечит рассеянность,
Сгустками лакомясь.

В танце с абстрактностью
Сознание комы –
Гений отравленный
Ищет искомость,
Ставшую комом,
В действе с антрактами...

НАВОЗНАЯ МОЛВА

Ты не мил мне, ни капли не мил!
Лживым взором надежду давала.
Мало кто мою душу ценил,
Многих лишь от тоски целовала.

Распылив свою нежность во мгле,
Нелюбимых стихами ласкала.
Я искала на грешной земле
Чувств незримое покрывало.

Мне и жалость твоя ни к чему –
Переполнено сердце отравой!
Прислонившись к чужому плечу,
Так бесславно себя растеряла.

Ты не сыпь песен пряной любви,
Мне позналась лихая отвага:
Я вливаю в галдящие рты
Правды жгуче-ядрёную брагу!

Только всё ж опоили меня,
Обласкали, швырнули в канаву -
Тянет вонью навозной молвы,
Да галопом чернящая слава...

СКИТАНИЯ НЕПОНЯТОЙ ДУШИ

Озябшая надрывная душа,
Крещённая спиралью небосвода,
Под восклицания презренные: "Вкушай
Плоды передарованной свободы!"

По кронам прозябающих дерев,
Укутавшись замшелым покрывалом,
В миру опустошение узрев,
Оплёванном всклокоченною лавой,

К созвучию пространственных глубин
От низости, коварства и затрецин...
О скопище: «Псевдосвященный нимб
Фонит! Прелюбодействуй же и щерься...

Возмездие ниспослано вчера –
Рождённое бездушное создание;
Тщеславия беспрекословный раб,
Обложенный прожорливую данью -

Клеймёная печатью Сатаны
Молящая Богу показушность!»
В безмолвии провидческие сны –
Нагая неприправленная сущность.

По сгусткам обрамленных облаков,
Отринув суету, к перерождению;
От Вечности кровавик отколов
Спасительный от вздыбленной геенны.

КРИТИКОЙ ПО КРИТИКАНСТВУ

Привет тебе, камчатская богема!
Любители словесных извращенств
В плену идей... Разгадка теоремы
Близка... На полуострове возвращён

Новатор-критик истин и безумий,
Ценитель содержания словес –
Ширяев Вася – явленный Везувий,
Бомонду и глупцам противовес.

Глагол глаголет... вычурность урвала
Офсеты прозаических виршей –
Гореть им в лаве! Нет ценней «Урала»!
Формат галлюцинации взащей...

Очнись, издатель! Бред в апофеозе!
Очисть от сумасшествия Парнас.
Когда поют, что Дьявол в Берлиозе -
Окститесь!.. Нет Ширяева на вас!

ГОДА ТЕКУТ РЕКОЙ ШИПЯЩЕЙ

Я в детство вновь хочу вернуться,
Теплом души обнять весь мир,
И в беззаботность окунуться,
А не в замызганный трактир.

Я вновь хочу по тропке счастья,
Вдыхая вешнюю росу,
Босыми ножками промчаться
И влажную примять траву...

Года текут рекой шипящей –
Кто в омуте, кто на плаву.
А я барахтаюсь в бурлящей
Пучине и причал ищу.

Горят огнём людские судьбы –
Вселенской топи маяки:

Кто благодетель, кто паскудник,
А я – певец своей мечты!

Я на Земле ищу свой Рай
И к Небу строками взываю –
На пожелтевшие листки
Слова чернилами стекают.

Я буквы сердцем вывожу,
За каждой кляксою – грехи.
Смеясь у бездны на краю,
Мой разум рвёт мои стихи.

И душу вам на растерзанье,
Мои вчерашние враги,
Я обнажала, как признание
В своей таинственной любви...

Я в детство вновь хочу вернуться,
В нём дни надеждою полны.
Боюсь уснуть и не проснуться
От набегающей волны,

От пузырей разящей боли,
Тоски, сжигающей во снах –
Страшусь, не вынеса сей доли,
Предстать пред Богом в кандалах.

ПРИЮТ ИЗРАНЕННОЙ ДУШИ

На окнах ставни, дверь закрыта,
Но прохутился ветхий дом.
И веет атмосферой быта,
Где я и мама, мы - вдвоём.

Где жар печи и треск поленьев,
На кухне столик у огня,
А в поддувале воет ветер,
Небрежно угли теребя.

Где лунный свет играет с тенью
Наивной радужной мечты.

И я, не зная сомнений,
Крушила подлость пустоты...

Калитка бережно прикрыта,
Тропой пленённые следы.
Дверь на чердак чуть приоткрыта,
Щебечут крохи-воробы.

Но огород зарос травой,
Тальник скучает у крыльца,
С еловых веток запах хвои,
Берёз шумящая листва.

Дождем побит крест на могиле,
Что у подлеска, на бугре.
Мы пса лет пять как схоронили,
И спит наш друг в сырой земле...

Сутулый дом хранит мгновенья
Моей затейливой весны,
Зачатки первых вдохновений –
Приют израненной души.
Я на завалинке поникшей
Читаю строки прошлых лет,
И сокровенность завитушек –
Мне оберег от зол и бед.

С порой беспечною простившись,
С тоскою в сердце ухожу,
И жизнь потоком быстротечным
Уносит молодость мою...

РАЗГОВОР С СОБОЮ

В рамке поблёкшее фото –
Снимок затерянных дней.
Нынче старуха-тревожность
Тычет в зеркальную тень:

“Помнишь, дитя с фотоснимка,
Пыль ностальгических мечт

С детством у печки в обнимку
В доме в дождливую течь.

Нынче с призывами “хапать”
Правит прожорливость “блех”.
Чаще посланница-птаха
В гости с вестями, врасплох....

Сверлят брюзгливые судьи
Мутною лживостью глаз.
Кажется мне, что Иуда
Плещется в каждом из нас.

Нет, не горланили в детстве
Пафосных, колких речей...
Помнишь бузинные ветви,
С сопки бегущий ручей?..

В платье гороховом младость,
Жизни иной оборот...
Ныне мычащее стадо
Бродит у сгнивших ворот.

Знаешь, лавирую чаще,
Думаю «что» и «зачем»? -
Мысли ольховою чащей,
Боязно согнуть ничем...

Гнёт повседневности, жалость,
Прежде невзятый рубеж...
В сердце лишь вера осталась
В лучшее, в памяти брешь...

Может, ретивые годы
Мчатся в забвенную даль,
Ты не сдавайся в угоду
Лености, манит Грааль...

Молотом терпкие оды
Крошат застенчивый стих...
Знаешь, отправлены в доты
Рифмы и стрекот утих.

Пой же, влюблённая грешность,
В прошлом оставив печаль.
Пусть улыбается нежность
С фото. Тоскующий альт...»

Смолкла тревожность, и ленты
В прядях кудрявых волос...
Детство, твои алименты –
Фото с обрывками слов...

ОБОРВАННЫЕ ЖИЗНИ

Ключья стихов недописанной жизни
Кружат, смешавшись с листвою берёз.
Что это было?.. И где же тот нищий
В грёзы влюбленный?.. Ни пьян, ни тверёз...

Скрежет дождя поминальной тризной...
Дней уходящих плывет караван...
Где-то на шпилье костелов нанижут
Души заблудшие с надписью “Рвань!”

Судьбы извечно непонятых нами,
Жизнью проклятых, попавших в капкан...
Свечи, “Прелюдия”*, доверху налит
Мною привычно гранёный стакан...

Нити сединок остывшего неба,
Боль успокоит грядущий Покров.
Знаю, не время... Полотнища снега
Стелятся в хатах забытых дворов.

Лишь одиночество спутником верным –
Скорбный свидетель побед и потерь...
Ангел-хранитель в заплаканном сквере
Шепчет с надеждою: “В лучшее верь...”

Вера в иное привычно осталась –
Манит дрожащей мечты огонёк.
Только внезапно опять показались
Души покойных и звёзд образок...

*Бетховен – Прелюдия № 5 (Душа)

НИТИ СУДЕБ

*Всё грезится мне то, что позабыто:
Было счастья призрачная даль,
И с желтыми цветами Маргарита,
И ноющая грешная печаль...*

Сергей Антипов

Осень, блюз, Патриаршие, морось –
Муки поисков? Слышишь мечтатель:
Всхлипы окон, за шторами ссоры –
Мир расколот на мелкие части...

Мысли спутаны - это диагноз?..
Вера в будущность скрыта в чернилах,
Дышит рукопись «Преданный Агнец» -
Образ жив, мне опять что-то снилось:

Всплеск надежд и любви невесомость,
Чей-то голос – гнетущее эхо,
Желтый куст и в тени под навесом
Черный кот, подавившийся смехом...

Быть непонятой в мире прохожих –
Так привычно. Сочувствие, жалость –
Эти “лавры” награда похожим,
Желчью вскормленным. Только усталость

Всё сильнее. Сомнения, опыт –
Груз из прошлого. Давит ненастье...
Тянет дно - оступившихся толпы,
Души сгинувших в огненной пасти.

Жить насущным, мечтая о счастье,
Средь довольных казаться довольной,
Тыкать в небо: “Смотри, я участлив!” –
Ждать грехов отпущенья... Довольно!

Капля яда отравленной жизни –
Явь, которой отныне не надо!
Лишь глумленье и визги: «Изыди!»
Где-то там... приземленного стада.

Свечи, сумрак, колё с азуриком,
Нити судеб... Снотворное с чаем.
Сны – отдушина, в них Маргаритой,
Свергнув будни, тебя посещаю.

Средь высоток, гламура и лоска
Верю, ждешь у пруда на скамейке.
Слов сплетенье, сердец отголоски –
Я иду по извилистой змейке...

ДЕПРЕССИЯ В ЗАГУЛЕ

Затеряться средь московских улиц,
Задуть камчатскую тоску?..
Что со мной? – Депрессия в загуле...
Догорает солнечный лоскут.

В полумраке жизнь, любовь-забава...
Каторжанка мысленной трухи,
И сегодня даже ржавой лавой
Неспроста рождаются стихи.

Так, бомжом поникшим, на распутье
Одиноко топчется душа:
«Приюти, Вселенная, я буду
Воспевать величие Ковша...»

В.М.Ш.

Посвящается Василию Ширяеву

Кто ты ворвавшийся в жизнь поэтессы,
Лавой тягучей проникнувший в вены?
Узник-герой неразгаданной пьесы,
Сотканной стрелкой секундной настенных? –

Ангел-хранитель, наставник, нехстати
Прозой ершистой вонзившийся в сердце...
Званный? – Желанный! Волненье и натиск
Чувств и несхожая в схожести дерзость.

Пульс искушения, псевдолокавость
В сгустках стихов и моих нетерпений...
Знай же, отшельник, осевший в Вулканном,
Мощью цунами сметающий пену

Грёз и золу алконепониманий
С Бахусом венчанных «гениев» века,
Психоделистов — ваятелей маний —
С третьим зашторенным лупалом веком...

Вихри смятения, нежности, гнева
Треплют отныне влюблённую душу
Музы, возвращённой во чреве вулкана,
С сердцебиением любви непослушной.

Стань же средь клокота жизни Судьбою,
Гений, рождающий текстов усталость...
В сердце моём августовскою болью
Татуированы инициалы...

К ЭЖЕНУ

*Сколько водки, чтобы забыть тебя...
Принцессой Дна ты была вчера.
И всё, что есть в тебе,
О чём не слышал я...*

Eugene

В каком неистовом аду
(Тебе ль не знать!) я кувыркалась.
Рыдая, проклинала ту...
(Уверена, ей там икалось!)

Фантом разлучницы меж мной
(За нелюбовь к тебе я каюсь)
И ним... которому смешной
Кажусь, как ветошь трепыхаясь.

Нарёк меня «Принцессой Дна» —
Респект, жму руку! Дно я знаю!

Крах... Недоверие — цена
Предательства. Говоришь, таскаюсь

Как привидение... Что он
Судьбы волчицы не достоин,
Игрой в любовь опохмелён,
Увлёк... Куда? В каком из стойбищ

Меня искать? Лишь ительмен
В дуэте с бубном трансом горла
Всплачет: «Забудь о Мельпоме —
не! Нет?! — К шаману... Дурь прогоркла».

Квасишь... опустошив опять
Очередной, очередную?
Во снах пытаешься обнять
Мечту-блудницу. Росчерк: «Ну их,

Руины завтрашнего дня!»
Глотаешь клофелин безумий.
Души потёмки — западня —
Мелькнувшей одичалой музы...

Сплюнь же... калейдоскоп тревог!
Засос чернильным поцелуем —
Верлибр... Merci, Eugene, его
(письмо) храню я. Избалуюешь...

ВСД

Сосуды поют ...Тишина желанна.
В зеркалах зрачков возникают плавно
Полотна картин, сменяя друг друга —
Соцветия тьмы. Атакуют ругань

Поглотивших мозг панических страхов.
«Выжить! Жить!» — молю Бога, вжавшись в тахту.
Нужна ли? Кому? — ненужности жуткость.
Вколите, прошу, забвения жидкость

Жаждет вопль души пилюль седативных,
Адским кипятком сплющена активность.

Бессонницы муть, мышц тремор — не спится.
Влить в себя градус веселья? — Не спиться б.

Обслюнявил бред памяти ячейки,
Мыслей голоса иль заговор чей-то
Понять не даёт: глючит? проживала ль?
ВСД моё тело прожевала.

Обуяла, как паршивое виски,
Тоска. В приход? Нет! Пытаются свистнуть
Моей веры эфир. Я плачу, разбита —
Колошматит дух обрюзгшего быта.

Сжимают виски приливы тревоги,
Спасть от грехов — молитвы освоить,
Покаяться врази опустошиться,
ПромолвитьотцуЯну: «Dobrzewszystko».

Болен организм — диссонанс процессов.
Колеса к чертям, жизнь ценою в песо
Теплится. Борьба вконец измотала,
Цепляться за жизнь зубами. А надо ль?

Тиканье часов, взгляд суток пытливых,
Кошмарные сны вгоняют в потливость.
Кумар табака, подушки измятость,
А может быть я распятое мясо?

Валерий КУЛЕШОВ

Любовь моя Камчатка

Кулешов Валерий Фадеевич родился 23 марта 1942 года. Родом из Красноярского края. С 1964 года живёт в г. Ключи-1. По долгу военной службы попал на Камчатку, на полигон «Кура». Ветеран и пенсионер Вооружённых сил РФ. С ностальгией вспоминает родимый Красноярский край, знаменитую реку Енисей: «...но Камчатка как бы приворожила к себе, нет сил расстаться с ней». С особым блеском в глазах рассказывает о том, как дорога ему эта вторая Родина. О неповторимой красоте камчатской природы, о любимых Ключах он пишет стихи.

Подборка стихотворений Валерия Кулешова вошла в сборник «Душу тронуло мне...», изданный в 2010 году поэтическим клубом «Муза» (г. Петропавловск-Камчатский).

ЛЮБОВЬ МОЯ – КАМЧАТКА

Я люблю тебя до слёз:
Рощи каменных берёз,
Синеву твоих озёр,
Красоту долин и гор,
Ключевской вершины пик
И друзей камчатских лик.
В дождь и зной, пургу, мороз —
Это всё люблю до слёз.

Переправы и мосты,
Вновь пройденные версты,
В небесах орлана крик,
В кедраче медвежий рык, –
Черемшу и балычок,
Из лосося шашлычок,
На реке Камчатке плёс –
Это всё люблю до слёз.

Лаву, что горит в ночи,
Козыревск, Устья, Ключи,
Баньку, что топлю в субботу,
И рыбалку, и охоту,
И свой дом в Ключах – «Двадцатку»,
Полигон «Кура», Камчатку.
В дождь и зной, пургу, мороз –
Это всё люблю до слёз.

БАБЬЕ ЛЕТО

На Камчатке осень золотая,
Радугой листва, кружась, летает,
И, стыдась, рябинка покраснела.
Бабье лето песнь свою запело.

Белые берёзы, серебро России,
Заплела вам осень в косы золотые
Радугу прибоя у причал Авача.
Ну зачем ты, осень, облаками плачешь?

Плачет осень – птицы улетают,
И вернуться вновь они мечтают
В край суровый, но такой любимый,
Красотой своей неповторимой.

Здесь в красотах древнего вулкана
Слышен бубен местного шамана,
Песнь свою поёт про бабье лето,
Танец свой танцует до рассвета.

Догорает осень золотая,
Снег с дождём идёт, уже не тая.

Ключевская сопка поседела,
А в Устьях* пурга уже запела.

Белые берёзы, серебро России,
Заплела вам осень косы золотые,
Седину прибоя у причал Авача...
Скоро бабье лето пургами заплачет.

СТАРЫЙ СОЛДАТ

От рожденья до погоста
На Руси прожить не просто.
Богом, что тебе дано,
Как в раскрытое окно
Посадил ли ты берёзку?
Дом построил доска в доску?
Сына вырастил иль нет,
Ну, тогда таков ответ:

Прожил жизнь, дружок, ты зря,
От тебя ушли друзья,
И семья тебе не рада,
В жизни лишь одна отрада.

Я солдатом жизнь прожил,
Я Россиюшке служил.
Пусть я строить не умею,
Но зато я «Честь имею».

Русским духом я горжусь,
Ничего я не боюсь.
Живи спокойно, Русь моя,
Много на Руси таких, как я.

Если пить, так пьём,
Если бить, так бьём,
Жизнь отдать – отдам
За семью и предков,
Родину и Бога.

«Жизнь отдам, но чести – нет», –
Вот солдатский мой ответ.

* Усть-Камчатск.

Светлана КАРПИНСКАЯ

Ностальгия

Карпинская Светлана Леонидовна родилась 8 июля 1968 года в Украине, в посёлке Хотов Киевской области. В 1994 году в связи с переводом мужа на новое место службы переехала на Камчатку, в г. Ключи-1. Долгое время работала бухгалтером в в/ч 32106. Предстоящий отъезд с Камчатки побудил её к написанию первого стихотворения «Над Камчаткою рекой». По словам Светланы, она очень жалеет, что рядом не оказалось учителей, способных помочь в развитии поэтических способностей. Но мы надеемся, что она продолжит писать и полностью раскроет себя как поэтесса.

НАД КАМЧАТКОЮ РЕКОЙ

Над Камчаткою рекою,
Немного в сторону глядя,
Стоит, пыхтя за облаками,
Шивелуч – славное дитя.

Рассвет встречая самый первый
И подчиняя всех вокруг,
Не может спорить он, наверно,
С самой главной из подруг.

Но Ключевская тем не менее,
Вся важностью себя преподнеся,

То лаву выбросит всю сверху,
То загремит, так пригрозя,
Стараясь всем напомнить:
«Что самая главная здесь – Я!»

ПЕПЕЛ

Горело пламя над вулканом –
Огонь был виден далеко,
Такое зарево сияло,
Что ночью всё здесь освещало,
А днём всё пеплом засыпало,
Дышать нам было нелегко.

Вся улица вдруг посерела!
Под толстым, толстым слоем пепла
Деревья хмурые стоят –
Не тот же ждали мы наряд!

Ключи совсем уж поседели,
Лишь Ключевская вся при деле,
Пыхтит в жару или метели –
Ей всё равно, что вы хотели.
Она ведь знает, что творит,
Веками греет и коптит,
Сама с собой всё говорит.

Вдруг белый снег накрыл весь пепел,
И настроенье поднялось,
Деревья все похорошели,
Дождавшись белый свой наряд.
И красотой дворы оделись,
А хлопья белые ложились
Под ноги тихо нам, скрипя.

Ключевская загремела,
Грохот слышен всем вокруг.
Пригрозить она решила,
Пар пустив с обеих ух.

«Как звезда, на склоне этом
Я бросаю красоту:
Фейерверком вспыхнет факел,
Искры к звёздам полетят.

То подкину, то убавлю,
Факел, ярче мой гори!
Чтобы пламя моё жаркое
Не погасло до зари.

Камни с места передвину,
С жерла лаву припустив,
Всё же я вам всем напомним,
Что во мне хватает сил!»

СИНИЧКА

Ноябрь, холодом дыша,
На речке сковывает лёд.
В окно синичка постучала:
«Давай дружить с тобой, дружок.

Зима приблизится внезапно,
На землю выпадет снежок,
И кушать нам совсем не станет,
Повесь кормушечку, дружок!

А на рассвете, утром рано
К тебе я в гости загляну,
Поем пшено, что ты оставил,
И, зачирикаю, спою».

ЛЕТЯТ УТКИ

Все деревья пожелтели,
Тихо листики летят.
Зеленеют только ели,
Сосны дружные стоят.

У рябины ягоды поспели,
И листочки покраснели.

Вот шиповник весь дозрел,
Только утки не удел.

Стаи тихо собирают
Да на юг уж улетают –
Здесь морозы, холода,
Нет еды и много льда.

Ночью звёздочки горят,
Ярко светит им луна.
Все ключом они замкнулись,
Тихо крякая, летят
Высоко – даже не видно.

Как же трудно вам лететь,
Путь нелёгкий, очень длинный.
Выжить бы, не умереть.

Из года в год, уже столетия,
Сами путь себе проклав,
Знают курс они-то верный:
В тёплый край и зимовать.

А весной опять к нам в гости,
Даже нет, к себе домой,
Деток высидеть немножко,
Обучить и облетать.

Подрастут они, окрепнут
И сомкнутся в ключ родной.
Снова стая, улета
Ночью, крякая в дали,
Высоко, и не увидишь,
Слышно где-то там в ночи.

Возвращайтесь снова-снова
На Камчатку к нам пожить!

МУДРЫЙ ВОРОН

Ворон, сидя на берёзе,
Каркнул сильно на морозе:
Кар, кар, кааар!

Вдруг вороны налетели,
Ждут пургу или метели,
Да и поестъ бы хотели!

Тут откуда ни возьмись,
Все собаки подбежали,
Головы все вверх задрали.
Смотрят, сидя у берёз:
Кто же вас сюда занёс?

Сами ждём уже два дня,
Вся голодная родня,
Кто же бросит нам чего
По дороге иль в окно.

Тут окно вдруг отворили
И кусками одарили.
Хлеб летит со всех сторон.

Ворон важно вниз слетел,
В разные стороны поглядел –
Нет угрозы для меня,
Где же вся моя родня?

Каркнул ворон тут три раза,
И голодая родня
У окна парит она –
Хлеб поймали на лету!

А собаки наши в ряд
Дружно у окна стоят
И, голодные, скулят:
«Не достать!»

МАМИНА ИСПОВЕДЬ

Поймите то,
Что жизнь одна на этом свете!
Надо достойно её прожить,
Так, чтобы к вам тянулись дети
И вы были радостью для них.
Не тяготить, не злить, не придирается,
А просто лаской и добром –
Любить, и ждать, и восхищаться!
Оно воздастся, всё воздастся,
Да только пронести по жизни –
Не расгубить, не растерять, не перепутать,
Достойно с гордостью идти.
И каждый день с рассвета до заката –
ЦЕНИТЬ!
И мудро тайны те, что есть –
ХРАНИТЬ!

АХ, КАК ЖАЛЬ

Ах, Камчатка дорогая,
Как же жить мне без тебя?
Ведь, годами прикипая,
Стала Родина моя.

Здесь бескрайние просторы
И совсем ведь нет жары.
Лето дарит нам поляны
Бесконечной красоты.

Взять Альпийские луга –
Разнотравье такое,
Что кружится голова.

Водопадом из самого сердца
Очищает всё вокруг.
Любоваться красотой твоею
Едет без конца народ.

Горы, сопки и вулканы
Здесь давно живут семьёй,

И бескрайние поляны,
И сухие каждый год.

Вот ведь!
Только в жизни так бывает,
Что совсем наоборот,
Где душою прикипаешь,
Ты оставишь и уйдешь!

Наталья ЕРОШЕНКО

А жизнь продолжается вновь

Ерошенко Наталья Анатольевна родилась 4 августа 1959 года в Приморье, в селе Екатериновка. В 1962 году её семья переехала на Камчатку, в пос. Ключи. В 1976 году Наталья окончила СОШ № 4. К слову, это был первый выпуск в новой школе. После школы поехала учиться на швею. Работала в КБО, в перестроечные годы потеряла работу и волею случая пришла работать в детский сад «Ёлочка», где и сама воспитывалась в детстве. Вырастила двух сыновей. Уже много лет участвует в художественной самодеятельности, поёт в ансамбле «Исток». Своё первое выступление – чтение своих стихотворений, она провела в библиотеке, на заседании клуба «Сударушка» с пенсионерами, а потом были выступления перед школьниками. Слушателям нравятся стихи Натальи Анатольевны, она преподносит их с таким чувством, что невольно вникаешь в самую суть её сочинительства.

О себе и о своём многогранном творчестве Наталья Ерошенко говорит: «Родилась я в Приморском крае, в селе Екатериновка, что рядом с Находкой. Находка – рыбацкий город, поэтому меня всегда тянуло в море, к необъятному простору. Моя творческая жизнь началась ещё в юности, писала, как все девчонки, в дневниках, на обрывках листков четверостишья о любви, о жизни и природе. Когда стала матерью, всё это было заброшено до хороших времён. Осознанно стала писать лет в сорок. Навела порядок в своих записях, и получилось несколько альбомов из нескольких циклов. Стихи о природе, о родном крае, о посёлке в котором я выросла и живу, о его людях. Мы часто не замечаем красоту нашей природы, нам некогда остановиться, полюбоваться, задумать-

ся о простых вещах. Я пытаюсь донести людям то, о чём болит душа не только у меня, просто не все могут выразить это словами. Окружающей красотой я могу любоваться бесконечно. Даже в зимней стуже и в холодном дожде я нахожу особое понимание. Я глубоко верующий человек. В мой альбом входят произведения о Боге, о предназначении человека на этой земле, о его миссии. Также цикл о душе, её боли, метаниях, переживаниях. Цикл о любви – это отдельная и большая история: любовь, боль, разочарования и опять любовь. Ведь любовь бывает разная... Это, пожалуй, единственная тема, которая не даёт человеку остановиться, движет его вперёд. Цикл стихотворений о войне отражает мои впечатления от рассказов родственников, от людей, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях в Чечне, Афганистане. А также стихи о Великой Отечественной войне по моим воспоминаниям от рассказов деда и простых людей. Всю боль, которую они испытали, я пропустила чрез себя, так как не смогла остаться равнодушной к страданиям, нечеловеческим условиям, тяготам и лишениям».

Произведения Натальи Анатольевны периодически публикуются в районной газете «Усть-Камчатский вестник».

КАМЧАТКА

Северным дыханьем обновлённый,
Над Камчаткой день встаёт с зарёй,
Буйными ветрами окрылённый,
Он несётся по земле родной.

Освещая сказочные горы,
Солнце первым радостно встаёт,
И, тепло даруя, на долины
Оно диском огненным плывёт.

В белых шапках скалы-великаны
Облака подпёрли, как борцы,
И седые рядышком вулканы
Всё копят из трубки, как деды.

Чаяк крики над морским простором
Слышу я, и плещется волна,
Вынося на берег под причалом
Все дары природные со дна.

Мой родной, затерянный, суровый
Полуостров девственной тайги,
Ты природой чудной наделённый,
Край заветный снега и пурги.

КЛЁНЫ

Расплескали клёны позолоту
По аллеям, паркам – тут и там,
И, подбросив дворникам работу,
Опадают листья в ноги к нам.

Листопад над городом кружится,
Разноцветный, падает с небес,
И на сердце теплотой ложится,
Словно в детстве, когда ждёшь чудес.

Замираю снова от восторга,
Осень – королевы эталон.
Лишь четыре времени у года,
Ну а ей особенный поклон.

Лес, как в сказке, снова принарядит,
Серебром и пурпуром мазнёт,
Пухом лебединым припорошит,
Кое-где перину припасёт.

Запахом особым успокоит
Луговых и перепрелых трав
И в стогах пахучих заночует,
Всех своим вниманьем обласкав.

Есть четыре времени у года,
Хороши по-своему они,
Мне же ближе осени погода,
Колдовством пропахшие деньки.

ПОКА ЖИВУ

Пока живу, дышу, во что-то верю,
И мысли бег зовёт в ночной полёт,
Осуществить мечту я всё-таки сумею –
На край земли она меня ведёт.

За горизонт, где солнышко ночует,
Откуда к нам любовь приходит в дом,
И где голубка с голубем воркует
На старой крыше сразу за углом.

За бор густой сосновый и за ели,
Где шпилем протыкая облака,
Они шумят и тихо подпевают
Рядом у святого родника.

Зовёт мечта за горы и долины,
Где вовсе нет тропинок и дорог.
Хочу на мир я посмотреть с вершины,
Потом вернуться на родной порог.

По тёмному затем промчусь я небу,
По млечному пути босой пройдуся,
Пересчитаю звёзды и планеты,
Домой опять счастливая вернусь.

Я побывала в море и на суше,
Мечта меня носила здесь и там,
Но дома, вы поверьте, всё же лучше,
Чем по прекрасным, но чужим местам.

ДОРОГА

А по небу плывут облака,
Будто крыльями лебеди машут,
И взлететь бы самой, да нельзя!
Не пускают грехи – цепи наши.

Разорвать бы оковы и вверх
Полететь за бескрайние дали,

Вслед за облаком плыть высоко,
Где меня и искать бы не стали.

Не нашли ни враги, ни друзья,
Я бы стала прозрачной, как дымка,
От земного уставши вранья,
Растворилась бы, как невидимка.

Я бы спряталась в небе ночном,
Звёзды пусть лишь меня окружают.
Все дела отложу на потом,
Пусть они только ярко мерцают.

Но нельзя, но нельзя мне взлететь –
Руки, ноги сковала тревога.
Лучше здесь, на земле, мне прозреть,
А потом позовёт пусть дорога.

Я исправлю грехи, лишь успеть
Задержаться у самого края,
Лишь бы песню свою мне допеть,
Может, примет та белая стая.

По кому-то заплачет душа,
На кого-то глядеть постыжусь я,
От кого отвернусь навсегда,
Ну а с кем по счетам расплачусь я.

А кому-то прощу всё, как знать...
Пригублю с кем-то чарку в дорогу,
Поспешу облака догонять,
Прибаваться к другому порогу.

АНГЕЛЫ

Говорят порой, что время лечит.
Чтоб не потерялись мы во мгле,
Кто-то сверху наши души метит,
Посылая ангелов к земле.

Чтоб, спустившись, развернули крылья,
Жизнь укрыли горькую мою,

Чтобы не сломаться от бессилья,
Я вручаю им судьбу свою.

Чтоб над головой моей не каркал
Чёрный ворон, больше не кружил
Да не рвал бы душу мне на клочья,
Прошлого крылом не ворошил.

Из себя я выброшу мгновения,
Когда страх сковал за тем углом,
Лишь бы те секундные сомнения
Не увидел ангел за плечом.

Прилетай, мой ангел, ты с рассветом,
Лишь заря коснётся крыл твоих,
Засияет снова ясным светом
Радость бытия для нас двоих.

Мы взлетим с тобою в поднебесье,
Жизнь свою с высот я огляжу
И исправлю всё, ведь ты со мною,
Ты увидишь, слово я сдержу.

В это верю я, к себе приемлю:
Чтоб надежда продолжала жить,
Ангелы спускаются на землю,
Чтоб меня с тобою защитить.

ПТИЦЫ

Не жалейте птицам крошек,
Не гоните со двора.
Может, эта чья-то где-то
Заплутавшая душа.

Может, скрылась вновь от кошек,
Заблудилась вдруг одна,
А потом дорогу к дому
Вмиг по крошечкам нашла.

Посидела, отдохнула,
В путь дорогу собралась,
Призадумалась, вспорхнула,
На карниз перебралась.

Посидела там немного,
От него оторвалась, –
От всего устав земного,
Чья-то нить оборвалась.

Пожалейте птиц крылатых,
Накормите посылней:
Ведь не птицу – чью-то душу
Отогреешь ты скорей.

Не жалейте птицам крошек,
Не гоните от окна,
Может, это чья-то где-то
Заплутавшая душа...

ПОСВЯЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЕ

Была я в детстве девочка живая
И часто бегала в деревню на краю,
Жила там женщина одна, не молодая,
Но, как магнит, тянула за душу мою.

Не торопясь, шла, и в общении простая,
Смотрели все, не отрывая взгляд.
В чём сила притяжения такая?
Ведь годы же совсем не молодят.

Была она не модно и одета,
Усталость пряталась в её глазах,
И радость в них давно уже потухла,
Лишь седина струилась на висках.

Она была когда-то многодетна,
И смехом был наполнен её дом,
Но стала к ней дорога неприметна
И заросла со временем потом.

На фронт своих детей всех проводила,
Но никого назад не дождалась.
Беда дорогу к дому находила,
И жизни нить у женщины рвалась.

От них лишь стопка писем сохранилась,
Лежат в коробке старой на виду,
А фотография семейная разбилась,
Хотя висела крепко наверху.

Ох, тучи чёрные на небе хмуром,
Откуда ж силы столько было взять?..
И стала боль извечным её другом,
Над горем она всё же поднялась.

Копала, сеяла, траву косила,
Пахала, стиснув зубы, за сынов,
Усталости спасибо говорила
Да от работы падала без слов.

Других детей деревней поднимали,
Зажав в кулак, судьбину не кляли –
Такие женщины в моей России,
Что позавидовать им могут короли.

ПОЧТАЛЬОНКА

По рассказам ветеранов
Великой Отечественной войны

Пролетели годы, словно птицы,
Небо мирное уже над головой.
О великом подвиге подростка
Расскажу я в повести одной.

Это было там, под Сталинградом, –
Шли тогда жестокие бои.
К нам в окопы под прицельным взглядом
Прибегала девочка в пыли.

Ползла она под пулемётным градом,
Крича от страха: «Мамочка, спаси!»

От взрывов падала на землю, прижимая
Пачку треугольников к груди.

И в глубоких пряталась воронках,
Когда ночь спускалась на беду,
Да просила: «Братцы, продержитесь,
Я из дома письма вам несу».

О себе не думала ни капли,
Ждали ведь её на огневой,
Чтоб бойцы две строчки прочитали,
Как идти им в свой последний бой.

Перепаханная сажей, в одежонке
Рваной, не по возрасту большой –
Я запомнил навсегда девчонку,
В память она врезалась такой.

Пролетели годы, словно птицы,
Небо мирное уже над головой,
Но девчонка и её косицы
Очень часто снится мне порой.

ПИСЬМО

Долго сыну писала письмо
Мать старушка дрожащей рукой,
Треугольник прижала к груди:
«Жаль, сынок, что тебя нет со мной.

А на улице нашей стеной
Поднялись уж дубы молодые.
Только б знать, что здоров и живой,
И в глаза заглянуть голубые.

Да сказать тебе: “Здравствуй, родной!
Я тебя дождалась, наконец-то.
Ты вернулся, вернулся домой!”
И слезу я смахну незаметно.

На висках седину не замечу,
От потерь боль в глазах притушу.

Я ждала тебя целую вечность,
Даже, кажется, шрамы к лицу.

Я собою тебя прикрывала
И с молитвой тебя берегла,
Когда шёл ты сквозь дым от пожарищ,
Незаметно рукою вела.

Расцвела вся сирень на селе,
Да все ночи в тревоге проходят,
А девчонки-невесты к реке
Вас встречать спозаранку выходят.

Приезжай, мой сынок, поскорей
Во дворе мы стол длинный накроем,
Созовём всю деревню гостей,
Ну а дом мы всем миром построим».

Долго сыну писала письмо,
Выводила дрожащей рукою.
Ну а там, далеко-далеко,
Обелиск был поставлен герою.

ПЛАЧ МАТЕРЕЙ

*Посвящается молодым ребятам,
погибшим на чеченской земле.
Вечная им память*

Кружатся тучи здесь, над перевалом,
Огнём горит чеченская земля,
Да в небе вьётся коршун над ущельем,
И горная внизу кипит река.

Песок хрустит зловеще под ногами,
Палит нещадно солнце, пыль, жара.
Приправленная потом и слезами,
Плескалась в фляжке тёплая вода.

Была она ценнее чёрствой корки,
Дороже возвращения домой,

И для ребят с распухшими губами –
Глотком последним, как идти им в бой.

И рота пацанов, ещё безусых,
К груди прижав надёжно автомат,
Глазами воспалёнными смотрели,
Как за горою догорал закат.

Как выстрел прозвучал приказ: «Отходим»,
Но не успел парнишка отползти,
Убит осколком от рванувшей мины,
Остался он лежать на том пути.

А далеко, в заснеженной России,
Мать как будто что-то поняла,
Её ноги словно подкосили,
Она сына тихо позвала.

Сердце мамы вмиг осиротело,
Горе билось птицею в душе,
Ведь на земле, давно забытой Богом,
Лежало тело сына на спине.

И часы стучали, словно молот,
Боль, как смерч, металась в тишине,
По квартире тёплой ползал холод,
Было страшно с ним одной наедине.

Ревёт Аргун и стоны заглушает,
У матерей ведь нет чужой беды:
Все одинаково и плачут, и страдают
И с нашей, и с соседней стороны.

ВОПРОСЫ

Почему я не птица, почему не летаю,
Почему крыльев нет, почему? – Я не знаю.
Отчего снова осень, на лице вновь морщинка?
Заросла вся дорога – получилась тропинка.

И зачем в небе синем журавли пролетают,
Словно облачко, быстро, вдалеке они тают?

И где туча ночует каждый день дождевая,
И о чём трава плачет по утрам луговая?

А где прячется зорька, когда день наступает,
Почем же охотник в птицу молча стреляет?
Зачем звёзды на небе бесконечно мерцают,
И, как будто снежинки, утром вновь они тают?

А откуда приходит Дед Мороз к нам на ёлки,
И они после праздников осыпают иголки?
Зачем плачет девчушка, горько слёзы роняет –
Глупый маленький мальчик мяч у неё отбирает.

И мальчишки девчонок будут дёргать за косы
У кого-то другого вновь возникнут вопросы...
А куда всё уходит? – Мы не знаем ответа,
Ведь кружится столетьями наша планета.
«Отчего?» и «зачем?», «почему?» – неизвестно,
А мне хочется знать, это так интересно.

ПОЗОВИ НАС, МЕЧТА

Позови нас, мечта, где, как в сказке, заря
И где радуга прячет концы,
Где сочнее луга и где глубже моря,
Где живут всего света творцы.

Позови нас туда, где живая вода,
Где удача и радость живёт,
Где небес синева, и где гор высота,
И по озеру лебедь плывёт.

Позови нас туда, настезь где ворота,
Солнце где каждодневно встаёт,
Где шумит водопад и растёт виноград,
Лозу счастья всё время плетёт.

Позови нас туда, где кивает трава,
И роса по слезинке спадёт,
Где целебный родник ниоткуда возник –
С него конь белогривый попьёт.

Позови нас туда, где густой снегопад
И снежинок не виден полёт.
Где деревья шумят и кружит листопад,
И где птица надежды нас ждёт.

Позови нас туда, где под осень страда,
Где грибной дождь частенько идёт,
Где плывут облака и мигает звезда,
И цветок-семицветик растёт.

И примчусь я туда, где гуляют ветра,
Где любовь вдруг неожиданно придёт.
И примчусь я туда, где мне птица-весна
На крылах сон любой принесёт.

Где полей широта и берёз красота,
И где иволга песню поёт,
Где качает волна и, надув паруса,
Ветер новых свершений зовёт.

МАМА

И пускай метель метёт сильнее,
В доме нашем жарко и светло.
Ты не торопи года быстрее,
Чтоб упали тенью на лицо.

Ну и что ж, что волосы седые
И косой пробор уж поредел,
Лишь глаза остались молодые –
Ведь таков наш жизненный удел.

Не грусти, что ты не можешь снова
Вальс, кадрили и польку танцевать,
Но зато всегда ты удержишь слово,
Если нужно в чём-то помогать.

Здоровье подкачало, что ж такого?
Прожить сто лет – не меньше, суждено!
Ну и что ж, что годы придавили –
Мы с тобой, родная, заодно.

Руки все в морщинках, эго дело,
Зато они спокойно не лежат,
Сказать ты можешь гордо, смело:
«Я вынянчила даже правнучат».

И пусть свирепствует старуха злая,
Всё норовит разбить твоё окно,
Разгладит на лице морщинки снова,
Бесценное словечко лишь одно:
«Моя любимая и дорогая мама,
Другой ведь в этой жизни не дано».

ХИТРОСТЬ СЛОВ

Я не приемлю льстивых фраз,
Сплетений слов витиеватых –
Обманной пышностью не раз
Губили нас невиноватых.

Скажи, где правда, а где ложь,
И не играй словами ловко –
Они меня бросают в дрожь,
Не понимая где уловка.

Твоим затеям грош цена,
Когда ты шепчешь очень нежно –
Я знаю все твои места,
Где вставишь хитрость непременно.

Когда за взглядом томный вздох,
Чтобы опять тебя простили,
Но трюк твой, знаешь, очень плох –
Слова меня не убедили.

Напрасен в этом лишний фарс
И пылкость юных откровений,
Играли шутки вы не раз
Да оставляли горсть сомнений.

Замкнулся круг из слов, пустых
И спаянных без увлечений:
Девчонок глупых, молодых
Губили вы без сожалений.

НЕ ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ

О, если бы возврату подлежали
Пустые и бездарные года,
Мы многое бы в жизни поменяли
И головой бы думали всегда.

Но строчки в той тетради пожелтели,
И стёрлись в памяти безумные слова.
Мы толком оглянуться не успели,
А в нашем доме уж кружит зима.

О, если бы возврату подлежали
Постыдные поступки иногда,
Мы сразу бы их Богу возвращали,
Покаявшись за грешные дела.

Но наши кони, не смотря, летели,
Косили взглядом и, тесня других,
Остановиться сразу не умели,
Хребты ломали, падая в обрыв.

О, если бы возврату подлежали
Все наши мысли глупые тогда...
Но молоды мы были и не знали:
За всё придёт расплата и сполна.

Но ветер – мы летим, и звёзды светят,
И нет покоя в шалой голове.
Но в нас уже оттуда стрелы метят,
Чтоб прикоснуться к каждому в судьбе.

ПЕРВЫЕ СЛЁЗЫ

«И сердце, мама, больше не болит,
Не хочет знать, где правда, а где ложь.
И, глядя на него, не защежит,
Меня не бросит больше в эту дрожь.

Я больше, мам, в капкан не попаду,
И золотые не защёлкнутся браслеты:

Я буду жить открыто на виду
И данные тобою чтить советы.

Назад я снова, мам, не оглянусь
И вспоминать не буду наваждение,
Да в дальнюю дорогу соберусь,
Уеду не сейчас, а в воскресенье», —

Так говорила дочь, глотая слёзы,
И верила самой себе вполне:
Ведь первые её разбились грёзы,
Надежды все сгорели, как в огне.

Ведь раскололась надвое судьба —
Что было и что будет непонятно...
И дочку мать покрепче обняла:
«К тебе ещё любовь придет обратно».

«А сердце, мама, всё же так болит
И хочет знать, где правда и обман.
Душа к нему стремится и летит,
И в голове опять сплошной дурман».

Две женщины страдали в той ночи,
Слеза стекала с тающей свечи,
И вспоминая всё в который раз,
Оплакивали каждая свой час.

ЗА ВСЁ ЛЮБОВЬ БЛАГОСЛОВИ

За всё любовь благослови:
За боль, обиду и разлуку.
И обвинять её не надо, не спеши,
Коль даже причиняет муку.

Её порой нам не понять,
Пытаться — очень тонкая наука.
Поверь, бывает разная любовь —
Ведь это труд, а не пустая скука.

А лучше всё прости и не тревожь,
Не укоряй за все грехи иные,
Ведь это дар, а остальное ложь:
Поступки наши и дела земные.

Она как плен, порою сладкий мёд,
И кто прошёл всё это, точно знает:
Любовь — не праздник, это тонкий лёд,
Скользим мы по нему, но он нас манит.

ПОТЕРЯННОЕ СЧАСТЬЕ

Городскими проулками тёмными
Бродит счастье с глазами бездонными,
Заблудилось средь шума на улицах
И теперь, бесприютное, кружится.

То в окошко заглянет высокое,
Но оно не его, а далёкое,
Ищет взглядом свою половинку,
Только трудно найти к ней тропинку.

Упадёт с высоты вдруг нечаянно,
Закричит от обиды отчаянно.
Люди смотрят вослед, удивляются:
Ходит счастье одно неприкаянно.

На другом конце города серого
Человек в пиджаке цвета белого
На минутку в метро задержался
И со счастьем своим растерялся.

Ходит, ищет, где счастье осталось,
Между улиц каких затерялось.
Ходит, ищет свою он потерю
И найдёт, я надеюсь и верю.

Вы со счастьем навек не прощайтесь
И в дорогу быстрее собирайтесь:
Кто боролся, искал, но не сдался,
Тот со счастьем своим повстречался.

НОЧНЫЕ МОТЫЛЬКИ

Закат уж догорает, померкли краски все,
И вечер долгожданный напоминает мне,
Что скоро ляжет ночка, сменив усталый день,
И осторожно красться по лесу будет тень.

Как только шаль укроет всю землю темнотой
Да бархатистым небом накроет с головой,
Кружиться будут стайкой ночные мотыльки –
Их днём не видно вовсе, ведь спят ещё они.

Вдали костёр зажжётся, сиянье разнося,
И крылышки забьются, зарвутся трепеща,
И на огонь помчатся два белых мотылька...
Ведь знают, что погибнут, но это их судьба.

Их ветром относил от жаркого костра,
Но к свету вновь летела безумная душа.
Им крылья обжигало, но их не повернуть
Стремиться снова будут – так обозначен путь.

И в жизни так бывает, сгорим мы дотла,
Остановить не можем мы вовремя себя,
Что нам предупреждение – ненужные слова,
Ведь будет рваться в небо упрямая мечта.

МУКИ ВДОХНОВЕНИЯ

Рука не дрогнет больше никогда
И не потянется к перу мгновенно.
Зачем же снова мыслей череда,
Круговорот словесный неизбежен?

И думы мне покоя не дают
И умирают сразу так печально,
Затем взрывают в голове салют,
Наружу вырываются случайно.

Услышит небо колокольный звон –
Он из глубин души звучит во мне.

Но с губ моих сорвётся только стон,
Я лишь кричу отчаянно во сне.

Лишь только там могу порой забыться,
Черкаю строки, плачу и живу,
Но просыпаясь, долго мне не спится,
И я опять пишу, но наяву.

Павел КОБЗЕВ

Исповедь в тиши

Кобзев Павел Андреевич родился 27 марта 1988 года в посёлке Ключи Камчатской области. С 1999 по 2006 год жил и учился в с. Пестровка Самарской области. В 2006 году вернулся на Камчатку. С 2009 по 2012 год обучался в Ключевском ПУ-14 по специальностям: «Оператор ЭВМ» и «Тракторист-машинист сельскохозяйственного производства».

О своём творчестве Павел пишет: «Первые стихотворения были написаны в шестнадцать лет. Эмоциональные переживания, жизненные трудности, душевный коллапс, поиски выхода из негатива, но надежда на лучшее подвигли меня на написание стихов. Так становилось легче, душа словно освобождалась от груза проблем и суетности будней. Моё творчество условно можно разделить на пять составных частей: любовная лирика («В памяти нетленной», «Раненое сердце», «В прохладный месяц сентября» и другие. Здесь я пишу о неразделённой любви к прекрасному полу. А также о любви к близким и о самом понятии любви); гражданская лирика («О чём тоскует Земля», «Россия-Матушка», «Живём, как полагается» и др. В этих стихах я передаю озабоченность судьбой России и падением современных нравов); психологическая лирика («Альтруист», «Шизофрения», «Погибает друг» и др. Это просто крик. Крик боли и отчаяния. Крик израненной души. Это желание помочь несчастным, достучаться до тех, чей долг и призвание помогать); христианская лирика («Иисус Христос», «Принимайте спасение», «Только вера» и др. Это особая, очень трепетная и тонкая часть моего творчества. Главный контекст таких произведений – спасение через веру. Вера в Бога облагораживает, спасает от скверны, исцеляет душу и вселяет надежду там, где ее, казалось бы, нет); философская лирика («Пороков

оставление», «Совет», «В клетке» и др. Сюда входят стихотворения, в которых я размышляю о жизни, о судьбе, о месте человека в этом мире, о добре). Особое место в моём творчестве занимают произведения автобиографического характера. В них отображаются факты и события из жизни, преломлённые через мои мысли и душу. Они насквозь пропитаны переживаниями и болью. Здесь ярко выражено моё личное отношение к этим фактам и событиям.

Подводя итог: сквозь всё моё творчество, в каждом произведении красной нитью проходит призыв к светлому, к чистоте помыслов, к благодетельству, к состраданию и самопожертвованию».

В районной газете «Усть-Камчатский вестник» за № 65 (411) от 28 августа 2013 года было опубликовано благодарственное письмо от заместителя председателя Правительства Камчатского края В. Т. Броневиц, адресованное П. Кобзеву и Ж. Германович: «Прошу передать жителям посёлка Ключи Павлу Кобзеву и Жанне Германович благодарность за стихотворения, опубликованные в литературной страничке 07 августа 2013 года. Удивительно поэтичные, полные философского смысла, гражданственности, они ещё раз заставляют задуматься о вечных ценностях: любви, сострадании и участии, ответственности за нашу общую судьбу!» Речь шла о произведениях Павла «О чем тоскует Земля» и «Пути». Помимо районной газеты стихотворения Павла публиковались в литературной газете «Новой книги» (г. Петропавловск-Камчатский).

АЛЬТРУИСТ

Он альтруистом был от Бога,
Взамен, любви не получив,
Перетерпел и вынес много,
Свою строптивость приручив.

Благодетель, состраданье,
Готовность выручить в беде –
Несло его на растерзанье
К всепожирающей толпе.

С душой своею нараспашку
Он был открытым и простым.
Увидев раненую птичку,
Не мог быть зрителем слепым.

И мчался с нею к эскулапу,
Чтоб облегчить страданье той,
Которой выпало внезапно
Перенести час роковой.

Светился солнцем бескорыстным
И ободрял, и помогал,
Он сердцем, пламенным и чистым,
Воодушевлял и вдохновлял.

Трудом тяжёлым не кичился,
Что заработал – раздавал,
Но в тайной комнате молился:
«Господь, дай сил, чтоб не устал».

Когда помочь его просили,
То отказать никак не смел,
И даже если поносили,
Он обижаться не умел.

А люди, видя в нём лакея,
Свой груз валили на него,
Сил благородных не жалея,
Топили душу так легко.

Но замечать стал рыцарь века,
Что сердце бьётся на убой.
Нет, не винил он человека,
Не смог сказать себе: «Постой!»

И вот однажды не проснулся...
Лежал, как нищий, на полу,
Он в грязь Земли сей окунулся,
Пошёл «Титаником» ко дну.

Никто его теперь не вспомнит,
И только камень сохранит,
Его молодой и светлый облик,
Что нанесён был на гранит.

О ЧЁМ ТОСКУЕТ ЗЕМЛЯ

О чём тоскует Земля печальная?..
О крови ли пролитой в боях безумия,
А может, просто слеза отчаяния
О людях, принявших венец слабоумия.

Грехи ль людей повергают в уныние,
И сплин Земли объяснить несложно:
Она позабыта теперь отныне,
Невежество душ изменить невозможно...

И плачет Земля и рыдает так горько,
Ведь люди забыли обеты свои.
Земля – есть душа, ей смотреть очень больно,
Как все мы теряем остатки любви.

Ей опротивели наши попытки
Смирить всю природу и всю красоту.
Она одарила нас жизнью в избытке,
А мы ей на шею надели петлю.

И взбунтовалась красавица наша:
«Доколе, доколе я буду терпеть!
Просыплю я пепел на голову вашу,
Чтоб вы не терзали души моей впредь!»

И начался дождь, и пошло наводнение,
И люди во страхе молились богам.
Земля же смотрела на всё с огорчением:
«Пусть будет тяжёлый урок это вам...»

Погибло людей в том возмездии немало,
Но это созревший, вкушаемый плод.
Нам справедливо жестокость отдала
За чёрствый, безжалостный, чёрный народ.

И землетрясеньем она наказала
Людей, что забыли духовность свою,
Она всё терпела – расплата настала:
«Теперь вашу грязь я в подарок дарю!

Зимой было лето, а лето – зимой...
И это вам тоже урок ненапрасный:
Вы потревожили вечный покой,
А ваша покойность, поверьте, опасна.

Я не для забавы расплату вам шлю,
За беззакония ваши – ответьте!
Поэтому сердцем и духом грущу,
Но не играю я с вами, заметьте».

И солнце палило, начался пожар,
И дымом окутаны наши жилища.
Всё возведённое жар пожирал,
Пока не осталось одно пепелище.

И много Земля ещё раз бунтовалась,
И много потеряно было людьми,
И в памяти всех нас те беды остались
Разбушевавшейся нашей Земли.

Но этот урок всё ж для нас не напрасен,
Он призывает – давайте ценить!
И Бога, и Землю, и друга любить!
Ведь мир так красив, и светел, и ясен.

МНЕ ОСЕНЬ НЕЖНО ГОВОРИЛА

Я снова выхожу на свет,
Прекрасен мир, желанна воля,
Меланхолии прошлой нет,
И дождик смыл остатки боли.

Мне осень нежно говорит:
«Ты не печалься, друг любезный,
Любовь согреет и простит,
Твой путь, отнюдь не бесполезный.

Листва, упавшая с дерев,
Как новых дней преображенье,
Твоей души перерождение,
Дух оживёт, помолодев.

Не злись на недругов своих,
Судья один у нас, ты знаешь,
Всему ты веришь, всё прощаешь,
И ценно счастье для двоих.

Ты, на поруки взятый Богом,
И нет стези теперь иной,
Как быть смиренным перед роком,
Нависшим над твоей головой.

И в детстве ангелом ведённый,
Ещё молодой и не смышлённый,
Ты был покорен небесам,
Как будто инок просветлённый,

Ты не дивился чудесам,
Но знал свой путь – он не из лёгких.
Ты возрастал, чтобы пройти
И скорбь людскую пронести.

И ты несёшь свой крест, не бойся!
Господь тебя благословил,
Водой святою окропил,
О суете не беспокойся.

Иди вперёд и не печалься –
Своей судьбы не избежать.
От злодеянья удаляйся,
Чтоб сердце чистым сохранять.

Законы Божьи пред тобою,
Людская горечь за окном
Пускай тебя не беспокоит –
Вся грязь очистится огнём».

Мне осень нежно говорила,
Вспоминая о былом,
Как солнце ласково светило,
Как был я счастлив под дождём.

Как я любил тогда по-детски
И первый снег, и стужу дня,

А чей-то голос по-соседски
Звал обогреться у огня.

«Теперь же, будучи возросшим,
Ты не скорби и не грусти,
А лицемеров и сатрапов
От сердца чистого прости.

Пусть доброта покоит душу,
А благородство – верный друг,
Жестокосердие разрушит,
И разомкнёт порочный круг».

О ветер могучий, несущий прохладу,
Ты предвещаешь чреду перемен.
Твоё приближение – вселенское благо,
От жизни постылой – свобода взамен.

Железная воля, твоё основанье,
Ты силою правишь, как Бог Саваоф,
Тебя я искал, как любовь, долгожданно,
И вот наконец-то ласкающий кров.

Во всё проникаешь, что мраком сокрыто,
И всё понимаешь – ты верен себе.
И сердце моё нараспашку открыто,
Я верю, что ты не забыл обо мне.

Мы с детства с тобою друзьями ходили,
Сплетённые души горячих сердец.
И парюю, дружной, весёлой, игривой,
Создали достойный друг другу венец.

Ты знаешь, что я в небольшом иступленьи
От встречи с далёким сиянием грёз
И в тихом, но чистом, желанном волненьи
Сотру пелену от восторженных слёз.

И вот ты со мной, ничего мне не надо,
В тебе моё счастье, в тебе мой покой.

И это небесное, чудное благо
Уже недалече, но рядом со мной.

Обнимет с любовью и сердце согреет,
Мы с ним закружимся, как листья деревьев,
Такой долгожданной прохладой овеет,
Душою и духом моим овладеет.

Поднимет меня над заоблачной высью,
Покажет все тайны создания миров,
Научит летать величавою птицей
И даст мне свободу от вечных оков.

Теперь не расстанемся мы уж навеки:
Мы слиты в едино и нас не разнять.
Пусть с грустью посмотрят на нас человеки,
Их томные души не могут летать...

ЖИВЕМ, КАК ПОЛАГАЕТСЯ

Нам не хватает сил для доброго деянья,
Для искренней любви, простого состраданья.
И дух наш угнетён, душа невольно страдает,
Надеется и ждёт, что, может быть, однажды

Мытарства все пройдут, смятение утихнет,
Погасшая мечта пожарищем вновь вспыхнет,
Всё будет хорошо, разрушатся преграды,
И жить такой иллюзией, конечно же, мы рады.

Но жизнь не так проста без нашего старанья,
Без внутренней борьбы и сильного желанья
Преодолеть себя, сразиться с Голиафом,
Надежды все, увы, закончатся лишь крахом.

Смотрю на окружение, с которым я сроднился,
И кто-то ещё плавает, а кто-то просто спился,
Кого-то жизнь сломала, кого-то закалила,
Других же успокоила гниющая могила.

Но в сердце большинства одни сейчас заботы:
Побольше бы бабла, поменьше бы работы.

Вдыхаем никотин и обретаем счастье,
По-пьяни героизм, хваление всевластьем.

В умах святого нет, Отчизна позабыта,
Духовность глубоко в сырой земле зарыта.
Как только деньги есть, все дружною гурьбою
Бегут и спотыкаются за огненной водою.

Конечно, мы хотим и радости, и счастья,
Но так лишь сократим безвременно участие.
Все наши начинания не принесут успеха,
Хмельные откровения – весёлая потеха.

Живём, как полагается, завидна наша доля,
Особенно же нравится Кондратий с перепою...
Мы странники, мы путники, венец самой природы,
Зачем вы оскорбляете – какие мы уроды?

Так, на свиней слегка, быть может, и похожи,
Почавкаем, похрюкаем, и – хрясь по чьей-то роже,
А в целом, господа, мы люди очень добрые:
Когда бываем трезвые – на многое способные.

Россия наша сильная! Не встретишь наркоманов,
При деле алкоголики и нет токсикоманов,
В реальности живём, ну, правда, виртуальной,
«Конфеты отрешения от жизни» уникальны.

У каждого своя, другого и не надо,
И в этом наше счастье, свобода и отрада,
Как вечные послушники у чистого порока,
Трехкратно перекрестимся и плюнем в лицо Бога.

Помилуйте, читатели! Пишу, как понимаю,
На деле же, на практике всё чаще замечаю,
Что как себя ведут родители на свете,
Во многом этот путь копируют и дети.

ДОБРЫЕ ПОБУЖДЕНИЯ

Хочу быть духом сокрушённый,
Своё величие поправ,
Не своевольный, но смиренный
И словно заново рождённый,
Иметь благоразумный нрав.

Чтоб сердце чистое пылало
И светом озаряло путь,
Желая пленника вернуть
Домой во что бы то ни стало.

Мне научиться бы любить,
Но антипатией болею.
Добром за зло хочу платить,
Хочу – вот только не умею.

Есть сущность тайная во мне,
Что тянет в грязь или в болото.
Другая сущность в тишине
Произнесёт молитву Богу.

Пойду дорогою своей –
Мне славы праведность милей.
Я так хочу себя распять
Под визги пламенных страстей,

Чтобы излилась благодать
И обновила грешный разум...
Не жалко было б отдавать
Всё боле, боле с каждым разом.

И прояснились бы глаза,
А душу бы наполнил мир,
Тогда б я встал под образа
И плакал, и благодарил.

Как много добрых побуждений,
Но зло так трудно побороть...
В Божественном преображении
Преображает лишь Господь.

ДЛЯ ЧЕГО НАМ ЖИЗНЬ ДАНА

Для чего нам жизнь дана?
Для веселья иль вина?
Может быть, для наслажденья
Или вовсе жизнь бесцельна?

Может, просто смысла нет?
Кто конкретный даст ответ?..
Задаю я вам вопросы
Не для праздного опроса.

В большинстве мы все слепые,
На уста мы все немые,
Мы не слышим, как глухие,
И душой своей больные.

Ищем счастья там, где пусто,
И поверьте – это грустно...
Мы уткнёмся в телевизор –
Это личный наш провизор.

Нахлестаемся мы водки,
Будет счастье литься в глотку,
Мы накопим на машину –
В этом смысла есть вершина.

Что ещё можно добавить:
Дом побольше отдолбанить,
Денег больше – в этом счастье,
Нам поможет в день ненастья.

В этом вся наша мечта,
И не надо нихрена.
Мы поели, мы поспали,
От работы мы устали.

В этом наша благодать?
Это трудно потерять.
На извилистой дороге
Забываем мы о Боге.

Крест несём мы свой впустую,
Тратим время вхолостую
И теряем свой исток –
Это разум наш исторг.

Все мы на Его ладони
И живём по Его воле,
Так поднимем свои веки,
Чтоб прозрели мы навеки.

Станем чище и добрее
И душою просветлеем,
И, держась Его законов,
Отречёмся от канонов,

Что поставил этот мир –
Этот мир нас ослепил,
Ослепил и оглушил,
Вечной тьмою нас покрыл.

Так покаемся пред Богом,
Скажем «нет» своим порокам,
И не будем же тянуть –
Нам ли Бога обмануть?..

ОТЕЦ

Из жизни ты ушёл так рано,
И не увидеть, не вернуть.
Судьбы безжалостная драма
Сдавило камнем мою грудь.

Отец, тебя мне не хватает,
Плохие люди говорят,
Но только Бог один лишь знает,
В чём прав иль, может, виноват.

И чрезмерным попеченьем
Ты был отравлен с малых лет,
Не знал любви, не ведал бед,
А грело душу лишь влечение.

Тебя влекли земные страсти:
Богатство, женщины, вино...
Вот и остался ты несчастным –
Кто виноват? Так суждено.

И в жизни чёрствой – малодушен,
Увы, приходится признать,
Твой свет безвременно потушен,
И на кого теперь пенять.

Да, всё имел, но всё пустое,
Оно свободы не несёт
И никого не признаёт,
Немое, мёртвое, слепое.

Но я тебя не упрекаю,
Да и могу ли упрекать,
Ведь сам прекрасно понимаю,
Что жить труднее, чем писать.

Я видел бабушку в печали,
И фотографию твою:
Глаза горели, но молчали,
И в них себя я узнаю.

Ушёл, как ангел, безвозвратно,
Кто знает в ад, а может – в рай.
Я лишь озвучу многократно
Многострадальное: «Прощай»...

В ПАМЯТИ НЕТЛЕННОЙ

Твой нежный взор во мгле пустых сомнений
Мне согревает душу всякий раз,
Когда настойчиво я в памяти нетленной
Хочу увидеть образ чистых глаз.

Тебя уж нет в моей судьбе, я знаю,
И голос твой не слышу я теперь.
Но и сегодня плохо понимаю,
Зачем тогда сумел захлопнуть дверь.

Тебя уж нет, и мне, поверь, не просто
Смириться с тем, что ты теперь с другим.
Но если любишь ты его вполне серьёзно,
Дай Бог тебе счастливою быть с ним.

Я не грущу, я просто понимаю,
Что мы с тобой на разных берегах,
И я тебя ни в чём не обвиняю –
Твоя душа в чужих уже руках.

Тревожить больше я тебя не смею,
И путь в твой дом осознанно закрыт.
Я молча вынесу душевную потерю,
Ведь я тобой оставлен и забыт.

Прощай, подруга, мы с тобой расстались,
Ты улетела птицей в облака.
Но всё же в памяти моей ещё остались
Твой нежный взор и чистые глаза.

РАНЕНОЕ СЕРДЦЕ

Раненое сердце ранит и других,
Ты прости мне это: к боли я привык.
И не замечаю я вокруг себя,
Что сияет солнце и цветёт весна.

Опьяненный болью, стал я чуть светлей,
Только одиноко как-то мне теперь:
Я искал простора, а сижу в тюрьме –
Так уж приключилось расплатиться мне.

Ты забудь про это, я же ухажу,
Ранить твою душу больше не хочу.
В жизни происходит многое не так,
Я же в отношениях, верно, был дурак.

Ты же будь мудрее и не злись душой,
Это ли проблема – пустячок простой.
В жизни одинокой был я оглушён,
Знай, что в этой боли был в тебя влюблён.

КРАСКИ

Надоело писать о прошлом,
Как о деле усталом, тошном.
Надоело писать о грустном,
О постылом, печальном, тусклом.

То ли дело добавить краски,
Сжечь угрюмые жизни маски.
Я добавлю в тоскливость света,
Пусть же будет теплом согрета.

Всё унынье водичка смоем,
И на новое место стоит
Нанести жёлтых, синих, белых
Красок жизненных и поспелых.

Чтобы мир засиял прекрасным,
Размалюю денёчки красным,
Захочу сделать всё красивей
И добавлю я красок синих.

А теперь в этом мире приглаженном
Нахлобучу я небо оранжевым,
Голубую же сделаю Землю,
Фиолетовой сделаю тень я.

Всё прекрасно, художник я аховый,
И душою своею распахнутой,
Наконец я закончу картину,
Что заменит тоскливую мину.

Полюбуйтесь моими творениями,
Вон и птицы летят цвета зелени,
Здесь и кактусы цвета бардового,
И березки стоят все лиловые.

Что художник дубовый я знаю,
Я в него лишь от скуки играю,
Но позвольте мне любоваться здесь
Синевой зари, желтизной небес.

СОВЕТ

Не думай: «Муза испарилась...»,
Не говори, что Бога нет,
Пусть даже что-то и случилось –
Есть дельный и простой совет:

Не плакайся, когда страдаешь –
Не пожалеют, не поймут,
Но уваженье потеряешь –
Тебя заочно осмеют.

Не трать все силы на стяжанье –
Ты с кейсом в небо не войдёшь,
Ища всеобщего признанья,
Расстройство нервов наживёшь.

И не суди других поспешно –
Есть Вышний суд, он в курсе – знай!
А если дело безуспешно,
То рук своих не опускай.

Не падай духом – ушибёшься,
Будь сильным: слабый не живёт.
Когда над нищим посмеёшься,
Богатство в дом твой не войдёт.

Если родителей порочишь –
То значит, ты порочен сам.
И что под нос себе бормочешь,
Получишь по своим словам.

За ближнего не поручайся,
Ответь хотя бы за себя.
И не грусти и не печалься –
Ты дел не сделаешь скорбя.

Да, кстати – жить не будешь вечно:
Настанет время, и умрёшь,
И что посеешь, пусть беспечно,
То обязательно пожнёшь.

Не думай, что ты самый умный,
Поверь – найдутся и умней,
Во всём подход ищи разумный,
Держись подальше от страстей.

Не обижай, не обижайся,
И будь всегда самим собой,
И не проси – не унижайся,
Когда нет денег за душой.

Вся слава пусть да будет Богу.
Его уставы исполняй,
Молись за ближних хоть немного,
Грехов своих не сокрывай.

Я мало в жизни понимаю –
Немного прожил ещё лет,
Но к гласу разума внимая,
Дал ненавязчивый совет.

МОИ СТИХИ

Слова, слова изысканны и нежны,
Мои стихи, как исповедь в тиши.
Я обнажал и раскрывал безбрежно
Всю глубину и трепетность души.

Меня порой не понимали люди,
Поэзию считая лишь игрой.
Но кто из вас, всезнающие судьи,
Смог даровать желаемый покой?

Стихи смогли перебороть томленье,
Им удалось вобрать в себя печаль,
И вот уже разящее волненье
Уносит лист тетради в свою даль.

А вместе с ним уносятся тревоги
И вся крамола низменных страстей.
Я подустал от длительной дороги,
Но жду теперь приятных новостей.

Любовь хранит израненное сердце.
Кто не в себе, пусть молится Творцу.
Как не идёт унылость для младенца,
Так и для нас бездушье не к лицу.

Мои стихи – пред Богом откровенье,
Которому успел я задолжать.
Но лишь Его благое провиденье
Дало мне сил не пасть и устоять.

У каждого свой путь, своя дорога,
И мы не вправе ближнего винить,
И я скажу не в красноречье слога:
«Давайте мы научимся любить.

Нет, не себя, себя любить несложно,
Любите тех, кто окружает вас.
Не думайте, что это невозможно,
Не я сказал, а с неба был наказ».

И не напрасно было сокрушенье,
Мои стихи свидетели тому,
Познав всю боль и горечь поражения,
Я очень рад, что я ещё живу!

В страданье есть и истина живая,
А суть её подводит нас к любви,
Ведь боль души и сердце просветляет,
И видим мы изъяны все свои.

Желаю всем добра и море счастья,
В котором я купался иногда,
И позабудьте прошлые ненастья,
Возврата нет в минувшие года.

Слова, слова изысканны и нежны,
Мои стихи, как исповедь в тиши.
Я вам открыл и обнажил безбрежно
Всю красоту и искренность души...

МУЗА

Желая душу томную обрадовать стихами,
Я вновь пишу элегию дрожащими руками,
Опять ищу спасения за ручкой и бумагой,
Укрывшись за иллюзией приятного обмана.

И находясь в прострации печального сюжета,
Я открываю новое – мир юного поэта.
Строкою за строкой пишу себе сценарий
И не хочу себе наград и притязаний.

В волшебном мире сказкою рождается стихия,
Я вспоминаю прошлое, играет ностальгия,
И сила заставляет всю душу пробуждаться,
Я так хочу ещё в том мире задержаться.

Приходят мысли бледные, приходят и пустые,
Я выбираю светлые, на ухо не дурные,
Я осознать желаю, что значит быть поэтом
И, грязь всю оставляя, остаться человеком.

Поэзия – есть дар, он дан, конечно, Богом,
Пусть скромный мой талант не будет мне упрёком,
Пусть в сердце пробуждается фонтан из вдохновенья,
Зефир мой дух накроет приятным дуновеньем.

Так в сказке грёз моих я радуюсь минутам,
Шагаю по невиданным и радужным маршрутам,
Как только время кончится, меня забросит в будни,
Я странником блуждающим пройду по жизни скудной.

Но вот закончилась пора, пора мне возвращаться,
Хотя и всей своей душой хотел ещё остаться,
Но муза – странная игра, она непостоянна,
То всё обходит стороной, то шепчет непрестанно.

Теперь я вышел из игры, и муза испарилась,
И вот теперь закончен стих, и радость мне открылась.
Прощай, подруга, но учти, я буду ждать всечасно,
Не покидай меня на век, не оставляй участие.

О муза юности моей, тебя благодарю я!
Ты украшение для меня, тебя боготворю я!
Не будь же зрителем слепым и слушателем праздным,
Чтоб жизнь моя, пройдя чрез век, была бы ненепраздной.

Слово о художниках

Мешков Александр Петрович родился 5 октября 1929 года в с. Куликово Алтайского края. На Камчатку приехал в 1932 году с родителями. Проживает в посёлке Козыревске. Самодеятельный художник. Литератор. Ветеран труда (трудовую деятельность начал в 1943 году на Ушковском рыбопроизводном заводе. Более тридцати лет проработал рыбинспектором в п. Козыревске). Почётный житель Усть-Камчатского

района. Автор сборника рассказов «Камчатские истории».

Рисованием увлёкся ещё в школе и «рождался как художник абсолютно самостоятельно». О своём таланте он говорит: «В моей душе всегда жил художник. Мне всегда хотелось рисовать, перенести на полотно увиденное, поделиться с людьми. Думаю, в каждом человеке есть дар, надо только дать ему развиваться. Я хотел стать художником и надеюсь, что мне это удалось».

Саушкина Кристина Дмитриевна родилась в посёлке Оссора в 1981 году. С 1984 года проживает в г. Елизово. Выпускница Елизовской детской художественной школы (преподаватель – М. А. Лузин) и Школы юных литературных дарований (студия писателя Радмира Коренева). В 14 лет состоялись первые персональные выставки картин в г. Елизово и г. Петропавловске-Камчатском. В 2003 году окончила обучение в Новоалтайском художественном училище на отделении «графический дизайн». В настоящее время работает преподавателем в Елизовской детской художественной школе им.

М. Лузина. За этот период провела ещё шесть персональных выставок по Камчатскому краю, участник общих краевых, зональных и региональных выставок. С 2006 года – член Союза художников России. Направление и жанр в свободном творчестве – сюрреализм, абстрактный экспрессионизм, символизм, классика, декоративистское направление. График-иллюстратор.

С семи лет пишет стихи, философские эссе. С 14-ти лет печатается в газетах Камчатского края, молодёжных литературных сборниках, в хрестоматийных краевых изданиях, является членом литературного клуба «Белый Кутх» г. Елизово. В 2013 году выпустила авторский сборник поэзии «Дом с витражами».

Кириченко Полина Александровна родилась 19 января 1996 года в поселке Звёздный Пермского края. В 2000 году приехала на Камчатку с родителями.

Во время посещения детского сада «Золотой Ключик» музыкальный преподаватель обратил внимание на успехи в рисовании. Полина успешно сдала вступительный экзамен на художественное отделение в ДМШ пос. Ключи. Во время обучения дважды участвовала в областных выставках-конкурсах декоративно-прикладного искусства учащихся детских художественных школ и школ искусств «Этот красочный мир» и дважды получила дипломы лауреата – в номинациях «Декоративное настенное панно», «Куклы, мягкая игрушка». Участвовала в выставке декоративно-прикладного и изобразительного искусства «Усть-Камчатские мастера: живая история», получив диплом министерства культуры Камчатского края, Камчатского центра народного творчества.

В 2008 году закончила с отличием курс обучения на художественном отделении ДМШ пос. Ключи. Дипломный проект по дизайну одежды. Полина была первой выпускницей преподавателя Козловой Анна Борисовны в г. Ключи-1.

В 2014 году окончила 11 класс СОШ № 5 с золотой медалью и поступила в Пермскую государственную фармацевтическую академию.

В книге также использованы иллюстрации, выполненные Полиной Фоминой и Александрой Зарецкой (преподаватель Анна Борисовна Козлова) – выпускницами отделения изобразительного искусства Детской музыкальной школы № 1 п. Ключи и преподавателем этой школы Оксаны Геннадиевны Бловацкой.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Л. ТРОЦ. Уважаемые читатели!.....	
Ж. GERMAHOBИЧ. Bместо предисловия.....	
Александр HОCКОВ	
Мелодия серебряной струны.....	
Леонард ГРЕЧЕНИH	
Нет! Bесь я не умру.....	
Инокентий СОЛОДУHОВ	
Печаль моя светла.....	
Леонид БЛИHОВ	
Тебе я посвящаю оду.....	
Владимир БАКУЛИH	
Без Камчатки – не жизнь, опечатка.....	
Элеонора ШТИЛЬHИКОВА	
Моя сказка.....	
Павел МИХАЙЛОВ	
В моих глазах вершины белых сопок.....	
Галина ТКАЧЕНКО	
Поэтическое «осложнение» инженера-электрика.....	
Валерий КАРПОВ	
Воспоминания очарованного странника.....	

Валентина СОБОЛЕВСКАЯ

Голос сердца.....

Вера УHДОЛЬСКАЯ

Моя галактика.....

Валерий МАЛИHОВCКИЙ

Миг не прозевай.....

Жанна GERMAHOBИЧ

Настой можжевельной грусти.....

Валерий КУЛЕШОВ

Любовь моя – Камчатка.....

Светлана КАРПИHСКАЯ

Hостальгия.....

Наталья ЕРОШЕНКО

А жизнь продолжается вновь.....

Павел КОБЗЕВ

Исповедь в тиши.....

Слово о художниках.....

Мёпот чернильных волн

Директор издательства *А. А. Смыляев*
Составители: *Ж. Германович*, *З. Н. Елисеева*
Ответственный за выпуск *С. А. Чиркова*
Корректор *Е. Н. Киселёва*
Верстка *О. И. Набутовская*

Подписано в печать 15.01.2015 г. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Peterburg». Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ

Холдинговая компания «Новая книга».
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8 (415-2) 41-12-60.

Отпечатано в ОАО «ИПК «Дальпресс»».
690950, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10.
Тел./факс 8 (4232) 45-67-06